

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 9 (279)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. – М., 2015. – № 9 (279). – 168 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>А. Казаков.</i> «Цветная революция» в России: Миф или реальность?	5
<i>Р. Гринберг.</i> Экономика современной России: Состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации	15

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Н. Белякова.</i> Крым и российско-турецкие отношения	37
<i>Б. Сидоров.</i> Некоторые аспекты современных экономических взаимоотношений в Центральной Азии.....	47
<i>А. Исмаилов.</i> Становление и развитие гражданского общества в Казахстане.....	57
<i>Д. Попов.</i> Место Узбекистана в центральноазиатской политике США	63
<i>К. Сыроежкин.</i> За фасадом саммита ШОС в Душанбе	86

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>М. Конаровский.</i> Афганистан и новая неопределенность. Вызовы для России и Центральной Азии	102
<i>К. Азимов.</i> «Цветные революции» на Новом Ближнем Востоке: Кому они выгодны?	112
<i>С. Костелянец.</i> Конфликт в суданском регионе Дарфур: Региональный аспект	120

<i>В. Погадаев.</i> Малайзия: Анвар Ибрагим – феникс, восставший из пепла.....	137
--	-----

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>И. Мухаметзарипов.</i> Религия и светское законодательство: Применение института медиации при разрешении споров с элементом религиозных норм. (На примере ислама)	150
<i>Н. Мухелишвили.</i> Рецензия на книгу: Селезнёв Н.Н. «Pax Christiana et Pax Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке»	166

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Казаков,
кандидат политических наук,
депутат Государственной думы РФ
**«ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В РОССИИ:
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

События последних лет свидетельствуют о том, что Россия в очередной раз подвергается массированному прессингу со стороны Евро-Атлантического сообщества. Хотя по сути речь идет о нанесении ей стратегического поражения, с тем чтобы окончательно устранить ее с мировой политической арены и поставить под контроль ее богатейшие ресурсы и коммуникации. Именно эта идея фикс доминирует во внешнеполитической стратегии США с окончания Второй мировой и, соответственно, начала «холодной» войны. Свое идеологическое оформление она получила в виде постулата с претензией на историческую аналогию: «Карфаген должен быть разрушен». Автор этой фразы римский сенатор Катон Старший едва ли предполагал, что его слова будут столь востребованы более чем через два тысячелетия уже в отношении России (провозглашенной в конце XV в. Третьим Римом).

В наше время эта фраза, приписываемая Г. Киссинджеру, является по сути доминантой внешнеполитического курса США, направленного на достижение глобального превосходства путем устранения одного из ведущих государств мирового сообщества. И хотя смысл фразы предельно извращен¹, тем не менее она позволяет понять ту одержимость, с которой США стремятся к достижению этой цели.

¹ Хотелось бы отметить, что Карфаген в III в. до н.э. являл собой по сути пиратское государство, стремившееся к установлению гегемонии над мировым сообществом того времени. Поэтому, по всей видимости, его аналогом в современных условиях являются сами США.

В значительной мере она обусловлена тем, что американский истеблишмент осознал, что расчет на то, что Россия после крупнейшей геополитической катастрофы XX в. – распада СССР – не оправится и ее уделом будет последующая стагнация и энтропия, не оправдался. Более того, в последние годы Россия демонстрирует свое фактическое возрождение: обеспечена внутривнутриполитическая стабильность, преодолены последствия кризисных процессов 90-х годов прошлого столетия в экономике, социальной и духовной сферах. Очевидно также и укрепление ее международного авторитета на фоне неприятия большинством стран мирового сообщества четвертьвекового американского диктата, эскалации военно-политической напряженности, реализации технологий «цветных революций» с целью насаждения марионеточных режимов, провоцирования межэтнических и межконфессиональных конфликтов и откровенной поддержки различного рода радикальных и экстремистских формирований¹.

Твердая позиция Российской Федерации в Совете Безопасности ООН по целому ряду вопросов международной безопасности в значительной мере снижает эффективность американской стратегии «управляемого хаоса», и это, безусловно, является одним из важнейших факторов, предопределивших ярко выраженный антироссийский курс США и их союзников.

Примечательна в этом плане комплексность использования средств, методов и технологий подрыва потенциала России. Перечень их чрезвычайно разнообразен, а спектр предельно широк. Это, в частности, попытки политической изоляции России и ее дискредитации посредством информационно-пропагандистских кампаний ангажированных СМИ, внешнеполитический прессинг и санкционная политика и т.д., вплоть до открытого вмешательства во внутренние дела страны путем финансирования различного рода оппозиционных структур под предлогом продвижения демократии и воздействия на различные сферы жизнедеятельности российского общества.

Не исключают США и использование военно-силовых средств, направленных против РФ. Об этом, в частности, свидетельствует расширение военной инфраструктуры НАТО на ряде

¹ Таковыми, в частности, являются «Талибан» и «Аль-Каида», созданные при участии спецслужб США, а также формирования, составляющие основу так называемого ИГИЛ, вооруженные США и их союзниками в рамках попытки свержения правительства Б. Асада в Сирии.

направлений в непосредственной близости от территории России и проведение на приграничных территориях учений с провокационной антироссийской легендой. Помимо этого, четко выраженную антироссийскую направленность имеют также размещение элементов американской ПРО в Европе и концепция глобального удара, которые должны, по мнению американских стратегов, нейтрализовать ядерный потенциал России.

То, что до сих пор конфликт не перерос в вооруженную стадию, свидетельствует о пока еще не утраченном инстинкте самосохранения европейских континентальных элит, отчетливо осознающих, что именно на их плечи будет возложена миссия вооруженного противоборства с Россией. США же со своим ближайшим союзником – Великобританией – как два островных государства будут находиться над схваткой до тех пор, пока результаты этого противоборства не будут очевидны.

Но это перспективное направление, которое будет развиваться только в том случае, если Россия не сможет гарантированно ответить на возможную вооруженную агрессию.

Пока же США, опираясь на непримиримых русофобов Восточной и Центральной Европы, реализуют стратегию раздражения и изматывания России, заставляя ее реагировать на их провокационные антироссийские акции. И Украина действиями своего нового руководства играет в этом ключевую роль. Возможны разные варианты развития событий в Украине [Кошкин, Липатова 2014], но именно ей в настоящее время отведена роль сакральной жертвы в противостоянии с Россией.

Проблема только в том, что руководство РФ, осознавая инспирированность этих процессов, не идет на поводу у режиссеров украинской драмы. При этом наиболее активные участники этого процесса не понимают или не хотят понимать, что если бы не было текущего украинского кризиса, то его вполне мог бы заменить какой-либо иной. (Как это было, например, в случае с авантюрой М. Саакашвили в августе 2008 г., осуществленной под протекцией США, от которой Грузия до сих пор не может оправиться.)

Следовательно, в отношении России реализуется, как было отмечено выше, комплексная стратегия прессинга. При этом ее главным направлением является обострение внутривнутриполитической ситуации в России, с тем чтобы инициировать системный кризис в стране. Другими словами, Россия должна быть повержена изнутри,

как это было почти 100 лет назад в ходе революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны.

Ставка делается на реализацию технологий «цветных революций», апробированных в Югославии («революция бульдозеров», 1999), Грузии («революция роз», 2003), Киргизии («революция тюльпанов», 2005, 2010), Молдове (2009), Украине («оранжевая революция», 2004, 2013–2014), а также на Ближнем Востоке (Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Сирия) в рамках так называемой Арабской весны (2010–2012) и ранее – в ходе «революции кедров» в Ливане (2005). Попытки реализации «цветных технологий» свержения законных органов государственной власти имели место также в Венесуэле (2002), Узбекистане (2005), Азербайджане (2005), Белоруссии (2006), Армении (2008), китайской провинции Гонконг (2014), ну и, конечно же, в Российской Федерации в 2011–2013 гг.

По мнению профессора А. Манойло, даже западные СМИ сегодня отмечают, что «цветные революции», которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов [Манойло 2015а; Манойло 2015б].

Действительно, обращает на себя внимание шаблонность и схематичность реализации основных элементов этой стратегии. Среди них, в частности, можно отметить:

- подрыв идеологической основы путем подмены общегосударственных ценностей либеральными или национально-этническими (в случае если ставка делается на сепаратистские структуры);

- использование объективного социально-экономического кризиса и создание кризисной обстановки искусственным путем посредством санкций и давления на финансовую и экономическую систему страны;

- дискредитация органов государственной власти и управления;

- формирование протестного движения;

- направление недовольства на конкретного «виновника» кризисов посредством создания образа «врага», «коррупционера», «чужого» в общественном сознании населения;

- нарушение системы управления посредством активной деятельности оппозиции с использованием наиболее критической массы общества – радикализованной молодежи;

– контроль над силовыми структурами, а при невозможности – их дискредитация;

– провоцирование резонансного инцидента с летальным исходом среди протестующих (расстрел на Майдане) или знаковых представителей оппозиции¹;

– ультиматум власти и ее свержение вне зависимости от того, будут ли приняты их условия.

И, наконец, главный итог – полный захват власти в стране или на какой-либо ее территории (если движущей силой такой революции является сепаратистское движение) с последующей легализацией и легитимацией новых властей и установление над ними протектората со стороны госдепартамента США и непосредственно американского посла².

Дальнейшее развитие событий предполагает жесткий контроль и установление режима «ручного управления» деятельностью пришедших к власти на волне революции лиц и структур. С этой целью в состав руководства страны вводятся лица, аффилированные с госдепартаментом США, а органы государственного управления различными сферами жизнедеятельности насыщаются штатами американских советников. Это обеспечивает реализацию соответствующего внешнеполитического курса страны и внутренней социально-экономической политики в интересах не населения страны, а американских транснациональных корпораций.

Важнейшим элементом этой стратегии является хищническая приватизация или передел собственности на территории «победившей революции» с последующей ликвидацией ведущих секторов и предприятий экономики страны. Немаловажным фактором является также вовлечение страны «победившей революции» в долговую зависимость от МВФ и других международных кредитных организаций на кабальных условиях.

Главная цель всех этих манипуляций – установление контроля над политическими элитами государств. Причем речь идет не только лишь о развивающихся странах типа Украины и

¹ Обращает на себя внимание тот факт, что убийство Немцова было использовано рядом зарубежных СМИ для дискредитации руководства России.

² Как показывает анализ развития ситуации в странах с уже победившей «цветной революцией», посол США является здесь наиболее влиятельным политиком. Без его ведома не принимается и не реализуется ни одно сколь-нибудь значимое решение. В Грузии таковым является Р.Ноланд, на Украине – Дж. Пайетт и т.д.

Ливии, но и таких вполне респектабельных, как Германия, Франция, Италия и другие страны Евросоюза, являющиеся по форме союзниками США, а по сути – их подконтрольными территориями.

Все эти фазы (этапы, элементы) в той или иной форме имманентны всем «цветным революциям», происшедшим за последние 16 лет, начиная с Югославии и заканчивая Майданом на Украине. Вследствие этого можно говорить об их уже сложившемся алгоритме. Более того, в значительной мере их основные элементы уже проявлялись в рамках «бархатных революций» 80-х годов прошлого столетия, которые по сути являлись предтечами «цветных революций». Поэтому представляется целесообразным определить основные условия и факторы, способствующие их осуществлению.

Наиболее значимым, по нашему мнению, является формирование соответствующей протестной социальной базы. Это достигается посредством массированного внешнего воздействия на общественное сознание населения той страны, в которой предполагается осуществить подобного рода революцию.

Пример Украины в этом плане весьма показателен в том смысле, что здесь на протяжении практически почти 25-летнего периода ее независимости реализовывалась планомерная стратегия переформатирования национального самосознания населения этой страны с целью утверждения идеологии национального превосходства, исключительности и неприятия не только инакомыслящих, но и всех тех, кто отличается от «свидомых украинцев» по этноконфессиональным или иным признакам. Обращает на себя внимание, что здесь уже в XXI в. по аналогии с нацистской речевкой 30-х годов XX столетия: «Германия превыше всего» звучат аналогичные по смыслу слова: «Украина понад усе».

Аналогичным образом происходила и происходит обработка общественного сознания Грузии и Молдавии. Здесь также ставка сделана на исключительность титульных народов, а также на формирование образа врага в лице России и русских, виновных во всех мыслимых и немыслимых бедах этих беднейших стран постсоветского пространства.

Посредством переписывания учебников по истории этих стран в сознание молодого поколения внедряется идеологема об оккупации этих стран Россией и неисчислимых бедствиях и страданиях их народов от этой «оккупации». При этом не учитывается тот факт, что само физическое существование народов этих стран, сохранение их самобытности и культуры обусловлено их вхождением (добровольным!) в состав России. Уровень же жизни их

населения в советский период был значительно выше, чем в самой Российской Федерации.

Идеологическая обработка населения России из-за рубежа идет по несколько иным направлениям.

С одной стороны, в сознание российских граждан на протяжении четвертьвекового периода внедряется идеология эгоизма, потребительства и жажды наживы любой ценой по принципу: «бери от жизни все, что можешь». Все это противоречит основам общероссийской цивилизации, важнейшими элементами которой являются общинность, восприятие «мира» как сообщества людей, общественное благо и в конечном итоге – стремление оказывать помощь нуждающимся вплоть до самопожертвования [Бочарников 2013].

Другим наиболее значимым направлением идеологической обработки сознания российских граждан является навязывание комплекса исторической ответственности как за пресловутую «оккупацию» народов постсоветского пространства, так и за другие события мировой истории. В частности, например, в последние десятилетия значительный импульс получили попытки фальсификации хода и итогов. Второй мировой войны, целью которых является не только умаление роли и значения СССР в победе над нацизмом, но и возложение на него, а следовательно и на Российскую Федерацию как его правопреемницу, ответственности за начало Второй мировой войны и последовавшего вслед за ее окончанием биполярного противостояния.

Это предполагает унижение многонационального народа России, принуждение извиняться за свою историю перед другими странами вместо того, чтобы гордиться своим Отечеством.

Сама же победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., по замыслу фальсификаторов, была достигнута не героизмом и самоотверженностью советских людей, а исключительно из-за страха перед репрессиями «тоталитарного режима».

Свою лепту в искажение событий и итогов Второй мировой войны вносят и представители российских шоу- и киноиндустрии. В последние годы, например, вышел целый ряд фильмов с названиями, которые говорят сами за себя: «Штрафбат», «Сволочи», «4 дня в мае» и некоторые другие, порочащие участников Великой Отечественной войны. Помимо этого, события Великой Отечественной войны долгое время являлись предметом дискуссий различного рода ток-шоу, в рамках которых обсуждались вопросы: так или не так воевали, как победили, зачем победили и т.д.

Только лишь в последние годы наметился определенный перелом в освещении событий Великой Отечественной войны. Тем не менее информационное поле по-прежнему заполнено фальшивками, коверкающими представления о ней, особенно в молодежной среде.

Обращает на себя внимание и то, что для современного развития духовной сферы российского общества характерно насаждение пораженческой идеологии, пессимизма, негативного восприятия политической действительности. Об этом свидетельствуют не только содержание различного рода ток-шоу на телевидении, но и результаты, например, последнего фестиваля «Золотой орел», лауреатами которого стали фильмы, так или иначе ориентированные на безысходность, проблемность и формирование стереотипа «маленького человека». Обращает на себя внимание и экстремальность освещения событий в СМИ, в том числе электронных¹.

С таким подходом отечественные организации и структуры, формирующие национальное сознание, фактически сами готовят социальную базу для успешной реализации «цветной революции» или аналогичной ей технологии дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране.

Важно в этой связи понять, что подобного рода революция, по крайней мере ее подготовительная стадия, уже идет, и от того, насколько органы государственной власти, гражданское общество России будут способны противодействовать ее деструктивным проявлениям, особенно в сфере общественного сознания, зависят и ее результаты. Или наша страна пополнит список стран с уже «победившей демократией» (Ирак, Украина, Ливия, Грузия, несуществующая уже Югославия), или же сумеет противостоять разрушительным процессам.

Важнейшим направлением политики в этой сфере является обеспечение защищенности общественного сознания как основы национального самосознания от негативного влияния, как это осуществляется во всех ведущих государствах мирового сообщества. Это необходимо в силу того, что именно национальное самосознание как основа государственных устоев является объектом целенаправленного идеологического воздействия, и от его состояния зависит ситуация в стране, ее безопасность и перспективы ее развития.

¹ В КНР, например, каждая новостная программа заканчивается сообщением об очередном успехе этой страны в той или иной области.

Ряд мер в этой области уже реализуются. Так, в частности, пресечено функционирование ряда зарубежных организаций и структур, осуществлявших подрывную деятельность на территории России, особенно в таких ее потенциально конфликтогенных регионах, как Северный Кавказ и Поволжье. Помимо этого, законодательно определен термин «иностранный агент», который обязаны в своих уставных документах обозначать те неправительственные структуры, которые финансируются из-за рубежа.

На обеспечение защиты общественного сознания направлен и ряд принятых в последние годы нормативно-правовых актов, а также некоторых ведомственных программ.

В то же время очевидно, что мерами нормативного и директивного характера, а также иными действиями органов власти нельзя в полной мере достичь обеспечения защищенности общественного сознания от деструктивного внешнего воздействия.

Необходима комплексная программа, предполагающая объединение усилий государства и общества в решении этой общей задачи. Нужна политика, которую в свое время выдающийся отечественный мыслитель И.А. Ильин назвал «политикой единения», которая «означает единение, а не разброд, общее, а не частное (будь то личное или классовое), силу народа, а не изнеможение. Это единение есть основа государства: единение граждан между собою и единение граждан с властью» [Ильин 2012]. Решение данного вопроса, на наш взгляд, может стать той реперной точкой, где это единение действительно может быть достигнуто, поскольку касается оно всех и каждого.

Среди конкретных мер по противодействию политике манипуляции общественным мнением граждан РФ представляются целесообразными разработка и реализация государственной идеологической парадигмы, позволяющей воспитывать патриотов, поддерживать политику органов государственной власти в деле защиты государственного суверенитета, а также продвижение этой парадигмы на всех этапах формирования личности.

Особую роль в этом должна сыграть система образовательных учреждений. Не случайно в свое время О. Бисмарк сказал: «Войны выигрываются и проигрываются за школьными партами». А китайцы, в свою очередь, добавляют: «Если вы хотите победить врага – воспитывайте его детей».

Применительно к проблеме противодействия технологиям «цветных революций» это предполагает необходимость формирования иммунитета общественного сознания, достигаемого

посредством осознания их сути, значения и целей. Главным оружием в борьбе с «цветными революциями» является понимание ее сущности, цели и последствий. Едва ли кто из здравомыслящих людей будет осознанно подвергать опасности свою жизнь и жизнь своих близких, закономерный упадок их жизненного уровня ради реализации интересов далеких заокеанских «доброжелателей» и их местных марионеточных представителей. Поэтому необходима корректировка образовательных программ, особенно по социально-гуманитарным дисциплинам, которая будет включать спецкурсы, разъясняющие технологии новых форм захвата власти – «цветных революций».

Крайне важно также восстановить систему воспитания молодежи и подрастающего поколения в целом, ориентируя ее на формирование не преданности какой-либо партии или персоналиям, а интересам и безопасности своего Отечества. Это в свою очередь предполагает необходимость формирования патриотического сознания.

В этом плане чрезвычайно важна роль семьи, детских и молодежных клубов и организаций и, конечно же, государственных органов. Молодежь и ее формирующееся сознание не могут быть предоставлены сами себе. Невнимание к ним со стороны государства и общества используют в своих интересах различного рода деструктивные структуры – от радикальных экстремистских до транснациональных, продвигающих псевдомократические ценности.

Главный вывод, который можно сделать из анализа уже реализованных технологий «цветных революций» в ряде стран, а также попыток их переноса на территорию РФ, заключается в том, что подобного рода попыткам свержения легитимных органов власти не только можно, но и необходимо противодействовать, поскольку от этого зависит сохранение суверенитета страны, а также безопасность и достойный уровень жизни ее населения.

Литература

1. Бочарников И.В. 2013. О государственной идеологии России. – Международные отношения. № 1. – С. 22–27.
2. Ильин И.А. Наши задачи. Т. II. 2012. http://arhiv-knig.ucoz.ru/_ld/7/783-II.html#ТОС_id54719994#ТОС_id54719994 (Проверено 03.03.2015.)
3. Кошкин А.П., Липатова Е.В. 2014. Возможные сценарии развития событий в Украине. – Власть. № 4. – С. 28–30.

4. Манойло А.В. 2015а. Противодействие распространению идеологии цветных революций в молодежной среде. – Мировая политика. № 1. – С. 180–191.
5. Манойло А.В. 2015б. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов. – Мировая политика. 2015. № 1. – С. 1–19.

«Власть», М., 2015 г., № 4, с. 6–11.

Р. Гринберг,

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики РАН

**ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ.
ОБЩИЕ ИТОГИ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Россия все еще находится в суровых условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой, и, судя по всему, он завершится не завтра.

К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству – при всех задержках и даже откатах, что, похоже, имеет место сегодня – сохраняются. Главное – уметь извлечь уроки из прошлого и не делать новых ошибок.

Справедливости ради надо выделить целый ряд положительных итогов состоявшихся преобразований. Их очевидный успех состоит в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира, демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на уют.

Раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Растет зрелость предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне достаточно быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнивательность в личных доходах и виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: имеет смысл зарабатывать деньги, если появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги.

После 70 лет господства административно-директивной экономической системы в стране были достаточно быстро созданы и начали функционировать формальные институты рыночной экономики, т.е. коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т.д.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо отнести появление массовой бедности, масштабы которой за годы радикальных перемен стремительно увеличивались за счет размывания сложившегося в СССР пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса.

Разного рода исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что плодами проведенных преобразований реально пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет борьбу за существование более суровую, чем в советские времена. Поляризация личных доходов носит действительно скандальный характер. По данным аналитиков банка Credit Suisse, владельцами более трети всего богатства отечественных домохозяйств являются 110 человек [Российская... 2013].

Нельзя, конечно, забывать, что на результативность отечественных реформ продолжают влиять весьма мощные объективные факторы, затруднившие системную трансформацию в России в большей степени, чем у партнеров по бывшему СЭВ. Так, в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие длилось 40 лет и, в большинстве случаев было навязано извне, а в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Кроме того, надо иметь в виду, что в отличие от стран ЦВЕ перед российскими реформаторами стояла задача проведения системной трансформации при стремительном распаде ранее единого государства.

Суперцентрализованная система экономики плюс полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчили реализацию идей

национально-хозяйственного сепаратизма, который, как правило, игнорирует резоны экономической целесообразности. Каковы бы ни были надежды лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского Центра», и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия отнюдь не стала здесь исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России стало лежащее на ней огромное бремя гипертрофированного военно-промышленного комплекса.

Тем не менее можно уверенно утверждать, что разочаровывающие итоги системной трансформации в России в первую очередь рукотворны и только во вторую – предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями.

Опираясь на постулаты неоклассической ортодоксии, реформаторы считали, что предлагаемый ими радикальный вариант трансформации даст быстрый и устойчивый рост эффективности. Но реалии оказались иными.

Рассмотрим важнейшие показатели экономического развития РФ за почти четверть века реформ (табл. 1).

Из приведенных в таблице 1 данных видно, что по важнейшим социально-экономическим показателям за почти 25-летний период не достигнут уровень даже 1990 г.

При этом на протяжении данных лет наблюдалась тенденция примитивизации российской экономики. Иными словами, имело место снижение качества экономической динамики независимо от того, была ли она отрицательной (как в 90-е годы) или положительной (как в «тучные» нулевые годы).

Качественное развитие экономики, как известно, зависит от технико-технологического оснащения промышленного производства, определяющего место в ее структуре высокотехнологичного в структуре промышленного производства. Как же выглядела Россия на этом фоне?

Из таблицы 2 следует, что структура промышленного производства в РФ приобрела за годы реформ очевидную сырьевую направленность. Почти в три раза увеличился удельный вес топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства, в два раза сократилась доля инвестиционного комплекса. Так, удельный вес машиностроения и металлообработ-

ки в промышленном производстве составлял в 2013 г. только 14%, что в 3–4 раза меньше, чем в развитых странах.

Таблица 1

**Динамика промышленной
и сельскохозяйственной продукции, инвестиций
в основной капитал и реальных доходов населения
России (в % к 1990 г.)**

	1993 г.	1995 г.	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2013 г.	2015 г.*
Производство промышленной продукции	64,9	49,7	46,2	54,2	72,7	83,0	74,1	79,5	86,7	89,0
Производство продукции сельского хозяйства	82,7	67,0	56,0	61,9	71,2	84,1	85,3	75,7	94,1	98,4
Инвестиции в основной капитал	44,9	30,7	21,0	25,9	42,5	67,9	58,7	62,4	73,7	73,6
Реальные (располагаемые) доходы населения	51,1	40,0	32,8	36,7	63,5	82,7	85,3	90,3	98,0	99,8

* Данные Прогноза социально-экономического развития РФ на 2015 г. и на плановый период 2016–2017 гг.

Рассчитано по: Российский... 2000: 57; 2002: 37, 38; Россия... 2014: 40–42.

Примитивизации подверглась структура не только промышленного производства, но и внешней торговли, прежде всего экспорта. В то время как 85% товарного экспорта страны приходится на минеральные ресурсы, металл, древесину, доля продукции в нем производств, определяющих научно-технический прогресс (машиностроение и металлообработка), сократилась с 20 до 5% [Россия 2014: 529, 532].

Таблица 2

**Структура промышленного производства России
(в % к итогу)**

Отрасли промышленности	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2013 г.
1	2	3	4	5	6	7
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика и топливная промышленность	10,4	25,6	25,4	26,8	25,0	28,7
Черная и цветная металлургия	10,3	13,9	15,8	13,9	13,3	9,5
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	7,1	6,2	6,4	7,0	6,4
Машиностроение и металлообработка	28,0	16,0	16,4	13,0	13,8	14,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	4,6	4,0	3,4	3,3	2,6
Промышленность строительных материалов	3,4	4,3	2,4	3,1	4,1	2,9
Легкая промышленность	11,0	2,2	1,4	0,8	0,7	0,7
Пищевая промышленность	12,1	10,6	11,1	10,9	10,8	10,4

Рассчитано по: Российский... 2003: 341, 344, 356–369, 373, 376, 379, 384, 394; Россия... 2014: 240–242.

Произошло существенное ухудшение качества основных фондов – базовой основы развития экономики: износ достиг 50% [Российский... 2003: 302; Россия... 2009: 71; 2014: 34, 74, 78].

При сохранении физического объема основных фондов за годы реформ в условиях беспрецедентного сокращения инвестиций в основной капитал, составивших в 2013 г. лишь 73,7% от уровня 1990 г., имело место их физическое и моральное старение, особенно активной части (табл. 3). В результате страна утрачивает конкурентоспособность на мировом рынке в области технологий и высокотехнологичной продукции. Доля России на мировом рынке

наукоемкой продукции составляет ныне менее 1% (для сравнения: США – 36%, Япония – 30%).

Таблица 3

Динамика возрастной структуры производственного оборудования в промышленности

	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Процент оборудования на конец года в возрасте: до пяти лет	35,5	29,4	4,7	5,7	6,7	7,8	8,6
Свыше 20 лет	10,7	15,0	38,2	41,6	44,9	48,2	51,5
Средний возраст оборудования, лет	9,5	10,8	18,7	19,4	20,1	20,7	21,2

Источник: Российский... 2005: 392.

Данные таблицы 3 демонстрируют, что за 1980–1990 гг. доля производственного оборудования в промышленности со сроком службы свыше 20 лет возросла в 1,4 раза, в следующее десятилетие – более чем в 2,5 раза и в период «экономического роста» (2000–2004) – более чем в 1,3 раза, что сопоставимо с первым указанным десятилетием. Средний возраст оборудования в промышленности ныне достигает четверти века (1).

Старение оборудования, с одной стороны, ведет к нарастанию числа и масштабов техногенных катастроф, с другой – к неизбежному снижению технологического уровня производства. Так, по оценкам экспертов Всемирного экономического форума, в 2004 г. Россия занимала 73-е место в мировом рейтинге по индексу технологической готовности [Экономика... 2004: 6]. Наши технические и технологические базы отстают от баз развитых стран на 17–20 лет. Последние обновления были в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Согласно мнению экспертов, объем технологической продукции России на мировом рынке составляет 0,3% [Российская... 2007; 2008].

Полностью деградировали обрабатывающие производства, особенно машиностроение, определяющее научно-технический прогресс в промышленности.

В настоящее время в РФ в обрабатывающих видах производств (по данным Росстата на конец 2012 г.) насчитывается 405 тыс. организаций (8,3% от общего числа организаций в экономике России, причем действующих – лишь 60% от наличия) со среднегодовой численностью работников 7,6 млн человек [Россия...2013: 202–203, 250]. В 1990 г. по прежней отраслевой классификации число указанных предприятий составляло 26,9 тыс., т.е. к 2012 г. оно возросло в 9–10 раз (действующих на 1.01.2012 г.). При этом средняя численность работников сократилась вдвое (в 1990 г. – 16,4 млн человек), а объем промышленного производства в 2012 г. (в табл. 2013 г.) (в сопоставимых ценах) по сравнению с 1990 г. (в табл. 1991 г.) – на 12,8%, в том числе производство машин и оборудования – на 46,5%, транспортных средств и оборудования – на 30,4% (2) (табл. 4). Произошел процесс дезинтеграции обрабатывающих производств на основе массового банкротства крупных и средних предприятий, свертывания профильного производства и сокращения численности промышленно-производственного персонала. Среднегодовая численность работников на одном действующем предприятии в 2012 г. составляла 32 человека, в то время как до реформирования – 610 человек.

Нелишне отметить, что с 2005 г. в общедоступных справочниках Росстата перестают публиковаться данные о возрастной структуре производственного оборудования.

Производство по видам продукции машиностроения в 1992–2012 гг. см.: Россия... 2011: 254–255, 257, 259; 2013: 265, 267–268.

Оставшиеся производственные мощности обрабатывающих производств в настоящее время используются в пределах 50%, а по ряду производств – и того меньше (например, по выпуску металлорежущих станков – лишь на 13%) [Россия... 2011: 217; 2013: 247–248].

Проводимые обследования предпринимательской уверенности и экономической ситуации в обрабатывающих производствах свидетельствуют, что основными факторами, ограничивающими рост производства, остаются неопределенность экономической ситуации в стране, невостребованность продукции на внутреннем рынке и высокий уровень налогообложения [Россия... 2011: 222, 224].

Сложившийся и прогнозируемый механизм реформирования экономики «поощряет» тенденции закрепления сырьевой структуры общественного воспроизводства. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы 4.

**Индексы производства по видам экономической
деятельности (1991 г. = 100%)**

	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2013 г.
Добыча полезных ископаемых	88,2	70,7	74,3	99,1	105,6	106,6	110,8
В том числе: добыча топливно-энергетических ресурсов	94,7	77,8	80,7	111,4	117,6	120,5	123,9
Обрабатывающие производства. В том числе:	81,8	47,5	50,9	68,9	82,9	77,8	88,7
Производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	44,9	63,3	48,7	53,7
Производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	52,7	59,7	52,0	68,7

Источник: Россия... 2014: 243–244.

Инвестиции в высокотехнологический комплекс, представленный в таблице 5 машиностроением и металлообработкой, из года в год сокращаются.

Сырьевая направленность российского воспроизводственного комплекса поддерживается и сложившейся отраслевой структурой оплаты труда (табл. 6).

Из данных, представленных в таблице 5, видно, что в структуре общих инвестиций в основной капитал доля инвестиций в развитие машиностроения и металлообработки в 1990–2013 гг. сократилась в 3,3 раза – с 8,3% в 1990 г. до 2,5% в 2013 г. При этом общие инвестиции в основной капитал в указанный период из года в год сокращались и в 2013 г. составляли лишь 73,7% к уровню 1990 г.

В экономике России, как известно, не востребован научно-технический прогресс и недооценивается инновационное развитие, о чем свидетельствует низкий уровень внутренних затрат на исследования и разработки (1,12% в ВВП России, в развитых странах Запада – в 3–4 раза выше), ничтожно низкий уровень финансирования науки из средств федерального бюджета (0,56% от ВВП против 4–6% в высокоразвитых странах и 4% по действующему феде-

ральному российскому закону) [Россия... 2014: 371]. Вследствие этого произошел полный застой в создании, а тем более в использовании передовых производственных технологий. Так, в 2000–2012 гг. в среднем за год существовало не более 900 предложений по производственным технологиям, или 0,5% от общего числа применяющихся в 2012 г. технологий. При этом из 191,4 тыс. внедряемых в производство в России передовых технологий в 2012 г. 46% используются более 6 лет [Россия... 2013: 385–388].

Таблица 5

**Удельный вес инвестиций в машиностроение
и металлообработку (производство машин, оборудования,
транспортных средств) в общем объеме инвестиций
в основной капитал**

Годы	Удельный вес, %
1990	8,3
1992	4,9
1995	3,0
1998	3,2
2000	2,8
2005	2,3
2013	2,5

Источники: Российский... 2003: 596; Россия... 2005: 354; 2014: 459.

Между тем в период до 1990 г. в России имелись весьма значимые научно-технические достижения, в частности высокий уровень изобретательства. Например, в 1987 г. в нашей стране было зарегистрировано 83,7 тыс. изобретений, в США – 82,9 тыс., в Японии – 62,4 тыс., в Германии – 28,7 тыс. В настоящее время со значительным отрывом лидирует Япония – до 3000 патентов в год на 1 млн жителей, затем Южная Корея – 2200, США – 650, Германия – 600, Австралия – 500. Россия отстает от США и Германии в 4 раза, от Австралии – в 3,5 раза, не говоря уже о Японии (в 18 раз) и Южной Корее (в 14 раз).

Самыми изобретательными компаниями в 2010 г. были IBM, Samsung, Microsoft, Canon, Panasonic, Toshiba, Sony, Intel и LG Electronic. Скажем, IBM ежегодно вкладывает в научно-технические исследования и инновационные разработки 6 млрд долл. В России же, к сожалению, общие инвестиции в производство

машин, всех видов оборудования и транспортных средств в 2012 г. составляли примерно 9 млрд долл. В структуре инвестиций на развитие указанных видов экономической деятельности в 2012 г. приходилось лишь 2,2% [Россия... 2013: 469–471].

Таблица 6

**Среднемесячная начисленная номинальная
заработная плата по видам экономической деятельности,
в % к средней по РФ**

Виды экономической деятельности	1995 г. (472,4 руб./мес.)	2000 г. (2223 руб./мес.)	2005 г. (8555 руб./мес.)	2010 г. (20 952 руб./мес.)	2013 г. (29 960 руб./мес.)
Добыча полезных ископаемых	225,9	267,2	230,6	190,4	181,3
Добыча топливно-энергетических ресурсов	256,5	314,2	274,2	220,8	204,8
Финансовая деятельность	159,9	235,3	262,6	239,2	212,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	88,1	110,5	119,7	122,3	114,4
Производство машин и оборудования	80,0	88,8	97,9	95,4	93,7
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	78,5	90,1	96,1	96,3	97,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	73,0	60,0	69,0	75,0	82,0
Образование	65,5	55,8	63,5	67,2	78,2
Сельское хозяйство	54,9	44,3	42,6	50,9	52,2

Рассчитано по: Россия... 2014: 135–137.

Вместе с физическим и моральным старением основных промышленных фондов, особенно техники и технологий, ухудшились все параметры человеческого потенциала. Численность населения уменьшилась с 148,2 млн человек на 1 января 1991 г. до 143,3 млн человек на 1 января 2013 г.

Существенно изменилась структура численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Численность занятых в материальном производстве (промышленности, сельском

хозяйстве) и в научной сфере за годы реформ существенно сократилась, и одновременно резко возросла доля занятых в торговле, финансах и управлении (в 2,4 раза) [Российский... 2003: 137; Россия...2013: 104]. Продолжающееся падение производства в высокотехнологичных отраслях промышленности и уменьшение государственных ассигнований на развитие науки и техники привели к резкому сокращению научных кадров и, естественно, научных исследований и разработок.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в стране ежегодно снижается и в 2012 г. составила 47,4% от дореформенного (1992) уровня (табл. 7).

Таблица 7

**Численность занятых НИОКР
в России, тыс. человек (на конец года)**

	1992 г.	2000 г.	2012 г.	2012 г. в % к 1992 г.
Численность персонала – всего	1532,6	887,7	726,3	47,4
В том числе:				
исследователи	804,0	425,9	372,6	46,3
техники	180,7	75,2	58,9	32,6

Источник: Россия... 2014: 366.

Отсутствие в стране промышленной политики, господство рыночного либерализма – основная причина развала промышленного потенциала страны в целом и особенно машиностроения. Высокотехнологичный сектор экономики, ядром которого служит машиностроение, является системообразующим звеном любой экономики. От него зависят производственный потенциал страны, уровень обороноспособности и социальной устойчивости. Провозглашенная в правительственных кругах модернизация экономики, успех промышленной политики в целом зависят от возрождения отечественного машиностроения. Его развитие непосредственно связано с увеличением масштабов НИОКР и ростом объемов производства в таких наукоемких отраслях, как приборостроение, IT-технологии, радиоэлектроника, средства связи, промышленные роботы, авиакосмические комплексы и в настоящее время – нанотехнологии.

Мировой опыт и экономические расчеты показывают, что сбалансированное развитие экономики может обеспечиваться при

условии, если в структуре промышленного производства на долю машиностроения будет приходиться не менее 25–30%. Расходы на наиболее перспективные инновации должны преобладать, а на разработку и использование принципиально новых производственных технологий должно приходиться не менее 50–60% (в развитых странах даже 60–80%, тогда как в России – 10–15%) [Россия... 2013: 385–388].

Как преодолеть деиндустриализацию

Проблема деиндустриализации экономики новой России была впервые замечена уже спустя два–три года после начала этапа ее радикальной рыночной трансформации, когда обнаружилось, что структурные перекосы в экономике позднего Советского Союза не только не исчезли в результате отмены в стране директивного планирования, но и стали усугубляться. Мы наивно надеялись на силы саморегулирования, которые, так сказать, по определению должны были привести структуру нашей экономики к современному виду. Но вышло, как известно, по-другому.

Отмена государственной монополии на внешнеторговые операции, свободное ценообразование, быстрая либерализация валютного режима – все это привело к тому, что исчез так мучивший советских людей унизительный товарный дефицит и резко увеличилось предложение продовольственных и потребительских товаров. Эти изменения весьма благоприятно воздействовали на потребителей. В целом тогда был сделан крен в сторону удовлетворения потребительского спроса.

И успех такой операции был очевиден

Правда, при этом «забыли», что потребители должны иметь деньги, чтобы покупать ранее недоступные товары и услуги, а следовательно, должны их где-то зарабатывать. И вот здесь начались проблемы, которые, при всех успехах рыночных преобразований в стране существуют до сих пор. Брошенная в ничем не ограниченную рыночную стихию подавляющая часть советской обрабатывающей промышленности получила сокрушительный удар в виде стремительной утраты возможностей сбыта, и в результате так же стремительно стала сужаться ее доля в общей хозяйственной деятельности и России, и всех других новоиспеченных независимых государств.

Собственно, тогда и возникла проблема, которую я называю примитивизацией структуры экономики и которая, к сожалению, стала тенденцией. Конечно, и в сегодняшней российской обрабатывающей промышленности имеются отдельные замечательные успехи. Как когда-то были герои социалистического труда, так и сейчас есть герои капиталистического труда, которые занимаются серийным производством готовых изделий. Но их доля в валовом производстве скандально низкая.

Для страны, которая начиная с 30-х и до начала 90-х годов имела традиции мощного индустриального ландшафта, это, конечно, унижительно. Не буду здесь вдаваться в разнообразные причины такого развития событий, назову главную.

В начале реформ нам хотелось иметь структуру, которая отвечает современным стандартам, но произошел очень большой перекося в сторону сил саморегулирования и наблюдался преднамеренный отказ от «видимой руки» государства. В результате сегодня мы вновь находимся перед выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползание в зону «технологического захолустья», либо резкий рывок в области реиндустриализации.

Существует много различных представлений о том, как это нужно сделать.

Если отбросить самые экзотические и экстравагантные, то «водораздел» определяется двумя школами мышления, различающимися отношением к экономической теории и практике, прежде всего к роли государства в хозяйственных процессах. Разграничение четко прослеживается по ряду позиций, и я хочу коротко их обозначить.

Первая позиция – макроэкономическая стабильность, что на простом языке означает низкую инфляцию. Представители не поддерживаемой мною школы мышления постоянно призывают к тому, что она не должна превышать 3–4%.

Тогда будто бы понизится стоимость кредита, начнется долгосрочное кредитование, появятся желаемые «длинные деньги» и начнется инвестиционный бум.

Другая школа мышления, к которой принадлежу и я, считает, что небольшая инфляция – весьма значимый, но не решающий фактор для того, чтобы реиндустриализация началась не только в риторике, но и на практике. Сегодня нет недостатка в финансовых ресурсах. И дело не только в том, что деньги дороги. Просто у кредитора и заемщика большой страх, что средства, потраченные

на производство тех или иных продуктов, не дадут желаемого результата: изготовленные товары не найдут сбыта.

Вторая позиция – бездефицитный бюджет. Здоровые государственные финансы – это очень хорошо. Весь развитый мир находится сегодня в зоне турбулентности только потому, что там допустили чрезмерный дефицит бюджета. Однако, с моей точки зрения, это было неизбежно, потому что нужно было каким-то образом останавливать кризис. Иногда говорят, что увеличение государственных расходов через политику «количественного смягчения» – это не что иное, как «заливание пожара керосином». Но на самом деле это неверно. Пожар заливают все-таки водой. А вот когда случится наводнение, т.е. скачок инфляции, тогда будем им заниматься.

Так или иначе, добиваться бездефицитного бюджета во времена вялого частного спроса – сомнительное намерение. В такие периоды, как показывают теория и практика, вообще нет альтернативы государственным расходам, как бы мы ни относились к государству. Поэтому неверно просто стремиться к бездефицитному бюджету, которого, согласно официальным прогнозам, мы должны были достичь к 2015 г.

Третья позиция – рестриктивная денежная политика. Начиная с 90-х годов все время идет разговор о том, что она безальтернативна, поскольку сдерживает инфляцию. Если же будет инфляция, не будет никакой экономической активности.

На самом деле рестриктивная денежная политика продуктивна в зрелых экономиках, где редки монополистические злоупотребления. В других случаях такая политика далеко не всегда помогает добиться низкой инфляции, что, собственно, мы и видим в России.

Четвертая позиция – курсовая политика. По-моему, даже небольшое повышение реального курса рубля вредит экономике. Подозреваю, что на самом деле за этим скрывается средство антиинфляционного характера. Кроме того, такая политика серьезно увеличивает девальвационные риски. Когда у вас инфляция 6–7%, а реальный курс национальной валюты растет, возникают большие разрывы между ее внутренней и внешней динамикой и, как следствие, увеличивается вероятность обвальной девальвации.

Следующая, пятая, позиция – очень важная: совершенствование инвестиционного климата. Его почему-то ставят во главу угла, когда говорят о необходимости начать процесс реиндустриализации. Прежде всего педалируется установка на создание благо-

приятных условий только для потенциальных инвесторов: снижение налогового бремени, гипертрофированные надежды на прямые иностранные инвестиции и малый бизнес.

Разумеется, благоприятные условия для инвесторов необходимы, но для решения задач реиндустриализации российской экономики явно недостаточны. Постоянно идет разговор о снижении налогового бремени для потенциальных инвесторов как об основном драйвере экономического роста. Я убежден, что это далеко не так. Исследования последних лет, в том числе таких гуру современной экономической науки, как Пол Кругман или Джозеф Стиглиц, доказывают эмпирически, что излишнее неравенство не способствует, а вредит росту. У нас скандальное неравенство. И если оно будет усиливаться, то проблема справедливости или несправедливости превратится из этической в реальную проблему «закупорки» роста, потому что сужение среднего класса неизбежно ведет к снижению покупательной способности.

Надежды на прямые иностранные инвестиции как «палочку-выручалочку» также сомнительны: даже при идеальном климате их не будет, если не будет собственных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции в Россию и без того значительны и направлены туда, где возникает быстрая и большая прибыль: в сырьевые отрасли и пищевую промышленность.

Про малый бизнес постоянно говорят, что нужно достигать западных стандартов, т.е. 60–70% ВВП, у нас – 20%. Между тем наш малый бизнес очень развит, очень эффективен и очень организован, а не дает он 70% ВВП потому, что нет большого индустриального бизнеса, который, в отличие от топливно-сырьевого, как раз и нуждается в малых предприятиях.

Если бы у нас были крупные корпорации, выпускающие готовую продукцию, то стихийно возникло бы много малых и средних предприятий, которые производили бы для них узлы и детали. Так что никакое «одно окно», придуманное для инициации малой деятельности, ничему не поможет. Так, в строительстве и сфере услуг малый бизнес существует и очень мощно работает и без всякого «окна», нельзя же серьезно думать, что молодые бизнесмены «лежат на печи» и ждут, пока Министерство экономического развития создаст им благоприятные условия.

Когда предприниматели видят, что их продукция продается, они справляются и с нашим неправовым сознанием, и с любыми административными барьерами.

Шестая позиция – прекращение роста заработной платы из-за якобы систематического повышения производительности труда. Этот пункт особенно прижился в «Стратегии-2020». Однако, во-первых, если, как в старину, просто соотносить долю заработной платы с валовым внутренним продуктом, т.е. устанавливать норму эксплуатации, то она у нас в два раза выше, чем в зрелых странах. Во-вторых, наша средняя заработная плата – это «средняя температура по больнице».

У нас менеджеры получают в тысячу, а не в 10–15 раз больше, чем трудящиеся, и поэтому неправомерно говорить о производительности труда шахтера, который не имеет отношения к оборудованию. К оборудованию имеют отношение менеджеры, и если они его не меняют, то можно сколь угодно понижать или повышать заработную плату шахтерам – ничего не изменится.

Седьмая позиция – важный «водораздел» проходит по линии так называемых системных реформ. Утверждается, что мы стали их резво проводить в начале нулевых годов, а потом будто бы все прекратили, и стало плохо. Что такое системная реформа? На нормальном русском языке – это коммерциализация или установка на самоокупаемость «всего и вся», в том числе максимальное самофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения. Как видно, сегодня этот курс так или иначе реализуется, что абсолютно контрпродуктивно как для страны в целом, так и для реиндустриализации ее экономики в частности.

Восьмая позиция – вредоносность «государства всеобщего благоденствия».

С гордостью утверждается, что плоская шкала налогообложения – абсолютное благо. Завидует весь мир. Да здравствует мученик, наш «новый русский» Жерар Депардьё! Далее следует вывод: чем слабее перераспределение первичных доходов, тем лучше для экономической активности и роста. Я уже говорил о том, что происходит ровно наоборот.

Наконец, даже те, которые соглашаются с нами, что государственная активность должна иметь приоритет, особенно тогда, когда экономика во всем мире развивается вяло, отдают предпочтение сначала ректификации госаппарата, а лишь затем – промышленной политике. Однако в данном случае не может быть никакой иерархии. Необходимо проводить промышленную политику и реиндустриализацию с тем аппаратом, который есть, и он сам будет улучшаться по мере изменения содержания его работы.

КЭС спасает рыночную теорию

Рынок как способ устройства хозяйственной жизни не имеет альтернативы, его жизнеспособность не подвергается сомнению, но его «невидимая рука» с очевидностью должна быть дополнена «видимой рукой» государства. Сегодня практически все государства мира пытаются выйти из глобального финансового кризиса именно путем активного вмешательства в хозяйственную жизнь. Чего стоит одна накачка ликвидностью финансовой системы и частичная национализация попавших в сложное положение предприятий и компаний, наблюдаемые практически во всех странах мира. По иронии судьбы, именно американцы, призывавшие всех к свободному рынку, едва ли не первыми вынужденно прибегли к фактически социалистическим мерам.

Упоение «свободной» экономикой прошло, мир устал от радикального, безудержного либерализма. Ему на смену идет система, еще не получившая своего «изма». Пока же очевидно, что без мощной и систематической государственной активности теперь уже не обойтись. У «нового капитализма» будут свои проблемы, и возможно, не менее серьезные, чем у «старого». При этом надо иметь в виду отсутствие ясных критериев участия или неучастия государства в хозяйственной жизни общества. Так что мир вполне может впасть в другую крайность – гипертрофированное, ненормальное обобществление в комбинации с порочным протекционизмом.

К числу наиболее приоритетных следует отнести проблему и текущего кризиса, который, разумеется, сейчас первым приходит на ум, и догматизма, ответственного за многие бедствия отдельных стран и всего мира в последние десятилетия. Но центральной нерешенной проблемой я назвал бы режим взаимоотношений государственных институтов и частного предпринимательства, государства и рынка. От ее понимания, толкования и в конце концов манипулирования ею так или иначе зависят остальные важнейшие проблемы современной экономики и их решение.

Системный кризис лишь усугубляется оттого, что его пытаются – в очередной раз – преодолеть или излечиться от него теми же старыми способами, какие применялись со все меньшим успехом уже много-много лет. Но хотим мы того или нет, говорить теперь надо не о том, каким образом капиталистическая система сможет, залечив новые раны, существовать дальше «в прежнем режиме», а о том, что придет ей на смену.

Последние события в мировой экономике убедительно показывают, что взаимоотношения государства и рынка на деле гораздо теснее, чем простое взаимодействие. Выход из кризиса требует формирования иного понимания, развития новой модели экономики и, в частности, другой модели государственного регулирования, новых теоретических обоснований. Речь идет о новом фундаменте, о принципиально новой модели экономики, адекватно отражающей современные социально-экономические реалии.

Надеюсь, этому могла бы способствовать разрабатываемая мною совместно с профессором А.Я. Рубинштейном «Концепция экономической социодинамики» (КЭС) [Гринберг, Рубинштейн 2008].

Смысл ее сводится к признанию существования наряду с частными предпочтениями общественных интересов, которые к ним не сводятся. Если частные предпочтения индивидов выявляет рынок, то предпочтения общества в стихийном процессе саморегулирования не обнаруживаются: они определяются политической системой и общественными институтами. Очевидно, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидуумов, выявляемым рыночным путем. При этом каждая ветвь общественных интересов претендует на определенный объем ресурсов, необходимых для их реализации. Формируемые по разным законам и в различных институциональных средах, эти интересы вступают в состязание лишь на стадии их реализации – в борьбе за обладание ограниченными ресурсами.

Суть концепции заключается в возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений. Государство как исполнительная власть само является рыночным субъектом, чье поведение определяется его специфическими интересами и имеющимися ресурсами. Существуют обычные рыночные игроки, располагающие собственными ресурсами и действующие по правилам, устанавливаемым государством. Но есть государственные структуры, которые, используя общественные ресурсы, действуют по правилам, установленным самим же государством как законодательной властью. Таким образом, концепция экономической социодинамики предлагает совершенно новую трактовку понятия «смешанная экономика», отнюдь не сужая, а наоборот, расширяя сферу действия механизмов рынка, «оттеняя» совместимость частной инициативы и государственной активности.

Экономическая социодинамика – не просто теоретическая конструкция. Она является практической основой для деятельно-

сти государства, связанной, в частности, с финансированием социальной сферы. Сегодня она вполне способна дать ответ на многие актуальные вопросы хозяйственной жизни страны. В КЭС ключевой категорией служит «социальная полезность» блага, которая обосновывает объективную необходимость не спорадического, а систематического общественного финансирования культуры, науки, здравоохранения, образования.

Современная же экономика России, рыночная, но асоциальная, ориентирована на сиюминутную прибыль при практически полном забвении и игнорировании общественного интереса.

Есть множество жизненно необходимых обществу благ, которые рынку не интересны – они не дают немедленной прибыли. Но и здорового общества без них не бывает. Наука, образование, культура, здравоохранение – четыре основные сферы, которые должно опекать и в значительной мере финансировать государство – больше никому. Только оно способно создать порядок, при котором работающий поддерживает безработного, здоровый – больного, молодой – старого.

При советской власти доминировал очень, как выяснилось, утопический лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Но лозунг сегодняшнего дня: «Думай только о себе» – социальной стабильности и экономической модернизации отнюдь не способствует.

Концепция экономической социодинамики коренным образом меняет понятие «государственная активность»: на место «государственного вмешательства» приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни страны, а место столь негативного «бюджетного бремени» занимают социально обоснованные и целесообразные государственные расходы на реализацию общественных интересов, представляющие собой инвестиции в человеческий капитал.

Что впереди?

Основными факторами текущей стагнации российской экономики являются:

1. Так называемая инвестиционная пауза, связанная с завершением ранее начатых мегапроектов (Олимпиада, Универсиада, остров Русский и т.п.).

2. Снижение мировых цен на нефть.

3. Западные санкции. В этих суровых условиях инициирование и реализация государством структурной политики и массированного финансирования инфраструктурных проектов – безальтернативный императив. В России есть промышленные анклавы, которые еще способны приблизиться по эффективности и капиталу к зарубежным аналогам, и надо сосредоточить внимание именно на таких отраслях.

При этом необходимо определиться с критериями расстановки приоритетов.

Здесь уместно заметить, что не существует совершенного и не зависящего от субъективных устремлений механизма определения приоритетов структурной перестройки экономики. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального, «научно обоснованного» государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Однако чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Далее. В приоритеты структурной политики следует закладывать те направления развития, по которым Россия еще сохраняет конкурентные преимущества – реальные или теперь уже в большей мере потенциальные. Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

Кроме того, определение приоритетов современной промышленной политики должно носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без систематической господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Нужно только помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает ту или иную страну в ряду ведущих мировых индустриальных держав.

Но чтобы попасть в этот ряд, необходимо, на мой взгляд, выполнение трех базовых условий.

Первое – отказ от демонизации роли государства в экономике. Необходимо понять, что дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и надо прекратить в этой связи запугивать себя так называемым

государственным капитализмом. В свое время подобная демонизация рыночных механизмов, когда объективной необходимости их всемерного развития противопоставлялась не экономическая реальность, а идеологема об их несовместимости с сохранением чистоты «социалистических» принципов примата так называемой общественной (а по сути, государственной) собственности на средства производства, дорого обошлась советской экономике. Стоит ли сегодня повторять ту же ошибку с теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся экономической реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже «чистоты рынка»? Дискуссии в этой области должны вестись лишь в отношении оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и механизмов контроля целевого использования инвестиций.

Второе – радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного маневра. Суть этого маневра выходит за пределы данной статьи. Здесь следует лишь напомнить, что кризис 2009 г. показал: финансовая «подушка безопасности» позволяет в течение определенного времени не допустить «обвала» финансовой системы и социальных показателей, но она не предотвращает обвального падения производства. Именно отсталость перерабатывающих производств не позволила в 2009 г. компенсировать падение внешнего спроса на энергосырьевые товары увеличением внутреннего, как это произошло в Китае, где стимулирование данного спроса увеличило последний в кризисном году почти на 15%, что позволило обеспечить более чем 9%-ный прирост ВВП.

Третье – в силу объективно существующих ограничений государственные проекты могут обеспечить технологические пропусы пусть в очень важных, но лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство должно выполнить исключительно важную роль придания мощного первоначального инвестиционного импульса модернизации. Обязательным же условием ее успешности является активное участие в этом процессе частнопредпринимательского сектора, который должен «подхватить» и развить этот первоначальный импульс, что требует применения механизмов государственно-частного партнерства.

Однако такого рода партнерство должно опираться не на волевые усилия со стороны государственной власти, а на экономическую заинтересованность в нем некой критической массы предпринимательского слоя. Без этого усилия государства в данном

направлении либо приведут к крайне ограниченным результатам для национальной экономики, либо будут использованы зарубежными конкурентами. К сожалению, такого рода интерес у российских предпринимателей сегодня, как правило, отсутствует. И всё дело в том, что главным инструментом конкурентной борьбы для отечественных предпринимателей является не технологическая и организационная модернизация, а «крыша» со стороны человека, занимающего ту или иную «государеву должность», на что указывают сами предприниматели и признают высшие должностные лица государства.

Дефекты современной экономики России очень серьезны. Многие из них приобрели системный характер. Но это не означает, что их нельзя преодолеть.

Противники промышленной политики, сторонники так называемого радикал-либерального направления экономической мысли, справедливо отмечают, что и отрицательных примеров такой политики вполне достаточно. Но это как раз тот случай, когда уместно привести известное изречение Бертольда Брехта: «Если вы боретесь, вы можете проиграть, но если вы не боретесь, вы уже проиграли». Риски, конечно, существуют, но сложно представить себе экономическую деятельность без рисков вообще. Ясно одно: страны, которые действительно совершили экономический прорыв и превратились из развивающихся в развитые, сделали это исключительно с помощью успешной промышленной политики.

Литература

1. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. – М.: ИЭ РАН, 2008.
2. Российская газета. 2007. 4 декабря.
3. Российская газета. 2008. 1 октября.
4. Российская газета. 2013. 11 октября.
5. Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2000.
6. Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2002.
7. Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Госкомстат России, 2003.
8. Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2005.
9. Россия в цифрах: крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2005.
10. Россия в цифрах: крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2009.
11. Россия в цифрах: крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2011.
12. Россия в цифрах: крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2013.
13. Россия в цифрах: крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2014.
14. Экономика и жизнь. 2004. № 9.

«Век глобализации», М., 2015 г., № 1, с. 166–182.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н. Белякова,

аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

КРЫМ И РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В 2013–2014 гг. в Черноморском регионе стали происходить значительные геополитические изменения. Усилившееся западное влияние разделило украинский народ на два противоположных лагеря, в результате чего Украина оказалась в кризисной ситуации. Крымский полуостров, большая часть населения которого имеет русские корни, по итогам референдума (март 2014 г.) вошел в состав Российской Федерации. Данный факт был неоднозначно воспринят Турецкой Республикой, которая проявляет интерес к Крыму.

Крымский полуостров имеет исторические связи с Турцией: до конца XVIII в. он был территорией Крымского ханства. В тот период Российская и Османская империи вели борьбу за контроль над Северным Причерноморьем. В 1783 г. восстановленный русскими войсками крымский хан Шахин-Гирей был вынужден отказаться от ханства, и Крым вошел в состав Российской империи согласно Манифесту Екатерины II. Последующая Русско-турецкая война 1787–1791 гг., завершившаяся полной победой России, и Ясский мирный договор 1791 г. окончательно закрепили позиции России в регионе. С тех пор влияние Османской империи, а потом и Турции на Крымский полуостров было минимальным. После распада СССР в начале 90-х годов Крым вновь начал привлекать внимание Турции, но теперь ей приходится учитывать интересы соседних стран – России и Украины.

Россия является основным партнером Турции на Черном море по ключевым вопросам регионального сотрудничества. Российско-турецкие отношения несколько лет назад вышли на уровень стратегического партнерства и развиваются по всем направлениям.

Товарооборот Турции с Россией лидирует по сравнению с другими странами региона и имеет предпосылки для дальнейшего роста (33 млрд долл. США в 2013 г.).

Турция – основной потребитель российского природного газа, в 2012 г. она закупила у России 70% от общего годового потребления.

Страны активно сотрудничают по вопросам экономики, безопасности, транспорта, экологии, культуры и туризма как на двустороннем уровне, так и в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества.

На Украине у Турции тоже есть экономические интересы. Украина – второй по объему торговли партнер Турции на Черном море после России. Товарооборот между Киевом и Анкарой в 2013 г. составил 6,7 млрд долл., к тому же экспорт из Украины в два раза превышает ее импорт из Турции⁹. Основными статьями импорта из Украины являются продукция черной и цветной металлургии, в частности, нелегированная сталь, металлопрокат, алюминий, а также пшеница. Турция, в свою очередь, поставляет цитрусовые, нефтепродукты, моторные транспортные средства, изделия из пластика, электрическое оборудование.

По данным МИД Турции, на Украине работает более 400 турецких фирм в сфере строительства, туризма и поставок текстиля.

В общей внешней политике Турции четко прослеживается западный вектор. Это связано с ее полувековым членством в НАТО и желанием вступить в Евросоюз. Такое влияние распространяется в первую очередь на официальные заявления высших руководителей страны. Турецкая Республика обязана поддерживать Запад и не может позволить себе открытое противостояние, что подтверждено премьер-министром Р.Т. Эрдоганом (ныне Президентом Турецкой Республики).

На следующий день после проведения референдума в Крыму он заявил: «Если в рамках НАТО будет принято какое-либо решение по данному вопросу (референдум в Крыму. – *Авт.*), Турция, безусловно, к нему присоединится»¹⁵.

Американские аналитики считают, что кризис вокруг Крыма приблизит Турцию к Западу и создаст напряжение в российско-турецких отношениях¹⁴, но одновременно с этим оценивают реак-

цию Турецкой Республики как очень сдержанную или даже «молчаливую». Турция – ключевой союзник США, контролирующий проливы Босфор и Дарданеллы согласно Конвенции Монтре 1936 г., и с американской точки зрения является «коридором для проецирования могущества США в Черное море»⁶.

Однако официальная позиция Анкары по референдуму в Крыму и присоединению его к России выглядит скорее осторожной, чем прозападной. Она заключается в непризнании результатов голосования, поддержке территориальной целостности Украины, призыву соблюдать принципы международного права, защите татарского населения и сохранению безопасности в регионе. Турция предлагала использовать любую возможность для поиска подходящего решения для выхода из сложившегося на Украине кризиса в соответствии с уставом ООН, «в рамках демократических принципов и на основании независимости, суверенитета, территориальной целостности и политического единства этой страны (Украины. – *Авт.*)»².

Основной акцент в данном вопросе Турция делает не на политику, а на социально-национальную сферу – соблюдение прав крымско-татарского населения, которое, по оценкам специалистов, составляет около 15% от всего населения полуострова.

Крымские татары имеют тюркские корни, а в Турции проживает большая крымско-татарская диаспора. Крымский вопрос был активно использован во время проведения предвыборных кампаний перед местными выборами в Турции.

2 марта 2014 г. в г. Эскишехир, где проживает большое количество потомков крымских татар, состоялся митинг «Турция – поддержки Крым!», в котором приняли участие представители Народно-республиканской партии и Партии национального движения. А уже 7 марта 2014 г. там же в поддержку кандидата от правящей Партии справедливости и развития выступил премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган. Он заявил, что провел телефонные переговоры с Президентом РФ В.В. Путиным, во время которых сообщил о необходимости соблюдать права всех жителей Крыма, в том числе и крымских татар⁸. Это не возымело успеха, и в Эскишехире победил представитель Партии национального движения Й. Бююкэршен, набрав 45,6% голосов⁴.

В Турции создано большое количество различных организаций для помощи и поддержки крымских татар, функционирующих как внутри страны, так и за ее пределами.

Во многих турецких городах открыты представительства Союза культуры и взаимопомощи крымским татарам, которые в последнее время активно выступают за защиту прав живущих в Крыму собратьев.

Например, силами данной организации у Посольства России в Анкаре было организовано несколько акций протеста против присоединения Крыма к России.

На территории самого Крымского полуострова активную деятельность вело Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию, созданное в начале 90-х годов XX в. при аппарате премьер-министра Турецкой Республики.

Представляется, что после присоединения Крыма влияние данной организации будет постепенно снижаться.

Турецкая Республика, с одной стороны, придает важное значение вопросу благополучия и безопасности крымских татар, а с другой – внутренняя политика государства не предусматривает большой свободы для национальных меньшинств, например, обучения или выпуска книг на родном языке. Хотя в Турции и проживает большое количество представителей различных народов, они получают образование на турецком языке и не могут требовать дополнительных привилегий. Поэтому вопрос поддержки крымских татар активно используется скорее для привлечения внимания и поднятия рейтингов, чем для реальной поддержки национального меньшинства в Крыму.

К такому же пиар-ходу можно отнести и сотрудничество с антироссийски настроенным бывшим главой непризнанного Крымско-татарского меджлиса и украинским депутатом М. Джемилевым. В Турции его зовут Кырымоглу, что в переводе означает «сын Крыма».

После проведения референдума в марте 2014 г. премьер-министр и министр иностранных дел Турции встретились с М. Джемилевым, который в угоду политическим амбициям сообщил ложную информацию о том, что 99% крымских татар бойкотировали референдум³. Впоследствии эти данные были опровергнуты вице-премьером Крыма Р. Темиргалиевым*.

А месяц спустя М. Джемилев получил орден Турецкой Республики из рук президента А. Гюля. При этом в самом Крыму

* Около 40% крымских татар приняли участие в референдуме // РИА Новости. 16 марта 2014 г. // URL: <http://ria.ru/world/20140316/999728287.html>

М. Джемилев уже утратил свою популярность, и его заявлениям не придают большого значения.

Со стороны России всего через несколько дней после референдума были предприняты шаги по социально-экономическому обустройству нового региона. 21 марта 2014 г. Президентом РФ В.В. Путиным был принят Указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Для крымско-татарского населения депортация в мае 1944 г. была трагедией. Решение НКВД СССР было принято из-за участия крымских татар на стороне нацистской Германии в период Великой Отечественной войны. Сейчас этот факт часто упоминается в антироссийской риторике с целью повесить уровень негативного отношения крымских татар к России, при этом причины депортации сознательно замалчиваются. Кроме того, за более чем 20-летнюю историю нахождения Крыма в составе Украины подобного указа принято не было.

По мнению одного из авторитетных российских исламоведов В.В. Наумкина, данный закон будет «значительно содействовать победе в борьбе за умы и души этой важной части населения полуострова (крымских татар. – *Авт.*)»¹¹.

Закон должен не только улучшить положение местного населения, но и сблизить Россию и Турцию по данному вопросу.

Пример позитивной реализации указанного закона таков: крымские татары в 2014 г. впервые получили возможность официально отпраздновать окончание святого для мусульман месяца Рамадан – праздник Ураза-Байрам, что было невозможно при украинском правительстве.

С 2014 г. в Крыму предоставлены гарантии крымско-татарскому языку в качестве второго государственного одновременно с русским языком.

Крымские татары получили право на сохранение своей культуры, традиций и религии, а также получили квоту в 20% в органах власти Крыма.

Кроме политических и социальных сфер, на которых отразилось присоединение Крыма к России, необходимо учитывать и сферу безопасности, так как баланс сил в Черноморском регионе начинает меняться. У российского Черноморского флота на протяжении многих лет существовала большая проблема – базирование на территории Украины. Соответствующие соглашения по

Черноморскому флоту (Харьковские) были подписаны в 2010 г. и продлевали пребывание российского флота с 2017 г. на 25 лет.

После завершения всех официальных процедур по присоединению Крыма к Российской Федерации 2 апреля 2014 г. Президент России подписал закон о денонсации сразу нескольких соглашений: о параметрах раздела Черноморского флота, условиях базирования ВМФ России на территории Украины и связанными с этим взаиморасчетами между правительствами двух стран, а также Харьковских соглашений. Черноморский флот получил большие возможности для развития, что не может не беспокоить Турецкую Республику, чей флот является самым сильным на Черном море.

По мнению турецкого специалиста О. Гафарлы, это может привести к эскалации напряженности в регионе¹².

Но с момента проведения референдума прошло полгода, и ситуация в Черноморском регионе остается стабильной.

Однако прозападный курс внешней политики Турции не так однозначен. С течением времени Турция все чаще принимает решения исходя из своих национальных и экономических интересов, которые могут даже противоречить друг другу. Принимая во внимание турецкую внешнеполитическую доктрину «О проблемах с соседями», предложенную министром иностранных дел А. Давутоглу, Турции не выгодна какая-либо конфронтация в Черноморском регионе. Любой конфликт с участием Турции будет означать привлечение натовских кораблей, что напрямую снизит позиции Турции как регионального лидера.

Согласно Конвенции Монтре, корабли нечерноморских стран могут находиться в акватории Черного моря не более 21 дня. С момента присоединения Крыма к России американские и французские корабли заходят в акваторию Черного моря, что свидетельствует о желании Запада наращивать здесь свое военное присутствие. Но Турецкую Республику нельзя упрекнуть в открытом содействии Западу и пренебрежении условиями Конвенции Монтре. Лишь один американский корабль USS Taylor, нарушив условия пребывания, задержался в Черном море на 43 дня. Это было связано с поломкой винта, и к тому же большую часть времени корабль находился в порту г. Самсун.

Министр иностранных дел Турецкой Республики А. Давутоглу (ныне премьер-министр) заявил, что Турция никогда не отступала от положений конвенции, не пренебрегала своими

обязательствами, и «поэтому еправильно говорить о кризисе или напряженности между Турцией и Россией по этому вопросу»¹.

Турция не присоединяется к санкциям против России, так как значение российско-турецких экономических отношений очень велико.

Такого же мнения придерживается турецкий аналитик С. Демирташ, считающий, что «Турция не будет рисковать своими отношениями с Россией из-за Крыма»¹⁰.

Специалист факультета международных отношений Университета Кадир Хас (г. Стамбул) А. Юнвер предполагает, что сдержанная позиция Турции по Крыму в первую очередь связана с ее зависимостью от поставок российского газа, цены на который могут повыситься в случае ухудшения российско-турецких отношений.

Поэтому экономические выгоды промышленно развитой Турции преобладают над ее историческими связями с крымскими татарами¹⁷.

Скорее наоборот, после введения ответных санкций с нашей стороны по отношению к поставщикам из Европы, Турция получила возможность нарастить поставки овощей, фруктов, молочной и мясной продукции в Россию. В начале августа 2014 г. Турцию посетила делегация Россельхознадзора. В середине сентября главы министерств экономики России и Турции обсудили возможности создания механизма взаиморасчетов в национальных валютах, в том числе и для увеличения товарооборота по вышеуказанным направлениям.

При этом нет никаких прямых доказательств, свидетельствующих о снижении официального политического или экономического диалога между двумя странами. Непосредственно до и после проведения референдума в Крыму между главами России и Турции состоялись три телефонных разговора, на которых обсуждалась кризисная ситуация на Украине, события в Крыму и положение крымско-татарской общины.

Достигнутое взаимопонимание стало основой для сохранения нейтральной позиции Турции, и далее конструктивный диалог между В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом вернулся в привычное русло.

Конфликтная ситуация вокруг Крыма не отразилась и на таком важном для России и Турции секторе взаимодействия, как туризм.

В день проведения референдума в Крыму на Международной туристической выставке, проходившей в Москве, между Россией и Турцией было подписано Соглашение о сотрудничестве в туристической сфере. Оно предусматривает совместные действия в развитии туризма, обеспечении безопасности и осуществлении маркетингового сотрудничества¹⁶.

Позиция Турции по Крыму была к этому моменту сформирована, однако даже в день проведения референдума сотрудничество не остановилось. Экономические выгоды от туристического потока, который называют «двигателем» российско-турецких отношений, очевидны и не могут быть проигнорированы турецкой стороной.

В начале апреля 2014 г. Правительство Турецкой Республики установило новые правила для срока действия паспорта иностранного гражданина, посещающего Турцию, – 4 месяца (до окончания срока действия) вместо трех, как было раньше.

Принимая во внимание популярность турецкого направления в майские праздники, российские туроператоры были обеспокоены возможными проблемами с туристами. Однако, согласно официальному сообщению на сайте Посольства Турецкой Республики в Российской Федерации, реализация закона была перенесена на конец года, и российские граждане могут посещать Турцию по старым правилам⁵. Скорее всего, большое количество обращений из туристических фирм было принято во внимания, и правительство не стало вводить новые правила прямо перед началом туристического сезона.

Крымский вопрос стал еще одной проверкой российско-турецких отношений. Это уже не первый случай, когда политические разногласия могли встать на путь развития отношений между Россией и Турцией. Но, как показывает практика, умеренная политика Турции сохранила двусторонние отношения на прежнем уровне.

В заключение хотелось бы обратиться к одному эпизоду в истории Турции.

Александретский санджак – до Первой мировой войны часть Османской империи, которая в 1918 г. стала территорией Сирии под мандатом Франции согласно Мудросскому перемирию. На ее территории проживало до 50% этнических турок. Александретский санджак имел принципиальное значение для Турции, так как на его территории находился средиземноморский порт Искендерун, который обеспечивал стратегическое положение на Сре-

земном море, а также исторический город Антиохия (Антакья), плодородная долина реки Оронт. В результате выборов 1938 г. правительство санджака было сформировано членами турецкой общины, состоялся референдум о желании присоединиться к Турции. В 1939 г. было подписано Анкарское соглашение между Турцией и Францией об окончательном присоединении Хатая (новое турецкое название санджака) к Турецкой Республике.

Можно сказать, что на тот момент Сирия была под протекторатом Франции, поэтому присоединение части ее земель было выполнено с соблюдением международного права. Тем не менее это было сделано под нажимом турецких войск, которые были введены в Александретский санджак перед проведением референдума и для защиты преобладающего турецкого населения.

К такому сравнению с крымскими событиями в самой Турции относятся неоднозначно.

Министр иностранных дел заявил, что сравнение крымского вопроса с Хатаем или даже с кипрской проблемой невозможно⁷.

Противоположного мнения придерживается руководитель Центра ближневосточных исследований Х. Канболат, проводя параллели между Крымом и Хатаем, Кипром и Украиной¹³.

Реакция Турции на события в Крыму была сдержанной и в некоторой мере неопределенной. С одной стороны, она не признала результаты референдума, как и весь Запад, ввиду наличия западного вектора в своей внешней политике, а с другой – она не присоединилась к западным санкциям против России, так как не посчитала целесообразным жертвовать высоким объемом товарооборота. Представляется, что Турецкая Республика до последнего не будет принимать чью-либо точку зрения в данном вопросе, так как ей необходимо сохранять отношения как с западными странами, так и с Россией.

Вопрос соблюдения прав крымско-татарского населения является важным для Турции. Это связано с тем, что в Турции проживает большая крымскотатарская община, а некоторые потомки крымских татар имеют достаточно высокое положение в турецком обществе. Поэтому Турецкая Республика и дальше будет уделять большое внимание данному вопросу, так как кроме экономического аспекта в турецкой внешней политике видное место занимает «мягкая сила» и гуманитарное сотрудничество, через которое Турция продвигает свою политику в другие страны.

Такая сдержанная позиция Турецкой Республики по данному вопросу является для России предпочтительной, так как не

нарушает ранее достигнутых договоренностей во многих сферах российско-турецкого диалога и предоставляет возможность для дальнейшего сотрудничества в регионе.

Примечания

- ¹ Наумкин В.В. Многомерный кризис // Журнал: Россия в глобальной политике // URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mnogomernyi-krizis-1658024> Обзор-атель-Observer 1/2015.
- ² О реализации закона, предусматривающего срок действия паспорта при поездках в Турцию, 27.04.2014 // Объявление посольства Турецкой Республики в Российской Федерации // URL: <http://moscow.emb.mfa.gov.tr/ShowAnnouncement.aspx?ID=208671>
- ³ Россия и Турция подписали соглашение о сотрудничестве в сфере туризма до 2016 года // ИТАР-ТАСС 16 марта 2014 // URL: <http://itar-tass.com/politika/1050512>
- ⁴ Телефонный разговор с Премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом // URL: <http://www.kremlin.ru/news/20373>
- ⁵ 17 Mart 2014 Basın raporu // URL: <http://www.akparti.org.tr/site/basin-raporlari/tarih/2014-03-17>
- ⁶ 17 mart 2014 basın raporu // URL: <http://www.akparti.org.tr/site/basin-raporlari/tarih/2014-03-17>
- ⁷ Cagaptay S., Jeffrey J.F. Turkey's muted reaction to the Crimean crisis // URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/turkeys-muted-reaction-to-thecrimean-crisis>
- ⁸ Cole J. Turkey will be pushed more to the West // The New York Times // URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2014/03/18/ukraines-effect-on-a-deal-for-syria/russias-crimea-annexation-will-push-turkey-more-to-the-west>
- ⁹ Davutoglu: Montro'nun ihlaline izin vermeyiz // Hurriyet 14 Nisan 2014 // URL: <http://www.hurriyet.com.tr/dunya/26211121.asp>
- ¹⁰ Demirtas S. Türkiye, Kırım'da Rusya ile ilişkilerini riske atmayacak // BBC Türkçe 15 Mart 2014 // URL: http://www.bbc.co.uk/turkce/haberler/2014/03/140315_kirim_turkiye.shtml
- ¹¹ Dis ticaret istatistikleri, Türkiye İstatistik Kurum // URL: <http://www.tuik.gov.tr>
- ¹² Gafarlı O. Kırım Krizi ve Türkiye // Bilge adamlar stratejik araştırmalar merkezi. 26 Mart 2014 // URL: <http://www.bilgesam.org/incele/598/kirim-krizi-ve-turkiy> [10.]
- ¹³ Kırım'a Hatay, Ukrayna'ya Kıbrıs modeli // Rusya'nın sesi radyosu 19.03.2014 // URL: http://turkish.ruvr.ru/2014_03_19/Kirima-Hatay-Ukraynaya-Kibis-modeli/
- ¹⁴ Muderrisoglu O. Kırım'dan Hatay ve Kıbrıs ornegi cikmaz // Sabahgazetesi 23.03.2014 // URL: <http://www.sabah.com.tr/dunya/2014/03/23/kirimdan-hatay-ve-kibris-ornegicikmaz>
- ¹⁵ No: 86, 17 Mart 2014, Kırım'da duzenlenen referandum hk. // URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-86_-17-mart-2014_-kirim_da-duzenlenen-referandum-hk.tr.mfa

¹⁶ Secim haberler // URL: <http://secim.haberler.com/2014/>

¹⁷ Unver A. Putin Kirim'la Bati'yi sinadi // Amerika'nin sesi 26.03.2014 // URL: <http://www.amerikaninsesi.com/content/putin-kirimla-batiyi-inadi/1879580.html>

*«Обозреватель=Observer»,
М., 2015 г., № 1, с. 17–24.*

Б. Сидоров **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ** **ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ** **В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Сегодня наиболее остро стоит вопрос не столько ускоренного осуществления интеграционного процесса на территории СНГ, сколько поиска качественных «точек соприкосновения», которые позволят более объективно оценить перспективы развития. Эта тенденция всё более четко проявляется и в регионе Центральной Азии (ЦА).

Надо прямо признать, что на этапе обретения политической независимости, оформления государственности, самостоятельного вхождения в мировое сообщество, международные финансовые организации, создания собственных финансово-экономических систем – бюджетных, налогово-таможенных служб, валютной и т.д., Россия в рамках СНГ не смогла в должной степени сохранить и развить на новой основе отвечающую интересам постсоветских стран политическую, экономическую и социальную общность. Центробежные тенденции возымели первостепенную роль, а интеграционные задачи отошли на второй план.

Из-за допущенных просчетов те же страны ЦА, для которых в 1990-е годы было крайне важно восстановить и обновить свое хозяйство, смягчить геополитические и трансформационные шоки, начали свой, не всегда взвешенный курс на многостороннюю поддержку Запада, исламского, тюркоязычного мира и др., при сохранении существенных масштабов взаимодействия с Россией. Но в экономическом плане он не выходит за пределы маломасштабных инвестиционных проектов и внешнеторгового сотрудничества.

На настоящий момент для геополитических интересов России куда больший вызов представляет китайская кредитная экспансия в ЦА.

Предоставляя льготные, но связанные кредиты странам региона в рамках ШОС или на двусторонней основе, Китай активно

продвигает свою продукцию на рынки этих стран, приобретает активы в горнодобывающих и топливно-энергетических отраслях промышленности, формирует транспортно-коммуникационную инфраструктуру, обеспечивающую экономическую экспансию на континенте Евразии в целом.

Расширение присутствия КНР в регионе ЦА во многом стало возможно из-за фиаско ранее предпринятых попыток (моделей) «регионализации» ЦА. На тот момент страны региона опасались стремления России сохранить политический и военный контроль над ними, что в условиях глубокой экономической рецессии низводило заявленные высокие интеграционные задачи до наиболее приемлемой формы сотрудничества для всех государств – двусторонних соглашений об установлении режимов свободной торговли. Это и определило их внешнеполитические ориентиры.

Разрыв геополитического пространства, где доминировал СССР, задел и ЦА. Поэтому, несмотря на декларируемое рядом стран региона стремления к углублению взаимодействия в рамках ТС, ЕЭП будет сопряжено с большими сложностями. И эти сложности будут определяться стремлением максимально полно использовать потенциал давления на РФ в целях получения не всегда обоснованных преференций торгово-экономического характера, доступа к инвестиционным ресурсам, технологиям, что крайне важно для них в силу низкой конкурентоспособности их экономик, дефицитности бюджетов, огромной долговой нагрузки и т.п.

Такая позиция, как это заметно на примере Киргизии, будет определяться следующими представлениями:

- во-первых, украинский кризис, попытки международной изоляции России в обозримой перспективе не предполагают возврата к прежней модели отношений с Западом;

- во-вторых, Россия, стремящаяся стать одним из мировых центров притяжения, конкурирующих с США, ЕС, не может достичь этого только с опорой на собственные политические, воспроизводственные, финансовые и технологические ресурсы;

- в-третьих, Россия в современном геополитическом пространстве, конфигурация которого уже достаточно устойчива, обречена на действия по нормам и правилам, установленным без нее, что не предполагает переговоров на равноправной основе. При этом совершенно очевидно, что ни США, ни ЕС не готовы к какой-либо приемлемой форме содействовать этому;

- в-четвертых, Россия, решая свои геостратегические задачи, не может не озаботиться поиском партнеров для более тесной

кооперации в не западном мире, ибо современный мир требует объединения усилий, расширения масштаба и рынка, и сферы применения общих правил;

– в-пятых, Россия в своих возможностях служить полюсом притяжения ограничена, но еще сохраняет солидный вес на всем постсоветском пространстве, являясь спонсором и гарантом безопасности, а также привлекающей трудовую миграцию.

Крайне важно, что перед Россией и странами ЦА стоят схожие задачи по развитию, модернизации экономик, и одним из источников такого роста они видят региональную интеграцию, которая позволит в полной мере задействовать такие факторы, как более емкий региональный рынок, взаимодополняемость экономик, устойчивые кооперационные технологические цепочки.

С позиции теории экономического роста важно создать более широкий и емкий рынок, который может повысить устойчивость участвующих в нем стран к внешним шокам, а также способствовать развитию производств с высокой добавленной стоимостью. В этом плане огромные возможности для наращивания потенциала регионального сотрудничества имеет реализуемая Россией программа инновационной модернизации экономики.

В этой связи весьма перспективной выглядит идея согласованной модернизации национальных экономик и формирования в рамках ЕЭП, а впоследствии ЕАС, евразийского инновационного региона с целью достижения мирового технологического лидерства в некоторых инновационных сегментах.

Постепенное формирование такого региона с сохранением сырьевой роли стран-участниц в мировой экономике может обеспечить устойчивые темпы их развития при определяющей роли РФ. В конечном счете это даст России возможность сохранить за собой важную роль в мировой политике, говорить от имени группы государств, решивших создать общее экономическое пространство и проводить согласованную политику в сфере безопасности и внешнеэкономических связей.

Эффективная экономическая интеграция в евроазиатском регионе имела бы следствием:

– ускорение темпов взаимной торговли, экономического роста и сокращение транзакционных издержек;

– повышение конкурентоспособности товаров, фирм и национальных экономик, рост инновационного потенциала в результате усиления конкуренции на внутренних рынках государств;

- увеличение притока иностранных инвестиций, как из стран – участниц интеграционного объединения, так и из третьих стран;
- сглаживание межстрановых различий в уровне и качестве жизни населения.

Расширение и углубление интеграционных процессов в рамках единого экономического пространства (ЕЭП), а также Евроазиатского экономического союза (ЕврАзЭС), также значимо для России и в связи с нарастающей конкуренцией интеграционных проектов для региона ЦА, лоббируемых США, ЕЭС, Китаем, которые экономически перевешивают Россию. Евразийский же союз, где ключевая роль принадлежит России, со временем может стать серьезным региональным игроком, объединяющим производственные мощности российской и белорусской экономик с природными ресурсами и транзитными возможностями государств ЦА.

В этом случае ЕврАзЭС стал бы также важным экономическим субъектом, связывающим Китай и ЮВА, которые становятся одним из главных локомотивов мирового развития с ЕС. Идея подобного проекта не вызывает отторжения у государств региона. Создание этого союза крайне и наиболее важно в смысле усиления позиций во взаимодействии с Китаем в рамках проектов и организаций, где Россия и страны ЦА с ним непосредственно пересекаются (ШОС).

Другое направление – это резко расширяющаяся база для сочетания проекта ЕврАзЭС и китайского начинания «экономического пояса Нового шёлкового пути», что дает дополнительные преимущества и для государств ЦА.

Однако, реализуя такой амбициозный интеграционный проект, как ЕврАзЭС, следует изначально быть готовыми к одновременному вовлечению в разрешение проблем внутри регионального сотрудничества, сегодня сдерживаемых наличием множества очагов напряженности в межгосударственных отношениях, наличием неразрешенных пограничных вопросов, противоречивых геополитических ориентиров и неспособности найти разрешение водно-энергетических споров.

Напряженность в отношениях между странами имеет также и экономический характер. Казахстан, например, не оставляет попыток экономически «придушить» Киргизию и перенаправить торговые потоки из Китая. С другой стороны, Узбекистан систематически препятствует континентальной торговле, чтобы ослабить Таджикистан и заблокировать его стремления стать экспортером энергии в Афганистан и Пакистан.

Сегодня в странах ЦА реализуются настолько разнонаправленные экономические стратегии, что даже таким масштабным интеграционным проектам, как формирование ЕЭП, ЕврАзЭС, не разрешить всех сложных и многогранных проблем региона. Тем более, что объемы внутрирегионального торгово-экономического сотрудничества ЦА остаются на минимальных уровнях.

Поэтому правомерно заключить, что до последнего времени в ЦА отсутствует воля к образованию целостного региона, их представления о региональной интеграции, внешней политике и политической культуре зачастую не совпадают с коллективными интересами, а иногда могут и напрямую противоречить им.

Отмечаемое на геополитическом уровне множество противоречий определяет расходящиеся экономические и геостратегические модели, подрывающие эффективность и сотрудничество региональных организаций. На настоящий момент большинство региональных организаций ЦА являются лишь площадками для общения. Итоговые документы, принятые на саммитах, как правило, имеют характер заявлений о намерениях, лишенных каких-либо механизмов реализации.

Поэтому их деятельность не оказывает влияния на местную нормативную культуру.

Отсутствие механизмов реализации особенно губительно для региональных организаций, суть существования которых обусловлена экономическими соображениями. Наиболее показательным в этом плане является вопрос управления водными ресурсами, подрывающий отношения между странами ЦА.

С распадом СССР обмен энергией между республиками резко сократился и до сих пор не вернулся на советский уровень. Хотя, в принципе, государства региона ЦА хорошо дополняют друг друга (три государства являются нефтегазодобывающими, а два – производят гидроэнергию), сотрудничество по вопросам энергетики так и не вышло на конструктивный уровень. Переговоры по обмену воды на нефть и газ регулярно терпят неудачу. Более того, вопросы распределения водных ресурсов преобразовались в геополитическое оружие, и Киргизия и Таджикистан надеются укрепить свои позиции по отношению к Узбекистану, так как сегодня они разочарованно наблюдают, что ни Россия, ни Китай в открытую не поддерживают их позицию.

Подрывает экономические интеграционные проекты и геополитическое соперничество. Судьба амбициозного проекта ТРАСЕКА в этом плане наиболее показательна. Несмотря на зна-

чительную заинтересованность сторон, в рамках проекта так и не получилось перенаправить грузопотоки по маршруту «Восток – Запад», даже при существенной модернизации соответствующей региональной транспортно-логистической сети.

Небезосновательны опасения лидеров ряда стран ЦА, что некоторые внешние факторы используют лозунги интеграции для продвижения собственных геополитических интересов. Следовательно, крайне важно вместо призывов к интеграции сосредоточиться на реализации скоординированных проектов, которые более концентрированы, управляемы, устойчивы и актуальны.

Что самое важное, несмотря на баланс сил, который сложился не в их пользу, государства ЦА способны реализовать такие стратегии, которые заставляют региональные факторы и мировые державы конкурировать между собой, могут ограничивать воздействие внешних сил.

Ни Россия, ни Китай, ни США не могут в одностороннем порядке навязывать свои правила игры в Центральной Азии, и ни одна из этих держав не застрахована от внезапной потери влияния в регионе. Кроме того, на региональной сцене появилось много других действующих лиц – таких, как ЕС, Япония, Южная Корея, Турция, Индия. Каждый из этих участников стремится стать образцом для развития.

Основная конкуренция – реальная или мнимая – происходит между Западом и Россией–Китаем и между Россией и Китаем.

Конкуренция между Западом и Россией–Китаем. Необходимо исходить из понимания, что стратегическое конкурентное поведение часто присутствует в виде потенциала, а не фактической реальности; конкурентное поведение больше всего заметно в участии России и США в делах региона.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулся Запад при формировании региональных институтов, равных тем, которые формируются Россией и Китаем, в Центральной Азии всё же присутствует стратегический треугольник между Россией, Китаем и США. Каждая держава хочет добиться привилегированных отношений с двумя другими державами, поскольку любой союз между двумя из трех ослабляет позиции третьей державы.

Таким образом, Вашингтон не хочет видеть появления никакого глубокого стратегического альянса между Москвой и Пекином, а Москва озабочена растущей взаимозависимостью экономик Китая и США. Пекин был насторожен в период намечавшегося сближения между США и Россией.

Например, по крупным международным вопросам – таким, как Иран и Северная Корея, Россия озабочена китайско-американским сближением и растущей экономической и финансовой взаимозависимостью между двумя странами – возникновением фактора, который, возможно, сделает XXI в. китайско-американским, в котором Москве достанется лишь роль второстепенного плана.

США склонны воспринимать Россию как своего главного конкурента с точки зрения влияния в Центральной Азии. Китай по-прежнему в основном не присутствует в качестве фактора в центральноазиатской политике Вашингтона, так как свои энергетические интересы рассматривает с точки зрения конкуренции между Западом и Россией, между Россией и Китаем, а не с точки зрения модели конкуренции между Западом и Китаем.

Поэтому многие американские эксперты рады тому, что Россия потеряла монополию на углеводороды Центральной Азии благодаря строительству китайских трубопроводов, и касаются проблемы конкуренции за ресурсы между Западом и Китаем мимоходом.

Россия также придерживается модели, делающей упор на сдерживание Америки, игнорируя распространение китайского влияния.

Пекин, в свою очередь, предпочитает, чтобы контроль над Центральной Азией принадлежал России, а не США, но и не может не радоваться тому, что Россия и Америка заняты нейтрализацией друг друга, что развязывает руки Китаю для его торговой и инвестиционной политики.

Конкуренция между Россией и Китаем. Россия и Китай, будучи основными внешними факторами в Центральной Азии, демонстрируют двойственную политику как сотрудничества, так и конкурирования. ШОС воплощает в себе их хорошие отношения и воспринимается обеими странами как полезный механизм для переговоров. С российской точки зрения, ШОС обязывает Китай разыгрывать карту многосторонности и позволяет Москве сдерживать амбиции Пекина в Центральной Азии без прямой конфронтации с ним. С точки зрения Китая, ШОС открыла возможность для легализации и институционализации присутствия Пекина в регионе.

Теперь Китай может играть на противоречиях между государствами-членами и группами влияния, избегая обвинений в экспансионистской политике. С другой стороны, ШОС выступает в качестве буфера, способствующего разрешению споров мирным путем, и может направлять конкуренцию между двумя домини-

рующими государствами для достижения более выгодных решений.

Тем не менее китайско-российское партнерство в Центральной Азии имеет двойственный, неоднозначный характер. По существу, это альянс по расчету, который проистекает из взаимной поддержки действующих режимов во имя стабильности и сдерживания западного влияния.

В сфере безопасности Китай позиционирует себя как второй номер в связке с Россией и негласно признает Центральную Азию как регион, находящийся в сфере влияния России. Военное присутствие России в регионе не представляет никакой проблемы для Китая, который на самом деле нуждается в поддержке Кремля как для того, чтобы пресечь свои внутренние сепаратистские движения, так и для того, чтобы сдерживать влияние Запада в рамках растущей конкуренции с США.

Таким образом, Пекин хочет сохранить стратегическое российское доминирование, предпочитая, чтобы Москва несла на себе бремя расходов по обеспечению военной безопасности и гарантированию выживания нестабильных режимов, в то время как Китай сосредоточивается на экономической активности. В стратегическом плане из конкурентной борьбы с Китаем Россия выходит явным победителем.

Для России же ситуация более сложная. С 2002 г. Китай выступает за преобразование ШОС в крупнейшую зону свободной торговли, которая даст институциональную и многостороннюю платформу для своей внешнеэкономической экспансии в регионе. Тем не менее идея ШОС в качестве свободного рынка, в пользу которой выступает Китай, не находит поддержки со стороны государств ЦА. Они опасаются, что бурно растущий рынок поставит их под китайский экономический протекторат, отдавая предпочтение сотрудничеству в энергетическом секторе и китайским инвестиционным возможностям.

Создание транспортного коридора между Китаем и Европой через Россию и Центральную Азию, экспортные соглашения по электроэнергии и транзиту углеводородов составляют интерес для всех государств-членов. Прочие же предложения, выдвигаемые Китаем, воспринимаются с большой настороженностью.

Это явно проявилось в отношении попыток создания деловых советов и межбанковских ассоциаций для координирования региональных инвестиций и учреждении Регионального банка развития под эгидой ШОС. Инициатива по ТС и ЕЭП, по крайней

мере частично, является ответом на растущую экспансию Китая на рынках ЦА.

В настоящее время, когда украинский кризис и последующая неадекватно резкая реакция Запада изменили на долгие годы весь фон мировой политики, от России требуется осуществить интенсивное наращивание усилий по формированию собственной устойчивой зоны воздействия на основе широкого политического и экономического сотрудничества.

Конечно, для этого потребуется повысить собственную привлекательность относительно доминирующих конкурирующих мировых полюсов – ЕС, США и Китая. Сейчас совершенно ясно, что Россия вряд ли способна в новых условиях самостоятельно предложить конкурентоспособную, альтернативную модель экономического развития, стать еще одним центром, мировым полюсом притяжения.

Следовательно, необходимо проявить гибкость в данном вопросе, пойдя на равноправное сотрудничество с тем же Китаем, используя потенциал ШОС и возможности сочетания проектов Евразийского экономического сотрудничества и Китайского «Экономического пояса Нового шёлкового пути».

Последнее необходимо для России как по причине возможности расширения своего поля нормативного воздействия на другие страны, их объединения, так и в силу невозможности не считаться с национальными, экономическими интересами стран региона, уже состоявшимся значительным экономическим присутствием Китая в регионе ЦА.

Китай уже стал самым крупным торговым партнером Казахстана, Туркменистана, вторым для Узбекистана и Киргизии, третьим для Таджикистана. Общий объем торговли Китая с государствами ЦА превысил рубеж 50 млрд долл. США.

Следует принять во внимание, что, таким образом, во взаимодействии с Китаем, куда с большей вероятностью успеха, удастся реализовать (и в собственных, и в общих интересах всех вовлеченных стран) уникальные возможности объединения политических и экономических ресурсов для обеспечения позитивного баланса в ходе происходящих геополитических сдвигов.

Вообще говоря, ШОС должна стать возможной площадкой для строительства «Экономического пояса Шёлкового пути», что существенно повысит ее роль в защите региональной безопасности и стимулировании экономического развития, позволит создать транспортную сеть, объединяющую Восточную, Западную и Юж-

ную Азию на базе сотрудничества Китая, России и стран ЦА, а радиально распространится на жизненно важные транспортные магистрали более 30 государств.

С учетом этих стратегических перспектив внешняя политика России в отношении стран ЦА и Китая должна исходить из необходимости скорейшего «запуска» ЕврАзЭС, обеспечивающего усиление переговорных позиций организации в рамках ШОС, а самой ШОС – на Евразийском континенте.

Конечно, для балансирования интересов в рамках неизбежного пополнения круга государств-членов ШОС за счет присоединения Монголии, Индии, Пакистана, Ирана (в случае отмены санкций ООН) РФ должна тонко использовать все возможные варианты блокирования, искать новые способы взаимодействия с конкурирующими проектами государств, дружественных в геополитическом отношении.

В интересах России, в частности, поддержать в определенных пределах Китай в его нарастающем соперничестве с США и Японией в Восточной Азии.

Относительно другого конкурирующего интеграционного проекта – проекта «Нового шёлкового пути», патронируемого США, – представляется возможным однозначно заключить о его неприемлемости для РФ и государств ЕврАзЭС. И хотя он содержит «позитивную» составляющую, ибо предназначен для направления инвестиций для преобразования Афганистана в региональный узел и связующее звено между Южной и ЦА, его главная геополитическая составляющая заключается в формировании системы транспортных коридоров широтной конфигурации по направлению «Восток – Запад» и, следовательно, перенаправлению грузопотоков по маршрутам, отсекающим ЦА от РФ. Это противоречит фундаментальному принципу ШОС, где безопасность и экономика неизменно рассматриваются как два краеугольных камня организации в обеспечении его гарантий.

В заключение хотелось бы еще отметить: «Экономический пояс Шёлкового пути» наиболее предпочтителен как для России, так и для ЕврАзЭС. Это не единичный, а огромный системный проект, предполагающий наращивание и усиление политических контактов, строительство единой дорожной сети, торговых связей, валютных потоков и народную поддержку. Каждое из этих направлений является независимым, имеющим собственные цели и задачи развития, и, одновременно, дополняет друг друга, формируя органичное целое.

Одной из форм консолидации государств ЦА, в том числе и в рамках ЕврАзЭС, должна стать активизация приграничного сотрудничества. Межрегиональное и приграничное сотрудничество становится одним из главных катализаторов интегрирующей роли России с сопредельными государствами.

Имеются все предпосылки для того, чтобы межрегиональное приграничное сотрудничество стало одним из главных катализаторов интеграции в сообществе. Этот путь отличается высокой экономической эффективностью, и здесь не требуется никаких крупных инвестиций. За счет этого, по экспертным оценкам, объем ВВП в этих странах может увеличиться не менее чем на 30–50%.

Кроме того, выход регионов на рынки стран-участниц позволит полнее использовать возможности зоны свободной торговли. Демократизация общественной жизни, экономические реформы также создают в государствах СНГ объективные предпосылки для более активного участия регионов в международных внешнеэкономических связях.

При этом развитие дружеских, добрососедских связей между Россией и Китаем, между ними и республиками ЦА закладывает прочный фундамент стратегического взаимодействия при реализации масштабных интеграционных проектов создания ЕврАзЭС и «Экономического пояса Шёлкового пути», что обеспечивает заметный рост воздействия сопричастных стран на развитие мировой экономики и формирования на просторах ЦА не конфронтационной конкуренции, а зоны сотрудничества, опорной базы для торгово-экономических связей Евразии.

«Вестник аналитики», М., 2014 г., № 4, с. 73–82.

А. Исмаилов,

доктор исторических наук, профессор,
председатель Южно-Казахстанского областного
Общества историков и политологов
(Казахстан, г. Туркестан)

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В КАЗАХСТАНЕ**

Со времени провозглашения Казахстаном своей независимости в летопись страны вошли новые страницы, отражающие историю создания и развития институтов гражданского общества в областях и городах республики. За прошедшие годы независимости

создано порядка 18 тыс. неправительственных организации (НПО), большинство из которых функционируют успешно, реализуя широкий спектр услуг для общества. В практическом плане институты гражданского общества с каждым годом находят свое применение в политических, социальных, этнокультурных, хозяйственно-экономических, культурно-гуманитарных сферах жизни государства и общества.

Известно, общество становится гражданским лишь на определенной стадии демократического развития и начинает функционировать как относительно самостоятельный сектор в различных сферах общественной жизни, включая межгосударственные отношения.

Предпосылками для становления и функционирования гражданского общества является наличие у граждан экономической самостоятельности при многообразии форм собственности и реальной возможности людей к самостоятельной хозяйственной деятельности. Статьи в казахстанской Конституции о правовом и демократическом государстве являются политической и законодательной основой формирования институтов гражданского общества.

В общей политической системе страны государство как ведущее звено объективно взаимодействует с гражданским сектором общества, чтобы на основе компромиссных решений достичь согласия и стабильности. Следовательно, задача гражданского общества быть не только посредником между индивидуумом и органами государственной власти, но и стать важным рычагом (механизмом) в реализации социальных программ и планов развития страны.

В Республике Казахстан гражданское общество в своем становлении и развитии прошло два исторических этапа (периода).

1. В начале 1990-х годов прошлого века, как известно, во всех постсоветских странах начались демократические реформы, завершившиеся коренным изменением общественно-политического строя. Первыми институтами гражданского общества тогда стали независимые профсоюзы, представлявшие интересы работников негосударственного сектора экономики. Затем возникла Коалиция социальной защиты. В ней объединились 28 различных организаций, партий, движений для совместной работы по преодолению острых в те годы социальных проблем на консолидированной основе, на социальном партнерстве.

В декабре 2000 г. был принят Закон РК «О социальном партнерстве», который возвел в ранг государственной политики вопросы согласования интересов власти, работодателей и работников. Тем самым процессы социального партнерства получили законодательное оформление. Рубежным событием в формировании институтов гражданского сектора стал его Первый форум с участием Президента РК Н.А. Назарбаева. Это было в 2003 г. Так было начато системное формирование и развитие казахстанского гражданского общества, ставшего значительной силой в жизни страны. Важным событием на начальном этапе становления гражданского общества стало принятие решения Президентом РК о создании республиканской трехсторонней комиссии по социальному партнерству. Это было в декабре 1994 г.

В 2003–2005 гг. функционировала Национальная комиссия по вопросам демократии. Работа комиссии во многом способствовала демократизации общественных отношений и развитию институтов гражданского общества в Казахстане.

2. Второй этап развития гражданского общества начался с принятием в августе 2006 г. «Концепции развития гражданского общества в Республики Казахстан на 2006–2011 гг.». В ней в соответствии с задачами, определенными Президентом Н.А. Назарбаевым в его выступлении на Первом форуме, были изложены конкретные пути и механизмы развития институтов гражданского общества до 2011 г.¹

К началу второго этапа в истории Гражданского сектора в РК официально было 5820 неправительственных организаций (НПО) самой различной направленности. Это 12 политических партий, 3340 общественных фондов, 1072 ассоциаций юридических лиц, 471 национально-культурный центр, 3340 религиозных объединений, представляющих свыше 40 конфессий. Кроме них, в республике имеются 6646 СМИ самой различной формы собственности.

Принятый в апреле 2005 г. Закон РК «О государственном социальном заказе» предоставил возможности для участия НПО в реализации различных социальных проектов по новым взаимоотношениям «власть-общество». На сегодняшний день неправительственный сектор Казахстана насчитывает в своих рядах 18 тыс. НПО, в которых работают 550 тыс. человек, всего же

¹ Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 годы.

в республике зарегистрировано около 35 тыс. некоммерческих организаций¹.

Казахстанские неправительственные организации решают задачи оказания помощи и услуг отдельным категориям населения, проведение совместно со структурами власти определенных мероприятий материального и духовного характера с целью улучшения политической и социально-экономической обстановки в стране, благосостояния граждан, повышения уровня взаимопонимания и общественного согласия.

Успехи и нерешенные вопросы, разумеется, есть во многих областях и городах республики. Стабильно работают НПО в Южно-Казахстанской области, на сегодня зарегистрировано 460 НПО. Многие из них сосредоточены в городах Шымкенте, Ленгере, Жетисае, Сайрамском и Туркестанском районах. Ведущей структурой в ЮКО является объединение в форме юридических лиц ассоциация «Гражданский Альянс ЮКО» (президент К.Т. Алипова).

Необходимо отметить, что неправительственные организации, будучи юридическими лицами, не преследуют в качестве основной цели извлечение прибыли и не перераспределяют ее между собой. Сфера деятельности НПО простирается от экологии, правозащитной работы, социальных услуг до проблем подростков и молодежи. НПО, входящие в «Гражданский Альянс ЮКО», а также самостоятельно действующие, проводят свои мероприятия в рамках законодательства РК, активно участвуя в политической и культурной жизни области.

В рядах южно-казахстанских НПО есть и лидеры, и успешно работающие. Основным инициатором мероприятий являются тот же Альянс, на счету которого более десятка серьезных и полезных дел. Так, например, двухдневный семинар на тему «Диалог власти и гражданского общества. Формирование демократической культуры». Совместно с «Ассоциацией деловых женщин Казахстана» в 2009 г. проведен семинар, посвященный вопросам председательства Казахстана в ОБСЕ. Был весьма актуальным круглый стол: «Эффективное взаимодействие и социальное партнерство в предупреждении коррупции в ЮКО». Поддерживая республиканскую акцию «Мы – одна команда», проводимую «Гражданским Альянсом Казахстана», Областной Альянс продолжил акцию

¹ Утверждена Указом Президента РК № 154 от 25 июля 2006 г. См.: Газета «Рабат» (ЮКО). Тематический раздел «Третий сектор». 2009–2011 гг. Цикл материалов и публикаций о работе «Гражданского Альянса ЮКО».

«Эстафета добрых дел». В этой акции приняли участие многие НПО, госструктуры, молодежные и творческие организации. Акция стартовала в Сайраме, в детском доме № 4, продолжалась во всех других четырех детдомах области, в Шымкентском доме престарелых и инвалидов.

В рядах областных НПО целенаправленно работают «Сана-Сезім» (руководитель Хадиша Абышева), языковой центр «Inter Press ІН» (Ардакжан Жакенова), Фонд содействия фермерам и предпринимателям (Раис Караибрагимов). Так, например, в языковом центре Шымкента высокий уровень изучения английского языка. Учителя и студенты этого центра стали стипендиатами государственных программ, 27 молодых шымкентцев ныне обучаются в престижных вузах России (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный институт международных отношений (У)) и дальнего зарубежья. За вклад в развитие современных методов обучения английскому языку и благотворительную деятельность руководитель центра А. Жакенова удостоена национальной премии.

Важной вехой в истории казахстанского неправительственного сектора стал Второй республиканский форум, участником которого был автор данной статьи. На этом форуме присутствовал и выступил

Президент Н.А. Назарбаев. Глава государства уделяет большое внимание развитию гражданских инициатив и активному участию НПО в решении государственных и общественных задач. Президент РК предложил ряд мер по развитию гражданского сектора и определил задачи государственных структур по взаимодействию с организациями населения.

В октябре 2007 г. в Астане прошел Третий форум, ставший эффективной диалоговой площадкой между властью, бизнесом и неправительственными организациями. Особенность этого форума в том, что впервые перед делегатами форума с отчетами об исполнении поручений Президента РК Н.А. Назарбаева, данных на Втором гражданском форуме, и реализации Концепции на 2006–2011 гг., выступили руководители и представители министерств и ведомств. Цель отчета – это состояние и оценка взаимодействия исполнительной власти и неправительственного сектора, анализ хода выполнения поручений главы государства, конкретные предложения по дальнейшему улучшению работы НПО, расширение формата их влияния на принятие решений органами власти. Диалог получился результативным.

Сама идея об отчетах структур исполнительной власти перед общественностью и объединениями граждан получила всемерной поддержки участников форума. Этот пример достоин распространения в городах и областях, особенно в социальном блоке задач, решаемых НПО и местными органами власти. Это будет способствовать успешной реализации социальных заказов. В этом русле Южно-Казахстанский Гражданский Альянс совместно с Департаментом внутренней политики области провел научно-практическую конференцию «Роль неправительственного сектора в выполнении на региональном уровне Послания Президента РК от 28 февраля 2007 года»¹. С докладом о взаимодействии НПО и госструктур выступил заместитель Акима области. Высказались и внесли предложения многие участники конференции.

В результате социологического исследования, проведенного Гражданским Альянсом Казахстана (президент А. Соловьева), получены характеристики текущего состояния и перспективы развития неправительственных организаций в Республике. Данное исследование было завершающим и позволило сравнить полученные в 2007–2009 гг. данные о состоянии НПО. Выводы социологического опроса дают общее представление о реальном положении дел третьего сектора².

Исследованием было охвачены все области, города Астана и Алматы. Всего 224 неправительственных организаций, созданных в 1995–2011 гг. Большинство опросных анкет было заполнено руководителями НПО (191 анкета, или 86%), остальные – сотрудниками НПО. Надо заметить, что из указанного количества НПО 168 были созданы начиная с 2001 г. Из достаточно большого числа данных, полученных в данном исследовании, укажем лишь на несколько важных характеристик. На вопрос о том насколько Концепция отражает потребности развития НПО, получены ответы: «да, отражает» – 48,7% в 2011 г. (66,8% было в 2009 г.). Оценка степени выполнения задач Концепции получилась следующая: «все поставленные задачи выполнены» считают 55,8%, «большинство задач не выполнено» – 34,5 и «задачи полностью не выполнены» – 9,6% опрошенных. Оценка взаимоотношений между государством и неправительственными организациями получилась

¹ См.: Сборник материалов научно-практической конференции НПО области. 7 ноября 2007 года. – Шымкент, 2007.

² Результаты исследования вошли в «Национальный доклад 20 лет независимости». – Астана, 2011. – Раздел 5. – С. 105–113.

положительной (чуть больше 76%). Степень влияния НПО на принятие решений госструктурами за 2007–2011 гг. положительной считает 26% (данные усредненные).

В целом можно заключить: а) казахстанский третий сектор за 1995–2011 гг. прошел период своего становления и вошел в стадию развития; б) принятие Концепции 2006 г. стало важной вехой в истории гражданского общества Казахстана.

Литература

1. Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006–2011 годы. Утверждена Указом Президента РК № 54 от 25 июля 2006 г.
2. Газета «Рабат». – 2009. – № 4 (ноябрь).
3. Сборник материалов научно-практической конференции НПО области. 7 ноября 2007 года. – Шымкент, 2007.

*«Вопросы социальной теории»,
М., 2013–2014 гг., Т. VII. Вып. 1–2, с. 225–230.*

Д. Попов,

руководитель Уральского регионального
информационно-аналитического центра РИСИ,
кандидат юридических наук
(г. Екатеринбург)

МЕСТО УЗБЕКИСТАНА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКЕ США

С момента распада СССР Соединенные Штаты рассматривали Узбекистан как ключевую державу региона, обладающую наибольшим населением и военной мощью в Центральной Азии (ЦА), расположенную на пересечении основных транспортных путей и склонную к сближению с Западом. Ташкент видел в США альтернативу российскому влиянию и условие построения самостоятельного национального государства, источник инвестиций и технологий, а также средство укрепления безопасности на фоне подъема радикального исламизма. Отношения сторон тем не менее развивались неравномерно и прошли несколько этапов.

1992–2005: США как альтернатива России

Дипломатические отношения Узбекистан и США установили в феврале 1992 г. В марте того же года было открыто посольство США в Ташкенте, а в феврале 1995 г. – посольство Узбекистана в Вашингтоне¹. В июне 1996 г. состоялась первая личная встреча И. Каримова с президентом США У. Клинтоном.

В 90-е годы прошлого века республика предоставила американским компаниям права на освоение золоторудных месторождений и реализацию урана на внешних рынках, разрешила работу западных НПО и СМИ.

Ташкент проявил демонстративную лояльность Америке по ряду спорных вопросов международной повестки дня (например, в ноябре 1996 г. вместе с США и Израилем проголосовал против резолюции ГА ООН, осуждающей эмбарго в отношении Кубы).

В 1999 г. Узбекистан отказался от продления Договора о коллективной безопасности с Россией и присоединился к контролируемой Вашингтоном организации ГУАМ, практикующей антироссийскую риторику на пространстве бывшего СССР. Со своей стороны, американцы активно поддерживали узбекские проекты «альтернативной интеграции» Центральной Азии без РФ (ЦАС, ЦАЭС), не имевшие успеха из-за противоречий Ташкента и Астаны.

В 2001 г. была открыта американская военная база в Ханабаде и значительно увеличены объемы донорской помощи. В марте 2002 г. во время визита И.Каримова в США стороны подписали Декларацию о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, согласно которой в случае «внешней угрозы безопасности и территориальной целостности Республики Узбекистан» Соединенные Штаты проведут с ней срочные консультации для принятия ответных мер².

Вместе с тем уже на этом этапе отношения Ташкента и Вашингтона не были абсолютно безоблачными и омрачались стремлением Белого дома реформировать режим в республике путем

¹ The Uzbek-American Relations // Embassy of Uzbekistan to the United States website. 2009. August 1. URL: http://www.uzbekistan.org/uz_usrelations/archive/611/ (Дата обращения: 15.10.2014.)

² Article 2.1. Declaration on the strategic partnership and cooperation framework between the United States of America and the Republic of Uzbekistan. 2002. March 12 // Federation of American Scientists: website. 2002. July 8. URL: <http://fas.org/terrorism/at/docs/2002/US-UzbekPartnership.htm> (Дата обращения: 15.10.2014.)

вмешательства во внутренние дела через сеть НПО, СМИ и контакты с прозападной оппозицией.

Для поддержки лояльных политиков в Узбекистане были организованы ресурсные центры, предоставлявшие различную техническую помощь.

20 августа 2002 г. Госдепартамент США выпустил специальный доклад, в котором ставилась задача обеспечить укрепление политических партий, оппозиционной журналистики и создание типографских возможностей в Киргизии и Узбекистане, т.е. странах региона, где к тому моменту имелись американские военные объекты¹. В 2003 г. Конгресс США запретил Госдепартаменту оказывать прямую помощь центральным властям Узбекистана (в рамках закона FREEDOM Support Act) до тех пор, пока они не продемонстрируют существенный прогресс в демократизации².

2005–2008: Андижан и кризис отношений

Боевики радикальной исламистской организации «Акрамия» 13 мая 2005 г. совершили нападение на город Андижан в Ферганской долине, где захватили большое число заложников и ряд административных зданий. В результате спецоперации узбекских силовиков город был освобожден, но погибло, по независимым подсчетам, около 500 человек, в том числе большое количество мирных жителей³. Несмотря на очевидные связи «Акрами» с экстремистским подпольем Афганистана и ЦА, западная дипломатия и экспертное сообщество в целом интерпретировали произошедшее как подавление народных волнений против режима и в резкой форме осудили действия Ташкента.

¹ Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы / Андрей Казанцев // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 160.

² Право обходить это ограничение в случае, если того требуют интересы национальной безопасности США и необходимость расширения доступа в Афганистан, Госдепартамент получил в декабре 2011 г. (см.: Nichol J. Uzbekistan: Recent developments and U.S. interests / Jim Nichol // Congressional Research Service Report. 2005. May 2. P.CRS-3; Idem. Uzbekistan: Recent Developments and U.S. Interests // Congressional Research Service Report. 2012. August 3. Summary).

³ Бабаджанов Б. Верните Фемиде весы. (Непопулярный взгляд на андижанскую трагедию) / Бахтиер Бабаджанов // Александр Князев: интернет-сайт. 2014. 15 октября. С. 5–11. URL: <http://www.knyazev.org/biblio/Femida2.pdf> (Дата обращения: 15.10.2014.)

Ведущие средства массовой информации Европы и США откровенно симпатизировали террористам (более того, было установлено, что журналисты Би-би-си в ходе акции непосредственно присутствовали в расположении боевиков)¹. Как показало последующее расследование, оружие «Акрамия» получила из соседней Киргизии, где в марте того же года по сценарию США произошла так называемая «революция тюльпанов», заметно вдохновившая противников И. Каримова². Туда же, в Киргизию, после майских событий в Андижане через подготовленные «окна» на границе бежали десятки лиц, преследуемых правоохранительными органами.

Узбекистана за причастность к террористической деятельности. В июле 2005 г. под давлением США и европейских союзников президент Киргизии К. Бакиев, проигнорировав требования соседнего государства, разрешил их вылет в Румынию. В итоге, как отмечает эксперт американского Брукингского института Ф. Хилл, И. Каримов был абсолютно уверен, что нападение на Андижан было подготовлено с международной помощью, включая спонсируемые американцами НПО³.

В отличие от Евросоюза, который уже в мае 2005 г. осудил Ташкент, а в ноябре наложил на него санкции (запрет на выдачу виз ряду чиновников и эмбарго на экспорт вооружений), реакция США оказалась более сложной и затянутой. Белый дом потребовал проведения международного расследования и попытался добиться от узбекских властей уступок, облегчающих положение лояльных Вашингтону оппозиционных узбекских групп. Однако давление на руководство РУ привело к обратному результату.

По андижанскому делу были арестованы и осуждены десятки человек, включая деятелей оппозиции и НПО. Узбекистан потребовал от Пентагона вывести военную базу с аэродрома Ханабад, что было сделано к ноябрю 2005 г., после чего в 2006 г. республика вернулась в ОДКБ. В декабре 2005 г. И. Каримов денонсировал документы ГУУАМ и вышел из состава организации. Были упразднены бессрочные льготы, предоставленные американским корпорациям в Узбекистане. Некоторые из них, как золотодобывающая компания Newmont, лишились активов. В свою

¹ Бабаджанов Б. Указ. соч. – С. 27.

² См.: Попов Д.С. Киргизия в центральноазиатской политике США / Попов Д.С. // Проблемы национальной стратегии. 2013. No 2(17). С. 35–59.

³ Hill F., Jones K. Fear of Democracy or Revolution: The Reaction to Andijon / Fiona Hill, Kevin Jones // The Washington Quarterly. 2006. Summer. P. 117.

очередь, крупнейший в то время узбекский коммерческий холдинг Zeromax, аффилированный, согласно американской дипломатической переписке, с властями Узбекистана¹, сменил юридическую прописку с США на Швейцарию. Свои представительства в Узбекистане закрыли ведущие западные неправительственные организации, попавшие под жесткий прессинг спецслужб.

Через несколько лет бывший министр обороны Соединенных Штатов Д. Рамсфелд признал, что «администрация США раскритиковала действия узбекского руководства до того, как стали известны факты», и назвал американскую реакцию на Андижан «одной из самых обидных, хоть и прошедших незамечено, ошибок американского правительства»².

2008–2014: Новые подходы администрации Б. Обамы

Поскольку президента И. Каримова принципиально не устраивали многие российские проекты в области коллективной безопасности и постсоветской интеграции, очередное сближение Ташкента с США было вопросом времени. Первоначально задача восстановления контактов с американским руководством была возложена на посла Узбекистана в Вашингтоне А. Камилова, значительное содействие которому в работе с сенатом и другими ведомствами оказали бухарские евреи³. Для дальнейшего укрепления связей А. Камилов в 2010 г. вернулся на родину уже в статусе первого заместителя министра иностранных дел, а в январе 2012 г. возглавил внешнеполитическое ведомство Узбекистана.

Открыто готовность к возобновлению диалога с Западом И. Каримов продемонстрировал на саммите Североатлантического

¹ Uzbekistan: From A to Zeromax: Viewing cable 10TASHKENT27 // WikiLeaks: website. 2010. January 20. URL: <http://www.wikileaks.org/cable/2010/01/10TASHKENT27.html> (Дата обращения: 15.01.2013.)

² Дональд Рамсфелд об Афганистане, «Аль-Каиде» и бен Ладене / текст И. Лагутиной // Радио Свобода: интернет-сайт. 2011. 19 марта. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2343398.html> (Дата обращения: 15.10.2014.)

³ 10 сентября 2011 г. А. Камилов в соответствии с указом президента И. Каримова вручил президенту Конгресса бухарских евреев США и Канады Борису Кандову памятный знак и личное письмо главы Узбекистана за «огромный вклад в развитие узбекско-американских отношений» (см.: Шарки Р. Борис Кандов награжден медалью «Ўзбекистон Республикаси мустақиллиги 20 йил» / Рафик Шарки // The Bukharian Times. 2011. 16–23 сентября. No 501. С. 10).

альянса в Бухаресте в апреле 2008 г., где предложил использовать в интересах стабилизации Афганистана формат «6+3» (шесть сопредельных с ИРА стран плюс США, Россия и НАТО). По всей видимости, смягчению позиции Ташкента способствовало и вынесенное в пользу Г. Каримовой решение Высшего суда штата Нью-Джерси в июле 2008 г., постановившего вернуть дочери узбекского президента права на двоих детей, которые долгие годы оспаривал ее бывший муж и гражданин США М. Максуди.

Официально нормализация отношений сторон стала возможна после избрания на пост президента США в ноябре 2008 г. Б. Обамы и смены состава американской администрации. Новая стратегия Вашингтона предусматривала хозяйственное восстановление Афганистана за счет укрепления связей с соседними государствами (проекты «Большая Центральная Азия» и «Новый шелковый путь» – НШП) и интенсификацию боевых действий с талибами, для чего требовалось открыть дополнительные каналы снабжения коалиционных войск с севера (Северную сеть поставок – ССП). Достижение этих целей предполагало тесное сотрудничество со странами ЦА и прежде всего Узбекистаном.

В 2009 г. Ташкент присоединился к Северной сети поставок и провел в Вашингтоне первые двусторонние ежегодные консультации с США, формат которых ранее предложил помощник госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Р. Блейк. Были реанимированы программы в области безопасности, получили дополнительный импульс представляющие взаимный интерес экономические проекты (в частности, по развитию инфраструктуры между Узбекистаном и Афганистаном). Соединенные Штаты смягчили правозащитную риторику и предпочли дистанцироваться от прямого участия в разрешении водно-энергетического конфликта Ташкента с Душанбе в 2010 г., передав вопрос о проведении экспертизы Рогунской ГЭС Всемирному банку. В ноябре 2010 г. Р. Блейк констатировал перед конгрессом превращение Узбекистана «в ключевого партнера для усилий США в Афганистане» и заверил парламентариев в намерении повысить вовлеченность в дела республики¹.

¹ Blake R. Testimony before the Committee on Foreign Affairs of the House of Representatives. Hearing on the Emerging Importance of the U.S. – Central Asia Partnership / Robert O. Blake // U.S. Department of State: website. 2010. November 17. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2010/151733.htm> (Дата обращения: 15.10.2014.)

В дальнейшем Белый дом провел перераспределение финансовых ресурсов, выделяемых на узбекское направление, секвестировав политико-экономические и гуманитарные программы в пользу более широкого участия в вопросах безопасности. Официально с 1992 по 2010 г. на реализацию проектов Государственного департамента и Агентства международного развития США (USAID) в Узбекистане было выделено более 970 млн долл. В 2012–2013 гг. их финансирование резко сократилось, не превысив 13 млн долл в год¹. Одновременно в результате использования ССП затраты по линии Пентагона здесь стали исчисляться сотнями миллионов долларов.

Вместе с тем андижанский опыт оставил значительный отпечаток на восприятии узбекским истеблишментом американских подходов, вероятно, ограничивая пределы повторного сближения сторон. Несмотря на некоторую внешнюю либерализацию, правительство республики по-прежнему проводит жесткую линию в отношении иностранных НПО. Туманными остаются перспективы возможного нового размещения в республике военных объектов США: хотя в июне 2012 г. Узбекистан приостановил участие в ОДКБ, в августе 2012 г. он опубликовал содержащую элементы нейтралитета концепцию внешней политики, согласно которой отказывается от участия в военно-политических блоках и предоставления своей территории для иностранных военных баз².

В свою очередь, американская дипломатия, теперь проявляющая в Узбекистане большую осторожность, не отказалась полностью от своих традиционных инструментов. Республика подвергается критике в ежегодных докладах Госдепартамента о состоянии прав человека³, включена Белым домом в список стран, вызывающих особую озабоченность в связи с нарушениями

¹ Nichol J. Uzbekistan: Recent Developments and U.S. Interests. 2012. August 3. Summary.

² Депутаты утвердили концепцию внешнеполитической деятельности страны // Правительственный портал Республики Узбекистан: интернет-сайт. 2012. 7 августа. URL: <http://www.gov.uz/ru/press/politics/15236> (Дата обращения: 15.10.2014.)

³ Country Reports on Human Rights Practices for 2013 // U.S. Department of State: website. 2013. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/#wrapper> (Дата обращения: 15.10.2014.)

религиозных прав (СРС)¹ и не удовлетворяющих минимальным стандартам в части противодействия торговли людьми (отнесена к так называемому уровню «Tier 3»², что потенциально угрожает экономическими санкциями со стороны США). Среди крупных американских НПО в РУ продолжает работать Национальный демократический институт США (NDI), проекты которого, хотя и в урезанном виде, ориентированы на депутатов и функционеров госаппарата³. В июле 2012 г. из страны бежала лидер незарегистрированной оппозиционной партии «Свободные дехкане» Н. Хидоятова, заявившая, что власти собираются инкриминировать ей планы свержения правительства в сговоре с США⁴.

Также американские представители поддерживают контакты с узбекской оппозицией за рубежом, в частности с Народным движением Узбекистана (НДУ) – объединением ряда узбекских политических организаций в изгнании, провозгласивших целью смещение «режима И. Каримова»⁵. Движение возглавил давний политический противник президента Узбекистана, глава запрещенной партии «Эрк» М. Салих, бежавший из республики еще в 1993 г. и получивший политическое убежище в Норвегии. М. Салих пользуется информационным сопровождением крупных американских СМИ («Голос Америки», Радио «Свобода», «New York Times» и др.), приглашался для выступления в конгрессе и в Совете национальной безопасности США. Несмотря на это реального влияния на внутренние процессы в Узбекистане у него нет. Но НДУ может оказаться для Вашингтона полезным инстру-

¹ Country Reports on Human Rights Practices for 2013 // U.S. Department of State: website. 2013. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/#wrapper> (Дата обращения: 15.10.2014.) International Religious Freedom Report for 2013 // U.S. Department of State: website. 2013. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm#wrapper> (Дата обращения: 15.10.2014.)

² Trafficking in Persons Report 2014 // U.S. Department of State: website. 2014. June. P. 404. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/226849.pdf> (Дата обращения: 15.10.2014.)

³ NDI. Uzbekistan // The National Democratic Institute: website. 2014. URL: <http://www.ndi.org/uzbekistan> (Дата обращения: 15.10.2014.)

⁴ Из Узбекистана убежал последний лидер оппозиции / Автор пер. Алиса Вальсмаки // Радио Азаттык: интернет-сайт. 2012. 23 июля. URL: <http://rus.azattyq.org/content/nigora-khidoyatova-uzbekistan/24653595.html> (Дата обращения: 15.10.2014.)

⁵ В Праге прошел второй курултай оппозиционного Народного движения Узбекистана // Фергана: информ. агентство. 2012. 2 июля. URL: <http://www.fergana.news.com/articles/7410> (Дата обращения: 15.10.2014.)

ментом в будущем в случае возможного обострения социально-экономической ситуации или политического кризиса в РУ.

Торгово-экономическое сотрудничество

В настоящее время в экономическом отношении Узбекистан интересуется США прежде всего как государством, имеющее общую границу с Афганистаном, укрепление связей с которым может способствовать хозяйственному восстановлению ИРА в рамках концепции «Нового шёлкового пути». Обнародованная администрацией Б. Обамы летом 2011 г. концепция нацелена на образование нового экономического региона, объединяющего ЦА, Афганистан и Южную Азию (Индию и Пакистан). Она предполагает создание инфраструктуры, связывающей их между собой, а также либерализацию взаимной торговли. Это не только должно сделать светское правительство в Кабуле более устойчивым, снизить его потребность во внешних дотациях, но и ослабить экономическую ориентацию ЦА на Россию и КНР. Идея НШП находит положительный отклик у узбекского руководства, усматривающего в ней возможность за счет средств иностранных доноров расширить рынки сбыта узбекской продукции в Афганистане и провести модернизацию своей транспортной системы.

Соединенные Штаты не готовы нести большие финансовые издержки на реализацию инициативы НШП самостоятельно и активно задействуют возможности союзных государств-доноров (Германии, Японии) и международных финансовых институтов. Так, Азиатский банк развития (АБР), где крупнейшие квоты принадлежат США и Японии, вложил 165 млн долл. (еще 5 млн внесло правительство ИРА) в прокладку железной дороги Хайратон–Мазари-Шариф, в 2011 г. связавшей Узбекистан с крупнейшим городом северного Афганистана¹. Для американцев эта ветка решает не только экономические, но и военные задачи, поскольку используется преимущественно для снабжения войск, переброски техники, оборудования и материалов. С аналогичными целями американская дипломатия пролоббировала модернизацию примыкающей железной дороги Карши–Термез в самом Узбекистане, в 2012 г., убедив АБР и Японское агентство международного

¹ Mashrab F. Afghan Rail Link Marks a Break-out Moment / Fozil Mashrab // Asia Times: website. 2012. January 11. URL: http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/NA11Ag01.html (Дата обращения: 15.01.2013.)

сотрудничества вложить в нее 330 млн долл.¹ Названные магистрали рассматриваются как первый шаг в масштабной программе АБР по созданию «железнодорожного полукольца», пронизывающего северный Афганистан с востока на запад. По планам, такая транспортная дуга будет в нескольких местах стыковаться с железнодорожными системами государств ЦА (с Таджикистаном – в районе Кундуза, Узбекистаном – Мазари-Шарифа, с Туркменией – в районе Герата). Идея, по понятным причинам, приветствуется правительствами названных стран и вписывается в концепцию НШП.

Похожего подхода международные финансовые институты придерживаются и в энергетике, выделяя средства на строительство ЛЭП между ИРА и центральноазиатскими республиками. Поставки электроэнергии из Узбекистана по линии Хайратон–Пули-Хумри–Кабул стартовали в начале 2009 г. и позволили республике занять доминирующее положение на рынке соседнего государства. Теперь в Ташкенте с ревностью воспринимают инициативы международных доноров расширить поставки электроэнергии в Афганистан также из Туркмении и Таджикистана (проекты CASA-1000 и ЛЭП-500 Туркмения–Джаузджан) и намерены в упреждающем порядке наращивать собственные генерирующие мощности, нацеленные на экспорт в южном направлении².

Другим фактором, повышающим экономическую привлекательность республики для Соединенных Штатов, остается наличие в ее недрах ценных природных ресурсов (нефти, газа, урана и золота). Однако доступ к ним для западных компаний в разной степени затруднен ограничительными мерами узбекского правительства, неблагоприятным инвестклиматом, географической замкнутостью и конкуренцией с российскими и китайскими корпорациями.

В частности, американские ТНК практически не представлены в сфере добычи и транспортировки углеводородов в Узбеки-

¹ См.: Попов Д.С. Участие стран Центральной Азии в снабжении американских войск в Афганистане / Попов Д.С. // Проблемы национальной стратегии. 2014. №1 (22). С. 68–69; Uzbek Rail: Red hot wheels to Afghanistan: Viewing cable 09TASHKENT1577 // WikiLeaks: website. 2009. December 11. URL: <http://wikileaks.org/cable/2009/11/09TASHKENT1577.html> (Дата обращения: 15.01.2013.)

² Узбекистан планирует увеличить поставки электроэнергии в Афганистан и Пакистан // Афганистан.ру: интернет-сайт. 2011. 18 ноября. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/21388.html> (Дата обращения: 15.10.2014.)

стане, где активно работают Россия и Китай. Для США запасы нефти и газа республики являются незначительной величиной в общемировых масштабах, а их доставка на западные рынки требует чрезвычайных усилий по созданию дорогостоящей трубопроводной сети в нестабильном регионе.

В области производства золота Узбекистан удерживает за собой 4-е место в мире по запасам¹ и 7-е – по уровню добычи. После распада СССР с целью освоения ресурсов руководство республики учредило с одним из крупнейших мировых производителей желтого металла – американской Newmont Mining Corporation – совместное предприятие Zarafshan-Newmont, в котором сторонам принадлежало по 50%. В 2006 г. на фоне обострения отношений с США власти Узбекистана упразднили налоговые льготы для СП и предъявили претензии на 49 млн долл.², после чего предприятие было ликвидировано судом. В штаб-квартире Newmont в Колорадо действия Ташкента назвали экспроприацией бизнеса³. В дальнейшем узбекское руководство продолжило политику концентрации золотодобывающих активов в руках государства, в частности отстранив в 2011 г. английскую Oxus Gold от золоторудного месторождения «Хандиз».

Иначе складывались отношения Узбекистана с западными партнерами в части добычи урана, по запасам которого страна находится на 7–8-м месте в мире⁴. Даже после андижанского конфликта они не прерывались с американо-немецкой компанией Nukem – ныне дочерним предприятием североамериканского уранового гиганта Самесо и крупным рыночным посредником между производителями ядерного топлива и электростанциями в Европе, США и Азии. С 1992 по 2012 г. Nukem реализовала более 45,4 тыс. т узбекского урана потребителям в 12 странах

¹ Справка по Республике Узбекистан // Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. интернет-сайт. 2014. Март. С. 2. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/481428cc-6be5-486c-b7dd-22180bb9885b/Узбекистан.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=481428cc-6be5-486c-b7dd-22180bb9885b> (Дата обращения: 15.10.2014.)

² В Узбекистане суд признал американо-узбекское СП Zarafshan-Newmont банкротом // Фергана: информ. агентство. 2006. 2 октября. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=3561> (Дата обращения: 15.10.2014.)

³ Newmont announces operations outlook and diamond investment // Newmont Mining Corporation: website. 2006. September 27. URL: <http://www.newmont.com/our-investors/press-releases/2006/09272006> (Дата обращения: 15.10.2014.)

⁴ См.: Справка по Республике Узбекистан. С. 2.

мира¹. Эксклюзивным правом на его экспорт компания обладала до 2011 г., когда корпорация Itochu подписала собственный контракт на прямую закупку металла для Японии. Активный интерес к выходу на узбекский рынок урана теперь также проявляют Китай и Индия, поэтому отстоять свои позиции Nukem будет непросто.

Наряду с газом, золотом и ураном ключевым источником поступления твердой валюты в Узбекистан является хлопок. Республика занимает 6-е место в мире по объемам производства хлопка и 3-е по объему его экспорта². Вывоз хлопка монополизирован государством. Соединенные Штаты, сами относящиеся к крупнейшим мировым производителям хлопка и текстиля, в последние годы призывают ограничить доступ узбекского сырья на западные рынки, на дипломатическом уровне обвиняя Ташкент в использовании детского труда на полях. Под влиянием позиции американской администрации к началу 2013 г. около сотни компаний по производству одежды и торговых сетей в Европе и США, включая H&M, Gap, Walmart, Tesco, Debenhams и др., отказались покупать узбекский хлопок и продукцию из него³. Налицо использование США политических инструментов в целях недобросовестной конкуренции.

В целом, несмотря на отдельные проекты, потенциал торговли США и удаленного от морских путей Узбекистана остается незначительным (135-е место в списке торговых партнеров Соединенных Штатов в 2013 г.)⁴. Взаимный оборот сторон растет (348 млн долл. в 2013 г.)⁵, но сильно отстает от показателей России

¹ Узбекский Навоийский ГМК и американская NUKEM Inc готовят новое соглашение по поставкам урана // ЦентрАзия: интернет-сайт. 2012. 14 августа. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1344924660> (Дата обращения: 15.10.2014.)

² Cotton Fact Sheet. Uzbekistan // International Cotton Advisory Committee: website. 2013. September 14. P. 1. URL: https://www.icac.org/econ_stats/country_fact_sheets/fact_sheet_uzbekistan_2011.pdf (Дата обращения: 15.10.2014.)

³ Kramer A.E. As NATO prepares for Afghan withdrawal, Uzbekistan seeks war's leftovers / Andrew E. Kramer // The New York Times: website. 2013. January 31. URL: <http://www.nytimes.com/2013/02/01/world/asia/uzbekistan-wants-natos-leftovers-from-afghanistan.html?ref=uzbekistan> (Дата обращения: 15.10.2014.)

⁴ U.S.–Uzbekistan Trade Facts // Office of The United States Trade Representative: website. 2014. April 1. URL: <http://www.ustr.gov/Uzbekistan> (Дата обращения: 15.10.2014.)

⁵ См.: U.S.–Uzbekistan Trade Facts. Office of The United States Trade Representative.

(4,06 млрд долл.)¹, а также Китая и Казахстана. Рост во многом обусловлен разовыми крупными контрактами, такими как сделка конца 2008 г. по покупке Ташкентом четырех широкофюзеляжных самолетов Boeing-767 с поставкой в 2012 и 2013 гг. Ключевая статья узбекского экспорта в США – уран. Торговый баланс для РУ резко отрицательный и в 2013 г. сложился на уровне «минус» 294 млн долл.²

Вашингтон традиционно выступает за скорейшее присоединение Узбекистана к Всемирной торговой организации. Республика подала первоначальную заявку в секретариат ВТО еще в декабре 1994 г., но затем фактически «заморозила» переговоры с объединением. Принципы и правила ВТО противоречат жестким ограничительным мерам государства в торговой сфере, которых оно придерживается в последние годы. Официально Ташкент рассматривает процесс вхождения в ВТО как долгосрочный и опасается подрыва национальной автомобильной и текстильной промышленности³.

Повторное сближение РУ и США по военно-политическим вопросам на начальном этапе сопровождалось ростом западных инвестиций в узбекскую экономику. По всем признакам этот процесс был простимулирован правительствами государств сверху. Ключевым проектом стало создание в 2008 г. General Motors и узбекским автоконцерном UzAvtoSanoat совместного предприятия под названием GM Uzbekistan, мощность – 250 тыс. легковых машин в год (доля американской стороны – 25%)⁴. Однако впоследствии ежегодные прямые инвестиции США в экономику РУ стали последовательно сокращаться (до 71 млн долл. в 2012 г.)⁵. В итоге они не приобрели массового характера, на что могли рассчитывать в Ташкенте, и значительно уступают российским:

¹ См.: Справка по Республике Узбекистан. – С. 4.

² См.: U.S.–Uzbekistan Trade Facts. Office of The United States Trade Representative.

³ Узбекистан тщательно взвешивает последствия вступления в ВТО для узбекской экономики // Avesta.Tj: интернет-сайт. 2013. 15 февраля. URL: <http://www.avesta.tj/>

⁴ Садыков М. Узбекистан: Монополист «Дженерал Моторс» не удовлетворяет отечественного спроса / Мурат Садыков // EurasiaNet.org: интернет-сайт. 2013. 6 сентября. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/60277> (Дата обращения: 15.10.2014.)

⁵ См.: U.S.–Uzbekistan Trade Facts. Office of The United States Trade Representative.

к августу 2014 г. капитальные вложения в РУ компаний из США оценивались в 2,026 млрд долл., из РФ – в 9,147 млрд.¹ Активность западных инвесторов сдерживается в том числе и валютными ограничениями, сложными таможенными и административными процедурами, коррупцией и другими подобными факторами, свойственными узбекской экономике.

Для поддержки двусторонних бизнес-проектов с 1993 г. в стране действует Американо-Узбекская торговая палата (American-Uzbekistan Chamber of Commerce, AUCC), продвигавшая идею отмены американских санкций против Узбекистана² и объединяющая такие компании, как Boeing, Nukem, General Electric, General Motors, Lockheed Martin, Rio Tinto, Sikorsky Aircraft, FMN Logistics, Honeywell, Zeppelin International (дилер Caterpillar) и др.³ До своей ликвидации одним из главных спонсоров AUCC был упомянутый выше узбекский холдинг Zeromax. В 1997 г. создана еще одна независимая ассоциация иностранного бизнеса в Ташкенте под названием AmCham Uzbekistan, выполняющая функции представительства влиятельной американской лоббистской группы – Chamber of Commerce of the United States.

ВТС и проекты в сфере безопасности

Узбекистан поддерживает с США тесные военно-политические контакты. Республика заинтересована в американском участии в перевооружении своей армии, в сбалансировании российского влияния в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС) и ликвидации с помощью США базирующихся в Афганистане и Пакистане вооруженных группировок, ведущих борьбу против светского режима в Ташкенте. Вашингтон рассматривает Узбекистан как удобную площадку для размещения военных

¹ FDI into Uzbekistan. January 2003 to June 2014 // FDI Markets from The Financial Times Limited: website. 2014. August 1. P. 9. URL: http://www.fdireports.com/home/fdireports/static/docs/sample_country.pdf (Дата обращения: 15.10.2014.)

² Silverstein K. Is Pentagon in Bed with «Queen of the Uzbeks»? / Ken Silverstein // Harper's Magazine: website. 2010. March 25. URL: <http://harpers.org/blog/2010/03/is-pentagon-in-bed-with-queen-of-the-uzbeks/> (Дата обращения: 15.10.2014.)

³ AUCC Member Companies and Nonprofit Organizations // American-Uzbekistan Chamber of Commerce: website. URL: http://www.aucconline.com/static.php?content_id=14 (Дата обращения: 15.10.2014.)

объектов и инфраструктуры, обеспечивающих проведение боевых акций в Афганистане и транзит грузов, а также потенциально – как перспективного военно-политического союзника, располагающего крупнейшими в регионе вооруженными силами.

В 90-е годы XX в. импульсами к сближению с Соединенными Штатами для узбекского руководства стали серия террористических атак и продвижение «Талибана» к границам республики на фоне слабости России, которая вела войну на собственной территории, в Чечне¹. В 1999 г. Ташкент вышел из Договора о коллективной безопасности и интенсифицировал связи с США.

По договору октября 2001 г. Узбекистан передал в пользование американцам авиабазу Ханабад близ Карши, получившую индекс «К-2». Объект предназначался для поддержки боевых действий в Афганистане. На базе разместились около 1,5 тыс. американских военных, в том числе «зеленые береты» Пятой группы сил специального назначения, легкая пехота 10-й Горной дивизии из Форта Драм (шт. Нью-Йорк), а также тяжеловооруженные самолеты АС-130, транспортные самолеты С-130Н и С-17, истребители и боевые вертолеты². Одновременно Соединенные Штаты и НАТО увеличили объем военной помощи Узбекистану.

В самом американском истеблишменте перспективы дальнейшего сближения с Ташкентом расценивались при этом по-разному, что выразилось в борьбе двух взаимоисключающих тенденций во внешней политике США на узбекском направлении. В 2003 г. Конгресс США наложил ограничения на помощь Узбекистану, увязав ее с прогрессом в реформировании режима И. Каримова. Пентагон, в свою очередь, настаивал на углублении сотрудничества с республикой вне зависимости от демократических преобразований и с учетом ситуации в Афганистане³. Двой-

¹ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии / Марта Брилл Олкотт; Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за междунар. мир. – Москва; Вашингтон, 2005. – С. 7–8.

² Weisman S.R., Shanker T. Uzbeks order U.S. from base in refugee rift / Steven R. Weisman, Thom Shanker // The New York Times: website. 2005. July 31. URL: http://www.nytimes.com/2005/07/31/international/31uzbek.html?_r=0 (Дата обращения: 28.10.2014); Американские базы в Средней Азии // Коммерсантъ. 2005. 1 августа. № 140/П (3224). С. 9.

³ О конфликте военных и политических интересов США в РУ см.: Central Asia and the transition in Afghanistan // A Majority Staff Report Prepared for the Use of the Committee on Foreign Relations United States Senate. 2011. December 19. P. 3, 7–9. URL: <http://www.foreign.senate.gov/publications/download/central-asia-and-the>

ственность позиции США особенно ярко проявилась в запоздалой и противоречивой реакции Белого дома на кризис в Андижане в мае 2005 г. Расценив подход Вашингтона как нарушение партнерских отношений, Ташкент потребовал вывести американскую военную базу со своей территории. К ноябрю 2005 г. ВС США прекратили все операции с «К-2», перебросив часть персонала в киргизский международный аэропорт «Манас».

В 2006 г. Узбекистан вернулся в ОДКБ. Тем не менее членство в Организации республика по-прежнему рассматривала формально, избегая принимать на себя повышенные обязательства в сфере безопасности, а в 2008 г., после избрания на пост президента Соединенных Штатов Б. Обамы, пошла на новое сближение с США. По результатам активных консультаций сторон в 2008 г. была сформирована новая повестка дня, включающая два центральных пункта – открытие Узбекистаном коридоров для снабжения американских войск в Афганистане (путем присоединения к Северной сети поставок) и участие США в перевооружении и подготовке узбекской армии и силовых структур.

Транзит нелетальных грузов НАТО в Афганистан (ГСМ, стройматериалы, небронированные транспортные средства, инженерные конструкции, продукты питания) по своей территории Узбекистан разрешил в апреле 2009 г. Обладая наиболее удобной инфраструктурой, примыкающей с севера к Афганистану, республика стала играть в ССП роль ключевого звена. Через нее прошли два из трех маршрутов, открытых в рамках Сети, аккумулирующие до 85–95% всех грузов ССП¹. Пика узбекский транзит достиг после того, как в ноябре 2011 г. доступ Пентагону к своим коммуникациям временно закрыл Пакистан. В результате к началу 2013 г. около 70% всех грузов для группировки США в Афганистане транспортировалось через ССП². Пропорционально возросла

transition-in-afghanistan2 (дата обращения: 28.10.2014); Люпис А. Свобода выражения уже не так важна / Алекс Люпис // Committee to Protect Journalists: интернет-сайт. 2005. С. 2. URL: <http://www.cpj.org/attacks05/lang/AttacksPressRussian2005.pdf> (Дата обращения: 28.10.2014.)

¹ Lee G. The New Silk Road and the Northern Distribution Network: A Golden road to Central Asian trade reform?: Occasional Paper Series: Central Eurasia Project / Graham Lee; Open Society Foundations. 2012. October. № 8. P. 13–15.

² Tilghman A. Pakistan war supply routes still not fully open / Andrew Tilghman // Military Times: website. 2012. December 4. URL: <http://www.military-times.com/article/20121204/NEWS/212040313/Pakistan-war-supply-routes-still-not-fully-open> (Дата обращения: 15.01.2013.)

роль Ташкента в реализации стратегии Белого дома на афганском направлении. Пентагон существенно увеличил также закупки продовольствия и потребительских товаров в Узбекистане для нужд американской и афганской армий (до 105,9 млн долл. в 2012 г.)¹.

Вместе с тем перевозки через Узбекистан для американцев оказались сопряженными с рядом серьезных проблем. С февраля 2011 г. «Узбекские железные дороги» стали взимать за транспортировку одного контейнера в ИРА 2 тыс. долл.², что в 8 раз больше пошлины, которую удерживал Пакистан с автомобильной фуры³. Ташкент установил обременительные правила оформления грузов, требующие согласования Министерства обороны, МИДа, МВД, СНБ, таможенной и пограничной служб. Периодически блокировал трассы по политическим мотивам и вследствие непригодности местной инфраструктуры. Необоснованные преимущества получили транспортные компании, имеющие поддержку в высших эшелонах власти республики⁴. В результате после возобновления в феврале 2013 г. работы пакистанского маршрута Пентагон резко пересмотрел планы загрузки ССП в сторону уменьшения. Уже в середине 2013 г. через Узбекистан проследовало не более 4% американских грузов из Афганистана⁵. Весной 2014 г. на перевозках сказалось также ухудшение отношений США с Россией в результате украинского кризиса и риск полного отказа Москвы от участия в ССП.

В дополнение к сухопутным коммуникациям администрация Б. Обамы при посредничестве Южной Кореи в мае 2009 г. добилась открытия воздушного канала снабжения через узбекский аэропорт Навои. В отличие от киргизского Манаса, использовавшегося американцами до июля 2014 г., соглашение по Навои допускало транзит исключительно небоевых грузов, запрещало присутствие американских военнослужащих, заход военной авиации

¹ Kucera J. Turkmenistan big beneficiary of Pentagon money while Uzbekistan lags / Joshua Kucera // EurasiaNet.org: website. 2012. December 3. URL: <http://www.eurasianet.org/node/66248> (Дата обращения: 5.10.2014.)

² Lee G. Op. cit. – P. 19.

³ Felbab-Brown V. Stuck in the Mud. The Logistics of Getting Out of Afghanistan / Vanda Felbab-Brown // Foreign Affairs: website. 2012. July 18. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/137785/vanda-felbab-brown/stuck-in-the-mud> (Дата обращения: 15.01.2013.)

⁴ См. подробнее: Попов Д.С. Участие стран Центральной Азии в снабжении американских войск в Афганистане. – С. 66–69.

⁵ Там же.

США и прямое воздушное сообщение с Афганистаном¹. Такие условия снижали привлекательность объекта для логистических служб Пентагона, в результате чего в 2011–2012 гг. реконструированный терминал был загружен только наполовину проектной мощности в 110 тыс. т².

Также, по сообщениям прессы августа 2012 г.³, между США и Узбекистаном прошли переговоры о возможном создании на территории республики складов для ответственного хранения американской техники и вооружения вблизи границ Афганистана, которое могло бы быть быстро расконсервировано и переброшено в зону конфликта в случае обострения там обстановки (практика создания подобных складов применялась мериканским командованием в Кувейте при выводе войск из Ирака в 2011 г.).

В целом интенсивность использования Пентагоном узбекского коридора, в том числе воздушных гаваней и складов, в дальнейшем будет во многом зависеть от того, сохранят ли США постоянные военные базы в Афганистане и как будут складываться их отношения с Исламабадом.

Другим направлением сотрудничества в области безопасности стало участие Соединенных Штатов в подготовке и оснащении узбекских силовых ведомств. Узбекистан располагает крупнейшими по численности военизированными формированиями в регионе: личный состав вооруженных сил оценивается в 67 тыс. человек, внутренних войск и национальной гвардии – в 20 тыс.⁴ На вооружении находится преимущественно техника советского производства, доставшаяся республике после распада СССР от Туркестанского военного округа.

¹ Кучера Д. По Северной сети поставок вывозится из Афганистана лишь 4% американских военных грузов / Джошуа Кучера // EurasiaNet.org: интернет-сайт. 2013. 26 июня. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/60168> (Дата обращения: 26.06.2013.)

² См. данные официального веб-сайта аэропорта Навои: Uzbekistan Airways: Международный аэропорт Навои: интернет-сайт. 2013. 10 апреля. URL: http://www.navoi-airport.com/ru/#ru/content/cargo_service/introduction/ (Дата обращения: 10.04.2013.)

³ U.S. base deployment in Uzbekistan will dent Russia's influence in Central Asia – general // Global Research: website. 2012. August 25. URL: <http://www.global-research.ca/u-s-military-base-in-uzbekistan-to-counter-russia-in-central-asia/32484> (Дата обращения: 29.10.2014.)

⁴ The Military Balance 2012 / International Institute of Strategic Studies. 2012. P. 291.

Выступая в январе 2013 г. по случаю Дня защитников Родины, президент И. Каримов подчеркнул, что приоритетом Ташкента останется «переоснащение ВС современными видами вооружения и техники», для чего «необходимо существенно улучшить и расширить масштабы международного военно-технического сотрудничества с зарубежными странами-партнерами»¹. В это же время газета «New York Times» сообщила со ссылкой на официальных лиц НАТО, что представители Узбекистана в обстановке закрытости обратились к США, Германии и Великобритании с предложением оплатить вывод войск через республику техникой и вооружением. По данным газеты, в Вашингтоне в январе 2013 г. прошли соответствующие консультации с американским правительством².

По просочившимся в западную прессу отрывочным сведениям узбекская сторона проявила интерес к широкому спектру современных и технически сложных вооружений и амуниции, включая миноискатели, бронежилеты, спутниковое навигационное оборудование, приборы ночного видения, стрелковое оружие, а также хорошо зарекомендовавшие себя в Афганистане колесные бронемашины с усиленной минной защитой (MRAP), ударные вертолеты и «беспилотники»³.

В феврале 2013 г. Госдепартамент официально известил Конгресс о том, что США поставят Ташкенту часть из указанного выше оборудования, которое не пригодно для «репрессий против мирного населения», в частности беспилотные летательные аппараты некоторых модификаций⁴. (по сведениям американского информгентства «Eurasianet», малые разведывательные БПЛА)⁵. Инициативу Вашингтона поддержала Великобритания, министр

¹ Кучера Д. Узбекистан: Каримов предостерегает о «соперничестве внешних сил» в Центральной Азии / Джошуа Кучера // EurasiaNet.org: интернет-сайт. 2013. 17 января. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59814> (Дата обращения: 29.10.2014.)

² Kramer A. As NATO prepares for Afghan withdrawal, Uzbekistan seeks war's leftovers.

³ Ibid. 2013. 1 марта. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59912> (Дата обращения: 29.10.2014.)

⁴ Кучера Д. Узбекистан: На Капитолийском холме обхаживают Каримова / Джошуа Кучера // EurasiaNet.org: интернет-сайт.

⁵ Кучера Д. США и Россия нагнетают напряженность между Узбекистаном и сопредельными государствами? / Джошуа Кучера // EurasiaNet.org: интернет-сайт. 2013. 28 марта. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59975> (Дата обращения: 29.10.2014.)

обороны которой Ф. Хаммонд подтвердил планы по передаче Узбекистану в счет оплаты транзита грузовиков «Leyland DAF» и запчастей к «Land Rover», стоимостью 700 тыс. долл.¹

При этом, как показало обсуждение в Конгрессе, в американском внешнеполитическом истеблишменте сложилась мощная группа сторонников «жесткой линии» на превращение Узбекистана в полноценного военного союзника по типу Саудовской Аравии². По свидетельству одного из них, республиканца от штата Калифорния Д. Рорабахера, возглавляющего в палате представителей профильный подкомитет по странам Европы, Евразии и новым угрозам, узбекское руководство и лично И. Каримов готовы к такому развитию событий и «дали ясно понять, что предпочли бы заменить все свое бывшее советское вооружение... на американское»³.

По мнению американских экспертов, Ташкент, долгое время находившийся под западными санкциями, привлекает в сделке с НАТО возможность получить в свое распоряжение оружие и оборудование нероссийского производства с тем, чтобы меньше зависеть от Москвы в случае вооруженного конфликта с соседями из-за воды или границы⁴. Стремление завладеть таким оружием отчасти объясняет и решение РУ приостановить участие в ОДКБ в 2012 г.

Однако по косвенным признакам переговоры Ташкента и Вашингтона по вопросу о передаче военной техники затянулись и продвигаются трудно. В апреле 2014 г. Д. Седни (заместитель помощника министра обороны США в 2009–2013 гг.) назвал приоритетными кандидатами на получение наиболее востребованных

¹ UK to bring Afghan equipment home via Uzbekistan // Dawn: website. 2013. February 14. URL: <http://www.dawn.com/news/785824/uk-to-bring-afghan-equipment-home-via-uzbekistan> (Дата обращения: 29.10.2014.)

² Видеозапись выступления Д. Рорабахера на слушаниях в Палате представителей Конгресса США на тему «Угроза вооруженного исламизма в Евразии» (Joint Subcommittee Hearing: Islamist militant threats to Eurasia: [videos] // The House Committee on Foreign Affairs: website. 2013. February 27. URL: <http://foreignaffairs.house.gov/hearing/joint-subcommittee-hearing-islamist-militant-threats-eurasia> (Дата обращения: 29.10.2014.)

³ См.: Joint Subcommittee Hearing: Islamist militant threats to Eurasia.

⁴ Kramer A. As NATO prepares for Afghan withdrawal, Uzbekistan seeks war's leftovers.

броневиков класса MRAP Афганистан, Пакистан и Индию, умолчав об Узбекистане¹.

Другим приоритетом для узбекского руководства остается использование потенциала Соединенных Штатов в борьбе с террористическими группировками, преследующими цель силового смещения светского режима в республике и ранее вытесненными в Афганистан и Пакистан. Военная кампания Пентагона в ИРА снизила опасность новых ударов со стороны таких организаций, как «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) и «Союз исламского джихада» (СИД), ответственных за крупные теракты в узбекских городах в 1999, 2004 и 2009 гг. По распространенным американцами сведениям, примкнувшее к талибам ИДУ понесло крупные потери в результате боев с западной коалицией, в частности были уничтожены лидеры движения – Т. Юлдашев и Дж. Намангани.

Ценность для республики представляет внешнеполитическая поддержка США международных антитеррористических инициатив Ташкента, в частности включение Госдепартаментом ИДУ (2000) и СИД (2005) в американский и международный перечень зарубежных террористических организаций и распространение на них санкций ООН. Также стороны проявляют интерес к информационному взаимодействию по линии спецслужб. Выступая перед Конгрессом весной 2013 г., глава Центрального командования генерал Дж. Мэттис объявил о намерении начать более широкий обмен разведданными с «доверенными партнерами» в ЦА и прежде всего Узбекистаном на систематической основе².

По ряду признаков стороны проводят и совместные оперативные мероприятия. В июле 2011 г. гражданин Узбекистана был арестован в Соединенных Штатах с просроченной студенческой визой по обвинению в сотрудничестве с ИДУ и в планах покушения на президента Б. Обаму. Позднее он признал вину и был осужден в 2012 г. Два других этнических узбека арестованы в США в 2012 г. по обвинению в сотрудничестве с СИД. Интересно, что

¹ Schogol J. Pakistan, Afghanistan, India want leftover US MRAPs / Jeff Schogol // Defense News: website. 2014. April 1. URL: <http://www.defensenews.com/article/20140401/DEFREG04/304010030/Pakistan-Afghanistan-India-Want-Leftover-US-MRAPs> (Дата обращения: 29.10.2014.)

² Кучера Д. США намерены расширить обмен разведывательной информацией со службами национальной безопасности стран Центральной Азии / Джошуа Кучера.

ранее один из них получил в Америке статус беженца, скрываясь от преследований узбекских властей после событий в Андижане. Он был задержан в аэропорту при попытке примкнуть к террористическому подполью за границей¹.

Дополнительно США реализуют в Узбекистане программы подготовки кадров для силовых ведомств (двустороннее соглашение о расширении военных образовательных обменов и тренингов подписано в августе 2009 г.). Осуществляют проекты по техническому оснащению границы и правоохранительных структур: в 2012 г. наладили автоматизированную систему дактилоскопической информации, в 2013 г. профинансировали закупку оборудования для пограничных и таможенных органов (16,2 млн долл.) и строительство пограничного комплекса «Лябоб» (6 млн долл.)².

Многие из названных проектов традиционно увязаны с требованием реформирования правоохранительной системы и спецслужб по западному образцу, раскрытием информации о них и нацелены на работу в зонах потенциальных этнических и приграничных конфликтов. По этой причине узбекские власти, в частности, не поддерживали продвигаемую американской администрацией Центральноазиатскую антинаркотическую инициативу (CASI), предполагающую создание под патронатом США сети обособленных антинаркотических подразделений в республиках ЦА.

* * *

Таким образом, несмотря на сохраняющееся после андижанского кризиса взаимное недоверие, Соединенным Штатам и Узбекистану удалось восстановить высокий уровень сотрудничества, прежде всего в военно-политической сфере. Относительно символическое значение, демонстрирующее настроения узбекского руководства, имело открытие в столице республики в июне 2013 г. регионального представительства НАТО, на которое возложены задачи по укреплению практической кооперации Альянса со странами ЦА.

¹ Nichol J. Uzbekistan: Recent Developments and U.S. Interests. 2012. August 3. – P. 13.

² США выделяют свыше \$16 млн на переоборудование узбекской таможни и погранвойск // Avesta.Tj: интернет-сайт. 2013. 9 апреля. URL: <http://www.avesta.tj/security/17737-ssha-vydelit-svyshe-16-mln-na-pereoborudovanie-uzbekskoy-tamozhni-i-pogranvoysk.html> (Дата обращения: 29.10.2014.)

Однако прогнозировать динамику дальнейших взаимоотношений сторон сейчас крайне сложно, поскольку они будут зависеть от двух факторов неопределенности, в последние годы постоянно присутствующих в узбекской политике.

Во-первых, от того, кто займет президентское кресло в Ташкенте после И. Каримова (род. в 1938 г.). В политической прессе и экспертных кругах ЦА распространена мысль, что среди наиболее часто упоминаемых претендентов на роль преемника Вашингтон устроил бы финансист и первый вице-премьер правительства Узбекистана Р. Азимов, имеющий на Западе имидж реформатора¹. Хотя нельзя исключать, что подобные материалы тиражируются политическими противниками самого Р. Азимова.

Во-вторых, от того, как будет складываться ситуация в Афганистане, сохранят ли и в каком объеме Соединенные Штаты военное присутствие в этой стране. В мае 2014 г. президент Б. Обама заявил о планах США к началу 2015 г. сократить американскую группировку в ИРА до 9,8 тыс. человек, в течение 2015 г. урезать ее еще наполовину, сосредоточив персонал на базах в Кабуле и Баграме, и полностью вывести к концу 2016 г., как это было сделано ранее в Ираке². В случае, если анонсированные планы будут доведены до конца, программы военно-технического сотрудничества США в РУ неизбежно ждет пересмотр.

*«Проблемы национальной стратегии»,
М., 2015 г., № 1 (28), с. 74–90.*

¹ Кокорин А. США избрали Рустама Азимова следующим президентом Узбекистана / Андрей Кокорин // Zamondosh: интернет-сайт. 2012. 20 декабря. URL: http://zamondosh.blogspot.com/2012/12/blog-post_2530.html (Дата обращения: 15.10.2014); Бейлис М., Кислов Д. Вице-премьер правительства Узбекистана Рустам Азимов: Преемник или «козел отпущения»? / Максим Бейлис, Даниил Кислов // Фергана: информ. агентство. 2012. 10 декабря. URL: <http://www.fergananews.com/articles/7568> (Дата обращения: 15.10.2014.)

² Statement by the President on Afghanistan / Office of the Press Secretary // The White House: offic. website. 2014. May 27. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/27/statement-president-afghanistan> (Дата обращения: 29.10.2014.)

К. Сыроежкин,
доктор политических наук
(Казахстан)
ЗА ФАСАДОМ САММИТА ШОС В ДУШАНБЕ

Прошедший в Душанбе 11–12 сентября 2014 г. саммит глав государств – членов ШОС не оправдал некоторых ожиданий экспертов, однако он сдвинул с места изрядно перегруженный различными проблемами, а потому сталкивающийся с многочисленными препятствиями проект ШОС.

Взросшему уровню взаимопонимания участников способствовал тот комплекс региональных и глобальных угроз и вызовов, которые стали результатом непродуманной политики Запада (прежде всего США, как главного модератора этой политики) в странах Магриба, на Ближнем и Среднем Востоке, и в особенности на Украине. Вместе с тем ничего неожиданного или парадоксального в этом нет. Если вспомнить историю, то само возникновение ШОС было обусловлено комплексом аналогичных факторов, хотя и с несколько иными акцентами.

Позитивные итоги

Главный вопрос, который обсуждался на саммите, касался проблем обеспечения региональной безопасности. И хотя это – традиционный вопрос саммитов глав государств–членов ШОС, в Душанбе акценты были расставлены несколько иначе. Повидимому, в государствах – членах ШОС пришло осознание того, что главная проблема глобальной и региональной безопасности – это инициируемый Соединенными Штатами процесс формирования новой системы международной безопасности, в которой доминирующую роль играют политика «двойных стандартов», а также право силы и возможность ее использования в обход СБ ООН.

Эта политика приобретает все более конкретные очертания, а число стран, политические режимы которых не вписываются в этот процесс, неуклонно расширяется. Как следствие, происходит расширение сфер применения вооруженной силы при защите национальных интересов, активизация гонки вооружений и захлестнувшая мир волна террора как ответ попыткам насаждения американской гегемонии.

Поскольку в формате этой системы решения принимаются субъективно, исключить попадания в этот список одного или нескольких государств Евразийского пространства нельзя. И хотя на сегодняшний день никто из влиятельных геополитических игроков в дестабилизации ситуации на Евразийском пространстве, казалось бы, не заинтересован, тем не менее уже сформировавшиеся угрозы и вызовы безопасности этого пространства вполне реальны.

Нельзя игнорировать и другой вполне очевидный факт – в современном мире наблюдается неспособность как национальных (вооруженные силы, полиция, спецслужбы), так и международных (ООН, ОБСЕ, НАТО и т.д.) институтов справиться с возложенной на них миссией гарантировать безопасность.

Понятно, что это не может устраивать государства, в том или ином статусе входящие в ШОС, особенно в условиях, когда их откровенно принуждают занять сторону сильного и лишают права свободного выбора. Поскольку США и Европа отвергают выдвинутую Россией идею создания общего пространства безопасности, по-видимому, пришло время задуматься о формировании региональной системы безопасности.

Эта мысль проходила красной нитью на саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Пекине в мае 2014 г. Она же была подчеркнута и на последнем саммите ШОС лидером самого влиятельного члена этой организации Си Цзиньпином, который отметил необходимость во имя мира и стабильности в регионе и мире «развивать в себе позицию высокой ответственности, крепко утвердить в себе самосознание сообщества с единой судьбой и сообщества с общими интересами, члены которого должны действовать в одном направлении, разделять и честь и бесчестье, концентрировать намерения и силы, искренне сотрудничать и всеми силами способствовать совершенствованию механизмов ШОС, укреплению всестороннего сотрудничества, большей внешней открытости и развитию благосостояния народов региона»¹.

¹ См.: Си Цзиньпин. «Нинсинь цзюли, цзинчэн сюэцзо, туйдун Шанхай хэцзо цзучжи цзай шан синь тайцзие» (Сконцентрировать намерения и силы, искренне сотрудничать, содействовать выходу Шанхайской организации сотрудничества на новый уровень). Выступление на саммите ШОС. Душанбе. 12.09.2014 // Жэньминь жибао, 13.09.2014.

Конкретизируя свою мысль, Си Цзиньпин выдвинул четыре тезиса. В первую очередь он отметил, что за обеспечение безопасности и стабильности в регионе ответственность несут государства-члены ШОС. По его мнению, им необходимо сосредоточиться на борьбе с религиозным экстремизмом и интернет-терроризмом, для чего следует как можно скорее предоставить Региональной антитеррористической структуре ШОС функцию борьбы с незаконным оборотом наркотиков и учредить Центр противодействия вызовам и угрозам в области безопасности для координации действий в борьбе с «тремя силами зла».

Во-вторых, подчеркнул китайский лидер, необходимо твердо стоять на том, чтобы сделать обеспечение совместного развития и процветания главной целью, где основное внимание должно быть сконцентрировано на вопросах торговли и инвестиций, региональной интеграции и создании единого торгового, инвестиционного и транспортно-логистического пространства. Необходимо как можно скорее достичь единства мнений по созданию финансовой структуры ШОС; усилить координацию энергетической политики и сотрудничество в области обеспечения безопасности транснациональных нефте- и газопроводов; усилить координацию продовольственной политики и повысить мощности производственной базы пищевой промышленности; разработать «План действий партнерства ШОС в научно-технической области». При этом Китай решил увеличить объем Фонда экономического сотрудничества «Китай – Евразия» до 5 млрд долл.

В-третьих, необходимо осуществлять всесторонние контакты и гуманитарный обмен, расширить возможности ШОС в деле распространения международной информации и укрепления сотрудничества между СМИ, а также поддерживать подготовку кадров и обмен кадрами в сферах общественной политики, государственного управления и юстиции. Китайская сторона намерена в 2015–2017 гг. обеспечить возможность обучения и подготовки 2 тыс. чиновников, управленческих и технических кадров из государств – членов ШОС, а также ежегодно приглашать 50 молодых лидеров стран ШОС в Китай на стажировку.

В-четвертых, необходимо расширить обмены и сотрудничество с внешним миром. Китай приветствует стремление стран, отвечающих критериям ШОС, вступить в эту организацию. Следует укреплять взаимодействие государств – членов ШОС со странами-наблюдателями и партнерами по диалогу, активизировать сотрудничество ШОС с ООН, СВМДА, другими международными

и региональными организациями. Китайская сторона приветствует активное участие государств – членов ШОС, стран-наблюдателей и партнеров по диалогу в строительстве «Экономического пояса на Шёлковом пути», призванного обеспечить расширение транспортно-коммуникационных возможностей и стимулировать процесс индустриализации нового типа.

Разумеется, все сказанное Си Цзиньпином можно истолковать как стремление китайского лидера продвинуть свою идею формирования «Экономического пояса на Шёлковом пути», и в этом будет значительная доля правды. Однако нельзя не признать и того, что сегодня роль модератора процесса формирования Азиатской концепции безопасности взял на себя именно Китай, принявший в мае 2014 г. полномочия председателя СВМДА. Высказанные Си Цзиньпином тезисы нашли свое отражение в принятой по итогам саммита декларации¹. Очевидно, они получают отражение и в «Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года», решение по проекту которой было принято на саммите.

Второй ключевой вопрос, который обсуждался на саммите, касался сотрудничества в области транспорта и логистики. На этом особый акцент был сделан в выступлении В. Путина, предложившего не только использовать транзитный потенциал российских Транссибирской железной дороги и Байкало-Амурской магистрали, но и сформировать сеть автомобильных маршрутов, включая транспортный коридор Европа – Западный Китай, соединяющий порты Желтого моря с портами Ленинградской области. По мнению Путина, «следующим шагом должно стать утверждение программы скоординированного развития автодорог государств-членов ШОС», проект которой российская сторона представила партнерам в апреле 2014 г.²

Практическую реализацию этих замыслов должно обеспечить подписанное в присутствии глав государств – членов ШОС «Соглашение между Правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок». Как оно

¹ См.: Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. Душанбе. 12.09.2014. (<http://news.kremlin.ru/>).

² См.: Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 12.09.2014. Душанбе. (<http://news.kremlin.ru/>).

будет реализовываться на практике, сказать пока трудно. В Китае транспортно-логистическая инфраструктура готова полностью, в Казахстане идет активное строительство транспортного коридора «Западный Китай – Европа», что делается в этом направлении в России, не очень понятно. Однако вполне очевидно, что российский лидер решил подыграть своему китайскому коллеге, упомянув о том, что все эти планы связаны с инициативами Китайской Народной Республики по развитию «Шёлкового пути».

Третий ключевой вопрос касался проблемы расширения ШОС. На саммите был одобрен «Порядок предоставления статуса государства – члена ШОС» и обновлен типовой «Меморандум об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса государства – члена ШОС». Таким образом, создана законодательная база для расширения числа участников ШОС и совершенствования правил деятельности организации.

Почти наверняка можно ожидать, что на следующем саммите ШОС, который пройдет летом 2015 г. в Уфе, постоянными членами Организации станут Пакистан и Индия. Во всяком случае, об этом было заявлено как Россией, так и Китаем. По мнению китайской стороны, «вступление Индии и Пакистана в ШОС будет благоприятствовать дальнейшему развитию ШОС, а эти две страны приложат усилия к обеспечению безопасности и совместного развития в регионе»¹. Вполне возможно, что аналогичный статус будет предоставлен и Монголии. В пользу этого говорят визиты В. Путина и Си Цзиньпина в Улан-Батор, а также организованный в рамках саммита ШОС в Душанбе китайско-российско-монгольский диалог. Судя по оценке этого диалога Си Цзиньпином, между тремя странами есть полное взаимопонимание и множество точек соприкосновения².

¹ См.: «Китай приветствует и поддерживает вступление Пакистана и Индии в ШОС на правах официальных государств-членов» // Агентство Синьхуа, 18.09.2014. (<http://www.russian.xinhuanet.com/>).

² Как было подчеркнуто китайским лидером на встрече в Душанбе, «мы можем объединить инициативы российской стороны о трансевразийской железнодорожной магистрали и монгольской стороны о степной дороге, создать экономический коридор Китай–Россия–Монголия, укрепить транспортно-коммуникационное строительство; стимулировать упрощение таможенного декларирования и транспортировки; продвинуть сотрудничество в области трансграничных перевозок; исследовать возможности строительства трехсторонней трансграничной электрической сети и осуществлять деловое сотрудничество в сферах туризма, СМИ, охраны окружающей среды и ликвидации последствий

Правда, при всей геополитической значимости процесса расширения ШОС связанных с этим вопросов остается достаточно много. Особенно сейчас, когда вполне очевидно, что даже в своем нынешнем составе ШОС является недостаточно эффективным инструментом. Сомнения по поводу необходимости расширения ШОС хорошо известны. Во-первых, одновременно с принятием новых членов расширяется зона ответственности ШОС и усложняется спектр проблем, которые придется решать. С учетом того, что проблемное поле ШОС и без того усложняется, а ответов на актуальные проблемы безопасности сегодня пока нет, возникает вопрос: нужно ли его еще более усложнять?

Во-вторых, возникает вполне закономерный вопрос, как преодолеть в рамках одной организации «конфликт интересов», не превратив и без того не слишком эффективный механизм обеспечения региональной безопасности в банальную «говорильню». По сути, несмотря на определенные подвижки в отношениях между государствами Азии, речь идет либо о странах, находящихся в прямой конфронтации друг с другом (Индия – Пакистан), либо о государствах, являющихся геополитическими конкурентами (Китай – Индия), либо о государствах (Иран), которые принесут с собой массу проблем, к решению которых ШОС пока не готова. Не менее серьезная проблема состоит в том, насколько в рамках организации, одной из основных целей которой является противодействие угрозе исламского фундаментализма и экстремизма, можно совместить интересы светских (хотя и мусульманских) режимов с интересами режимов исламских.

В-третьих, необходим ясный ответ на вопрос, насколько функциональность ШОС связана с перспективами расширения Организации. На сегодняшний день ясности в ответах нет, напротив, на экспертном уровне можно встретить прямо противоположные точки зрения. Принятие в качестве партнера по диалогу Турции – наглядное тому свидетельство. Турция остается активным членом

стихийных бедствий во имя обеспечения региональной безопасности и осуществления общего развития. Три стороны также должны укрепить международное сотрудничество, совместно защищать основные нормы международных отношений, выступать за утверждение новой концепции безопасности, основанной на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве, продвинуть политическое решение международных споров и горячих вопросов мирным путем и посредством диалога и переговоров». – См.: «Си Цзиньпин принял участие в трехсторонней встрече глав Китая, России и Монголии» // Агентство Синьхуа, 12.09.2014. (<http://www.russian.xinhuanet.com/>).

НАТО и имеет свой взгляд на мировые проблемы, а потому вполне очевидно, что мнения членов ШОС и Турции могут кардинально различаться.

В-четвертых, нельзя не принимать во внимание и возможное изменение расстановки сил в организации (прежде всего в экономическом плане) с принятием в ШОС в качестве постоянных членов Пакистана, Индии, а в перспективе, возможно, и Ирана.

Наконец, можно с большой долей вероятности прогнозировать, что процесс адаптации потенциальных новых членов ШОС будет проходить проблемно. Даже сегодня, когда ядро Организации составляют постсоветские республики, механизм принятия, а главное, выполнение решений в ШОС идет отнюдь не гладко. Принятие в ШОС новых членов неизбежно усложнит отношения между участниками Организации и может способствовать ее чрезмерной бюрократизации. В этом случае не исключен вариант постепенного придания ШОС статуса важного, уважаемого и влиятельного, но всего лишь «клуба» для проведения политических дискуссий и экономических форумов.

Таким образом, расширение ШОС не должно стать самоцелью, а тем более, идти в ущерб организации или подменять подлинный смысл ее существования. Необходимо со всей ответственностью отнестись к механизмам принятия заявок, строгому соблюдению условий и обязательств стран-кандидатов, решению важных нормативных вопросов.

О четвертом ключевом вопросе, который наверняка обсуждался на саммите, подробной информации нет. Речь идет о создании Банка ШОС и Специального счета ШОС. Многие эксперты ожидали, что именно по этому вопросу будут приняты конкретные решения, поскольку в связи с западными санкциями Россия могла пойти на некоторые уступки Китаю. Очевидно, что этого не произошло. Напротив, если верить СМИ, России предложили соединить банк ШОС с Евразийским банком развития, а Китай с этой идеей согласился¹.

На сегодняшний день одна из ключевых проблем ШОС – отсутствие осязаемых практических дел и эффективного механизма реагирования на угрозы и вызовы, возникающие на объединяющем эти государства пространстве. Если ШОС сумеет предложить, а главное – реализовать комплекс мер, позволяющих минимизиро-

¹ См.: Дергачев В., Розанов Д. Путин предьявляет ШОС // Газета.ru. 13.09.2014. (<http://www.gazeta.ru/>).

вать негативные процессы, связанные с финансово-экономическим кризисом, ее имидж изменится, а соответственно – изменится и отношение к этой организации со стороны населения входящих в нее государств.

Это означает, что перспективы развития ШОС связаны с двумя ключевыми моментами: с одной стороны, с повышением ее роли в формировании новой архитектуры евразийской безопасности; с другой – в налаживании эффективного экономического сотрудничества и реализации значимых для населения региона совместных экономических проектов.

Пятый несомненный успех прошедшего саммита – достигнут хотя и относительный, но всё-таки консенсус по основным международным проблемам¹. Особого внимания заслуживает поддержка позиции России в ее конфликте с Западом по вопросу событий на Украине, хотя однозначной назвать эту поддержку сложно. Как подчеркивается в итоговой декларации, «главы государств выступают за скорейшее восстановление мира на Украине и продолжение переговорного процесса в целях полного урегулирования кризиса в этой стране. Они приветствуют подписанный 4 сентября 2014 г. Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины и инициатив Президента России»².

Тем не менее нельзя не признать, что отсутствие в дискуссии в рамках саммита и в принятых документах упоминания «проблемы Крыма» – безусловное свидетельство поддержки России. Особенно отчетливо это прозвучало в высказывании И.Каримова, который подчеркнул, что «если бы украинская сторона вела себя объективно, надо было с самого начала добиваться прямых переговорных процессов с Россией. Другого пути я не вижу. В любых переговорах должны быть учтены позиции сторон. В этом регионе должны учитываться интересы России. Не учитывать интересы

¹ См.: Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества.

² См.: Там же. Если это так, то достигнутый компромисс – существенный шаг вперед, который делает вполне реализуемым проект создания Банка ШОС и Специального счета ШОС. Следовательно, можно ожидать, что ШОС наконец-то начнет заниматься конкретными экономическими проектами. Кстати говоря, в необходимости скорейшей практической реализации таких проектов заинтересованы все страны Центральной Азии, о чем свидетельствуют выступления на саммите их лидеров.

России в этом регионе было бы, на мой взгляд, серьезной ошибкой»¹.

Трудно не согласиться с лидером Узбекистана, особенно учитывая то обстоятельство, что даже на Западе далеко не все разделяют позицию, занятую Госдепартаментом США и лично главой Белого дома. Если есть доказательства виновности России – предъявите, если нет – не стоит об этом говорить, поскольку голословные обвинения и уж тем более основанные на них санкции в международных отношениях неприемлемы.

За фасадом саммита

Несмотря на общие позитивные итоги саммита в Душанбе, нельзя не отметить, что они не решают базовых проблем ШОС, не отвечают на вопросы о будущем организации и ее роли в разрешении конфликтов в зоне ее ответственности. Очевидно, эти вопросы ставились на саммите, – во всяком случае, об этом говорил в своем выступлении Н. Назарбаев, обративший внимание на нерешенные пограничные проблемы между государствами – членами ШОС, необходимость срочно заняться обеспечением продовольственной безопасности, решением проблемы нехватки воды, которая является серьезным фактором, влияющим на стабильность и безопасность в регионе. Н. Назарбаев обратил внимание на проекты и инициативы, реализация которых тормозится вследствие несовпадения приоритетов ШОС с национальными интересами отдельных стран-участниц, а также ввиду отсутствия финансовых ресурсов, необходимых для их продвижения.

С этим трудно не согласиться. Хотя в настоящее время ШОС играет одну из ключевых ролей в сложившейся системе обеспечения безопасности в Центрально-Азиатском регионе, эффективность ее деятельности пока оставляет желать лучшего. Особенно с учетом имеющих место, а также могущих возникнуть в ближайшей перспективе угроз и вызовов региональной безопасности, непосредственно не связанных с борьбой с международным терроризмом или пресечением наркобизнеса.

Еще менее очевидным представляется будущее ШОС и стратегия развития организации, особенно, если принять во внимание региональные проблемы, позицию ШОС по некоторым из них

¹ См.: «Саммит ШОС в Душанбе: подведем итоги» // StanRadar.com. № 82 (15–21.09.2014.) (<http://www.stanradar.com/>).

и возможности организации по решению этих проблем. Приходится констатировать, что пока у государств-членов отсутствует общее видение угроз и вызовов региональной безопасности. А без этого невозможно не только выстраивание долгосрочной стратегии развития этой организации, но и стратегии обеспечения безопасности на пространстве ШОС.

ШОС обременена множеством внутренних проблем, часть из которых пока не находит практического решения¹. Эти проблемы не только оказывают негативное воздействие на эффективность деятельности организации, но и сужают спектр ее возможностей по локализации региональных угроз и вызовов. Открытым остается самый актуальный вопрос о том, насколько имеющиеся в распоряжении ШОС механизмы способны эффективно работать для противодействия главной опасности сегодняшнего дня – угрозе политического экстремизма вообще и вмешательства третьих сил в процесс смены власти в зоне ответственности ШОС в частности.

В сегодняшних условиях, когда в каждом из государств Центральной Азии проблема преемственности (или передачи) власти является главенствующей, а активность конкурирующих групп возрастает с пугающей быстротой, возможность политической дестабилизации отдельных государств, а то и всего региона в целом не столь уж нереальна. А потому на вопрос о том, как

¹ Главная из организационных проблем ШОС – отсутствие внятного ответа на вопросы, что есть ШОС функционально, каковы ее миссия и география приложения усилий. Вторая серьезная проблема – попытка ШОС «объять необъятное». ШОС предлагают решать сразу необъятный круг вопросов – безопасность, оборона, культура, образование, строительство, сельское хозяйство, энергетика и т.д., тем самым распыляя средства и не доводя предлагаемые проекты до завершения, что наносит ШОС моральный, имиджевый и материальный ущерб. Третья проблема – неясность перспектив расширения ШОС, что связано не только с отсутствием достаточной правовой базы, но и с рядом объективных опасений. Четвертая проблема связана с тем, каким образом ШОС намеревается выстраивать взаимоотношения с США и НАТО, которые обладают не только собственным видением проблем безопасности на постсоветском пространстве и в Азии в целом, но имеют здесь свои структуры безопасности. Пятая проблема – выстраивание механизмов взаимодействия и кооперации между ШОС и ОДКБ, ЕврАзЭС, структурами СНГ, Евразийским экономическим союзом. Шестая проблема – вполне очевидная конкуренция между Россией и Китаем в рамках ШОС, особенно на поле экономики. Наконец, еще одна серьезная проблема связана с тем, как будет использован потенциал ШОС при практической реализации новой геополитической концепции Китая «формирование экономического пояса на Шёлковом пути».

должна вести себя ШОС по отношению к действующим политическим элитам и оппозиции, что она готова предпринять в случае возникновения перспективы реализации одного из сценариев «цветной революции» в одном из государств региона, необходимо отвечать уже сейчас.

Как представляется, это один из наиболее трудных вопросов. Полноценное участие ШОС в разрешении внутривнутриполитических конфликтов, которые могут возникнуть в государствах – членах этой Организации, едва ли возможно даже теоретически. И ограниченность возможностей ШОС заключается не только в отсутствии у организации соответствующих механизмов и правовой базы. Главное состоит в том, что сами региональные конфликты в принципе не имеют решения. Хотя справедливости ради следует отметить, что ШОС имеет массу возможностей оказания позитивного воздействия на ситуацию в регионе и предупреждения негативного сценария развития событий.

Во-первых, ШОС – это дополнительная площадка, дающая возможность налаживать многосторонний диалог с подключением к нему как государств Центральной Азии, так и государств-наблюдателей.

Во-вторых, это та структура, в которой государства имеют наибольшее число точек соприкосновения, а следовательно – достижение консенсуса вполне возможно, во всяком случае, в тех областях, которые касаются актуальных для национальной безопасности проблем.

В-третьих, пока редко используется арсенал политических и дипломатических мер, имеющихся в распоряжении ШОС, в том числе и такой значимый фактор, как авторитет лидеров входящих в нее государств.

В-четвертых, ШОС вполне способна не только создать в регионе благоприятное внешнеполитическое окружение Афганистану, но и максимально блокировать экспорт оттуда наркотических веществ и идей радикального исламизма, а также резко сузить внешнюю финансовую поддержку афганской оппозиции и оказать Кабулу значительную экономическую помощь. На этом направлении, безусловно, существуют проблемы практической реализации¹, но и здесь ШОС могла бы проявить себя.

¹ Проблем на пути практической реализации этой идеи на сегодняшний день, по крайней мере, три. Во-первых, пойдет ли НАТО в своем сотрудничестве с Россией и ШОС дальше предоставления последними транзитного коридора для

Наконец, практически не используется имеющийся потенциал ШОС для оказания позитивного воздействия на социально-экономические процессы в регионе. Причина банальна – национальный эгоизм и коммерциализация внешней политики. Именно по этой причине имидж ШОС в общественном мнении государств региона близок к нулевой отметке. Не менее сложная проблема, так или иначе оказывающая воздействие на будущее ШОС, – неопределенность в политике России по отношению к СНГ вообще и государствам Центральной Азии в частности, а также геополитические и геоэкономические последствия «украинского кризиса».

Очевидно, что даже и худого, но всё-таки мира между Россией, США и Европой в ближайшей перспективе не просматривается. Стремление России играть более значимую роль на мировой арене, да и на постсоветском пространстве, ее западными «партнерами» не приветствуется. В качестве сильного и самостоятельного политического игрока видеть ее никто не желает, и Запад делает всё возможное, чтобы не допустить восстановления влияния Москвы в традиционных регионах доминирования – на Кавказе, в Центральной Азии и в целом в СНГ.

А раз так, то это может отразиться на общей ситуации в Центральной Азии, и в особенности – на патронированных Россией интеграционных процессах. Во всяком случае, уровень опасений по поводу непредсказуемости политики РФ и возможного негативного влияния наложенных на нее западных санкций на экономику государств региона имеет тенденцию к росту.

Не менее значимо и то, что «жесткий клинч», в котором сошлись Россия и страны Запада, серьезно ограничивает возможности проведения многовекторной политики и ставит государства региона в ситуацию сложного выбора внешнеполитических приоритетов. Каким будет этот выбор, предсказать сложно, но это оказывает серьезное воздействие не только на выбор той или иной интеграционной модели, но и на систему региональной безопасности в целом.

доставки грузов в Афганистан. Во-вторых, сможет ли ШОС избежать участия его коллективных сил в антитеррористических операциях в Афганистане, ограничившись исключительно экономическими проектами. В-третьих, способны ли ШОС и НАТО порознь или совместно (но без участия ОДКБ) изменить ситуацию в Афганистане и обеспечить безопасность в регионе. Пока внятных ответов ни на один из этих вопросов нет.

Еще одна серьезная проблема – растущая мощь Китая и его стремление играть более значимую роль в мире, а также усиление его позиций в Евра-Азиатском регионе, вызывающее всё большую озабоченность не только на Западе и в России, но и в государствах Центральной Азии. Здесь следует обратить особое внимание на три обстоятельства.

Во-первых, противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион ни страны Центральной Азии, ни Россия не в состоянии. Более того, это не имеет смысла, учитывая тот факт, что экономическое взаимодействие с Поднебесной имеет взаимовыгодный характер, и Китай для нас является более значимым партнером, чем мы для Китая.

Во-вторых, сегодня Китай не только политическим истэблшментом, но и населением Центральной Азии больше не рассматривается как источник потенциальных угроз. Более того, он перешел в категорию желательного внешнеполитического и внешнеэкономического партнера и в плане обеспечения региональной безопасности порой рассматривается как вполне достойная альтернатива России и странам Запада.

В-третьих, значимым фактором является специфика взаимоотношений между Россией и Китаем на пространстве ШОС. С одной стороны, тандем «Россия–Китай» сформировался довольно отчетливо. Более того, Россия и Китай говорят и, по-видимому, справедливо о «стратегическом взаимодействии». Однако, с другой стороны, все отчетливее становится конкуренция между ними не только за доступ к ресурсам региона, но и за влияние на входящие в него государства региона.

Хотя Китай пока держит паузу, не вступая в прямую конфронтацию с США и Европой, а также поддерживая у России иллюзию, что в Центрально-Азиатском регионе роль «первой скрипки» отведена ей, в китайской прессе все чаще раздаются тревожные нотки по поводу усиливающегося присутствия российских компаний в Центральной Азии. Аналогичную точку зрения, но уже по отношению к Китаю можно найти и в российских СМИ. Ряд российских экспертов вполне правомерно, на наш взгляд, ставят вопрос о том, что усиление позиций Китая в Центральной Азии не отвечает национальным интересам России.

Не вызывает сомнений, что Китай будет стремиться делать преимущественно то, что отвечает его собственным интересам, а эти интересы на определенном этапе могут вступить в противоречие не только с интересами и стратегией Запада или России, но

и с национальными интересами государств региона. Во всяком случае, темпы, которыми Китай осваивает Центральную Азию, уже сейчас вызывают много вопросов в общественном сознании государств региона. Именно поэтому для стран ЦА выгодна та стратегия, которая предусматривает, с одной стороны, использование растущего интереса Китая к региону (прежде всего экономического) в целях стимулирования развития национальных экономик; а с другой – создание условий, обеспечивающих в стратегической перспективе ограниченное присутствие Китая в Центральной Азии.

Наиболее перспективный путь – эффективное использование географических преимуществ Китая и формирующегося единого Евразийского экономического пространства. Это могут быть как автомобильные, так и железные дороги, соединяющие государства – члены ШОС. В этом контексте выдвинутая Си Цзиньпином инициатива о формировании «Экономического пояса на Шёлковом пути» и объединения потенциалов ШОС и Евразийского экономического союза звучит весьма актуально. Правда, здесь следует опасаться излишней эйфории в отношениях с Китаем (а это наблюдается как в России, так и в государствах Центральной Азии) и исходить из собственных национальных интересов, поскольку речь идет об интеграционном проекте, включающем государства, обладающие несопоставимыми экономическим потенциалом и финансовыми возможностями.

Второе направление – крупные водные и экологические проекты, необходимость в которых ощущается как в Китае и России, так и в Центрально-Азиатском регионе. Кроме того, именно в области экологии открываются перспективы для создания механизма научно-технического сотрудничества и внедрения научно-технических достижений в производство.

Третье направление – совместные проекты, связанные с обеспечением продовольственной безопасности государств – членов ШОС. Для реализации этих проектов есть и соответствующие природные условия, и наработанная научная база. Сегодня эта тема сверхактуальна. Более того, именно в области сельскохозяйственного производства и переработки сельхозпродукции государства Центральной Азии могут реализовать задачу развития реального и конкурентоспособного сектора экономики.

Четвертое направление – сотрудничество в области обеспечения региональной безопасности и борьбы с «тремья силами зла».

На ближайшую перспективу наиболее актуальными остаются несколько проблем:

- локализация исходящих из Афганистана угроз и вызовов для региональной и национальной безопасности Китая, России и государств Центральной Азии;

- активное противодействие деятельности религиозных экстремистских групп и проникновению на территорию Китая, России и государств Центральной Азии зарубежных религиозных эмиссаров;

- создание условий, предупреждающих рост политического экстремизма, в том числе религиозно мотивированного, в государствах–членах ШОС;

- продолжение борьбы с международным терроризмом и пресечение попыток проникновения террористических групп на территорию государств – членов ШОС, а также недопущение участия граждан этих государств в террористической деятельности за рубежом;

- создание условий, предупреждающих рост национализма и настроений этнического и регионального сепаратизма на пространстве ШОС.

Пятое направление – расширение сотрудничества в энергетической сфере, в том числе и за счет создания на территории государств региона новых производств по переработке нефти и газа. На основе этого сотрудничества выстраиваются отношения стратегического партнерства между Китаем, Россией и государствами Центральной Азии, и именно поэтому оно всегда будет оставаться в повестке дня.

Здесь же в качестве отдельного направления можно говорить и о практической реализации идеи создания «Энергетического клуба», а в перспективе – формирования единого энергетического пространства в рамках ШОС.

Наконец, ШОС как авторитетная международная организация должна стать активным участником процесса радикальной трансформации мировой финансовой архитектуры. Перспективным могло бы стать экономическое сотрудничество стран ШОС в области влияния на повышение глобальной и региональной экономической безопасности в целях противодействия мировым финансовым кризисам и нейтрализации их последствий для экономик государств – членов Организации. Более того, совокупный потенциал стран ШОС позволяет ставить вопрос еще более радикально и говорить о необходимости создания системы влияния ШОС на

глобальную финансовую устойчивость как основы обеспечения безопасности во всех ее аспектах, включая социальную, политическую, экологическую и пр.

ШОС следует готовить (не только в рамках ШОС, но и на других, более представительных площадках) альтернативу существующей в настоящее время пирамидальной системе мировых резервов, представленных долговыми обязательствами развитых государств, фактически не имеющими под собой никакого обеспечения, кроме доверия инвесторов.

* * *

Сказанное выше открывает перспективу превращения ШОС не только в эффективную региональную организацию, но и в организацию, с мнением которой будет считаться мировое сообщество. Как это ни парадоксально, но именно сегодняшние проблемы глобальной и региональной безопасности, а также напрямую связанные с ними социально-экономические проблемы государств — членов ШОС по-новому расставляют акценты в стратегии развития Организации и открывают перспективу превращения ее в эффективную структуру сотрудничества в сфере безопасности и в экономической сфере с позитивным имиджем не только регионального, но и глобального значения.

*«Россия и новые государства Евразии /
ИМЭМО РАН», М., 2014 г., № 4, с. 52–65.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

М. Конаровский,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Афганистане в 2002–2004 гг.

АФГАНИСТАН И НОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ. ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Прошедшие в 2014 г. в Афганистане президентские выборы и вывод к концу этого года воинских контингентов США и НАТО вряд ли в ближайшее время позитивно скажутся на ситуации. В инаугурационной речи новый президент Ашраф Гани назвал ключевые проблемы – безопасность, налаживание мирного процесса, обеспечение эффективной борьбы с терроризмом и производством наркотиков, «перезагрузка» находящейся в тяжелом кризисе экономики. Он также провозгласил амбициозную реформу власти и органов государственного управления.

Хрупкое национальное единство

Эффективность правительства Национального единства будет в значительной мере определяться тем, насколько сбалансированной и отвечающей нынешним реалиям будет перегруппировка сил внутри афганских элит. От политического консенсуса во властных структурах и от степени их внутренней консолидации зависит прочность позиций центральной власти, результативность ее усилий по национальному примирению и переговорам с вооруженными противниками. Тот факт, что инаугурация президента стала возможна не только (и не столько) благодаря общенациональным выборам, но и как итог длительного политического торга

(не без участия Вашингтона, ООН и некоторых соседних стран), только подтверждает предположение о трудностях правительства, изначальная конструкция которого представляется слабой.

Будет ли прочной новая коалиция и не увязнет ли она в разногласиях по поводу власти и реальных полномочий ее основных участников, прежде всего президента и премьер-министра, – покажет время. При этом достижение общенационального консенсуса о будущем Афганистана потребует не только энергичной многоплановой работы с представителями национально-этнических и политических элит, но и выработки лозунгов, способных реально консолидировать общество на противодействие талибам. В любом случае решить внутривнутриполитические и экономические задачи при одновременном распылении сил и средств на борьбу с вооруженной оппозицией Кабулу будет чрезвычайно сложно.

При слабости тандема Ашраф Гани – Абдулла Абдулла страна может фрагментироваться по этническому признаку, прежде всего по линии «Север – Юг» (пуштуны – непуштуны). Кроме общего пуштуно-таджикского противостояния сторонников и противников двух лидеров высказываются предположения о возможной внутривнутрипуштунской напряженности (между главными группами племен дуррани и гильзаев; к первой принадлежит новый афганский президент, ко второй – бывший глава государства Хамид Карзай). В восточных регионах Афганистана причиной роста напряженности может стать ущемление политических и финансово-экономических интересов сторонников Абдуллы за счет роста влияния союзников Гани. Некоторые наблюдатели полагают, что вмешательство внешних партнеров Кабула может потребоваться вновь, чтобы избежать тупика власти. Тем более что коалиционное соглашение не предусматривает механизмов разрешения споров.

Деструктивным внешним фактором, способным усугубить обстановку, становятся не только отголоски «арабской весны» на Ближнем Востоке, но и активность «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Идеология и методы достижения целей, тактика практических действий, фанатизм, агрессивность и непримиримость функционеров и боевиков ИГИЛ напоминают движение талибов во второй половине 1990-х годов. Это создает основу для координации действий, причем не только в Афганистане, но и в сопредельных областях Центральной и Южной Азии, северо-западного Китая, на Кавказе и т.д. По утверждению ряда экспертов, до 10% боевиков ИГИЛ – выходцы с Северного Кавказа; в их рядах действуют лица из Ханты-Мансийского округа,

Новосибирска, Поволжья и т.д. Открытого проникновения ИГИЛ на афганскую территорию пока не наблюдалось. Однако в ряде анклавов, в том числе северных, стала появляться их религиозно-пропагандистская литература, а пакистанское крыло «Талибана» уже открыто провозгласило себя союзниками «Исламского государства».

Общая ситуация в Афганистане остается напряженной, хотя в последнее время происходит некоторый спад вооруженной активности талибов. Это, скорее всего, может объясняться приближением зимы, но в любом случае дает правительству возможность консолидировать властные структуры для противодействия противникам режима.

Вместе с тем настораживает отсутствие сплоченности в рядах Национальных вооруженных сил и сил безопасности. Намерение президента провести перестановки в командном составе требует осторожности. Боеспособность ВС, как и ранее, страдает из-за слабых дисциплины и профессионализма, отсутствия моральной мотивации, а также межэтнических противоречий. Одной из самых серьезных проблем афганской армии остается дезертирство, вербовка военнослужащих талибами и проникновение их агентуры в армию и полицию. Сравнительно новым феноменом стало невозвращение на родину военнослужащих, направляемых на подготовку и переподготовку в страны НАТО (такие случаи уже имеются в США и Италии). Трудности боевой подготовки обуславливаются и низким уровнем грамотности, межэтническими трениями и т.д. Такое положение дел предоставляет преимущества вооруженной оппозиции, хотя некоторые аналитики отмечают снижение ее поддержки среди населения, прежде всего в связи с жесткой линией талибов в отношении местных жителей.

В инаугурационной речи президент Гани призвал оппонентов и «особенно талибов и Исламскую партию вступить в политические переговоры», исключив из них Муллу Омара. Однако пока неясно, какова будет общая стратегия Кабула. Во всяком случае, рецепты прошлой администрации Карзая, когда так называемым «мирным талибам», отказавшимся от вооруженной борьбы, предоставлялись значительные компенсации, судя по всему, недостаточно эффективны. Адекватной реакции со стороны тех противников режима, которые отказывались вести диалог в условиях пребывания в стране иностранных войск, пока не последовало.

Первым тестом на прочность новой власти станут парламентские выборы 2015 г. Будущий депутатский корпус отразит

обновленную расстановку сил как итог деятельности коалиционного правительства. В парламенте, вероятно, укрепится влияние нынешней вооруженной оппозиции вследствие либо предварительных договоренностей с Кабулом, которых исключить нельзя, либо силового давления на власть. В ряде регионов Юга, Юго-Востока, а также Севера (Кандагар, Гильменд, Вардак, Баглан и др.) талибы и смыкающаяся с ними Исламская партия Гульбедин Хекматъяра не только не препятствовали организации президентских выборов, но и призывали население голосовать за Гани.

Внешнеполитические приоритеты

Новый этап внешнеполитического маневрирования Кабула представляется особо значимым, потому что на заключительной фазе вывода иностранных войск страна вступает в полосу неопределенности. Для решения задач, стоящих перед правительством, важна грамотная и сбалансированная внешняя политика, которая обеспечила бы всестороннюю поддержку извне. Из пяти внешнеполитических приоритетов основной – развитие отношений с соседними и мусульманскими странами. Затем – страны Запада и Азии, где особо выделяется Китай, отмечаются Индия и монархии Персидского залива. Завершают список международные структуры. Россия не упоминается, отношения с ней новые власти ИРА не рассматривают в качестве приоритетных.

Невыделение в особую категорию Вашингтона (при наличии подписанного 30 сентября двустороннего соглашения о сотрудничестве в области безопасности) на первый взгляд кажется странным. Однако это может свидетельствовать о стремлении Кабула попытаться (хотя бы внешне) дистанцироваться от одиозного прошлого афгано-американских отношений. С одной стороны, власти продолжают остро нуждаться в США, с другой – осознают, что «поезд почти ушел» и целесообразно проявлять активность на других направлениях.

После того как в 2011 г. Вашингтон решил вывести войска из ИРА и обнародовал доктрину повышенного военно-политического внимания к Восточной Азии, интерес американцев к Афганистану снижается. Тем не менее в практическом плане влияние Соединенных Штатов и стран НАТО останется значительным. Вполне вероятно, что нынешний курс направлен на сокращение расходов и ответственности за ситуацию после 2014 г. Тем не менее новые обязательства администрации Барака Обамы включают

предоставление Кабулу не только определенного оборонного, но и финансового зонтика, а Соглашение о сотрудничестве в области безопасности становится основным документом на ближайшую перспективу. В нем закреплён статус пребывания в Афганистане небольшого контингента американских войск, а также нескольких военных баз и логистических хабов, которые в случае необходимости могут быть использованы и для силовой поддержки правительства.

Документ предусматривает подготовку и снабжение афганских сил безопасности, а также финансовую помощь властным структурам и госбюджету. На этом фоне, однако, американские эксперты прогнозируют значительное общее сокращение американского экономического присутствия в ИРА. Сохранение же военного контингента не только оставляет США рычаги влияния на политику Кабула, но и позволяет осуществлять мониторинг обстановки в регионе.

Подкрепить эти возможности призваны также подписанное Кабулом соглашение с НАТО, предусматривающее при необходимости дополнительную дислокацию до 4 тыс. военнослужащих (хотя в странах Альянса, за исключением Германии, особого желания на этот счёт не проявляют). На саммите НАТО в сентябре 2014 г. Афганистану обещали предоставить в 2015 г. 5,1 млрд долл. В рамках запускаемой со следующего года новой миссии «Решительная поддержка» (Resolute Support) материальное и финансовое содействие будет оказываться укреплению Вооружённых сил ИРА, а также предусматриваются другие формы их «политического и практического сотрудничества». ФРГ и Италия уже заявили о готовности направить своих военнослужащих в Афганистан, а новым высшим должностным лицом НАТО в этой стране назначен бывший посол Турции в ИРА Исмаил Араз.

Понимая, что новое соглашение с Вашингтоном может вызывать настороженность у некоторых соседей Афганистана, в частности Китая, Ирана и России, афганское руководство подчёркивает, что иностранное военное присутствие «положительно отразится на положении в регионе и не будет наносить ущерба безопасности ни одной страны». И всё же, чтобы минимизировать обеспокоенность соседей, Кабулу следует внимательно следить за действиями Соединённых Штатов на своей территории и проводить в регионе активную, но аккуратную и сбалансированную политику. Это важно, поскольку и в самом Афганистане сохраняется настороженность к иностранному военному присутствию.

Кабул намерен активно развивать восточное направление, и ему следует серьезно учитывать такие настроения не только среди населения, но и в рядах важнейших региональных партнеров. Это не могут не осознавать и власти, с чем в значительной мере и связана активизация политики добрососедства. Уже состоялись политические контакты с Индией и Пакистаном, которые всегда наиболее существенно влияли на внутреннюю обстановку в Афганистане: Исламабад политически, а Дели в последние годы – экономически. Рассчитывает на интенсификацию политики и Иран. Некоторые аналитики не исключают, что определенный вакуум власти после вывода из ИРА контингента США и НАТО может негативно сказаться не только на Афганистане, но и на Пакистане. Учитывая особо важное значение отношений с этой страной для внутренней ситуации в ИРА, в середине октября (после визита в Пекин) Исламабад посетил президент Гани. В общеполитическом плане поездка вписывалась в высказанную новыми властями идею заключения с соседними государствами соглашений о сотрудничестве в сфере безопасности, ранее достигнуты договоренности о стратегическом партнерстве (например, с Китаем и Индией).

Позитивный фон создали и заверения Пекина о готовности содействовать афгано-пакистанскому сближению. Визиту в Исламабад предшествовали договоренности о двукратном увеличении объема взаимной торговли (с 2,5 до 5 млрд долл.), а также пребывание в Кабуле главкома пакистанской армии Рахила Шарифа. Перманентные контакты с Соединенными Штатами дополнили краткие визиты в Кабул премьера Великобритании, президента Турции и министра экономического сотрудничества Германии.

Со странами – членами Организации исламского сотрудничества начались переговоры о финансировании ряда энергетических проектов, в том числе региональных и транзитных через ИРА. Крупнейший из них – CASA 1000 – касается транспортировки электроэнергии из Таджикистана в Афганистан и Пакистан, работы планируется завершить к 2017 г. В последнее время политический импульс вновь получила идея многократного увеличения поставок электроэнергии из Туркмении в северные районы Афганистана (до 35,5 млрд кВт/ч к 2030 г.). Достигнуты договоренности о консорциуме заинтересованных государств для финансирования строительства газопровода из Туркмении в Афганистан, Пакистан и Индию (ТАПИ), который обсуждается со второй половины 1990-х годов и в свое время стал заложником геополитических игр Соединенных Штатов на Каспии и в Центральной Азии.

Риски расползания

Перспективами ИРА особенно обеспокоены ее центральноазиатские соседи. Без вывода афганской проблемы из тупика не обеспечить стабильность и безопасность в этом взрывоопасном регионе, где отношения отягощены застарелыми проблемами водопользования, взаимными территориальными претензиями, непростой этнонациональной ситуацией и т.д. Дальнейшая дестабилизация в ИРА через Центральную Азию неизбежно сказалась бы и на России. Питательной средой для давления на нашу страну изнутри может оказаться и возрастающее число эмигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Уже сейчас на российской территории участились случаи вербовки наемников и создания нелегальных центров распространения экстремистских идей. Имеются сведения о появлении в различных (в том числе центральных и поволжских) регионах России ячеек ИГИЛ и его вербовочных центров.

Соседи ИРА опасаются, что деятельность там транснациональных террористических группировок, наряду с угрожающим объемом нелегальных поставок афганского героина, будет только нарастать. Беспокойство вызывает концентрация террористических и криминальных структур в ряде северных, а также северо-западных провинций Афганистана.

Наиболее уязвимым считается таджикско-киргизское направление. По утверждению некоторых экспертов (в том числе центральноазиатских), в Киргизии происходит сращивание террористических группировок как с организованной преступностью, так и с силовыми структурами. Это окажет деструктивное влияние на сопредельные Узбекистан и Казахстан. Постоянная сложность обстановки в Киргизии, недостаточный контроль таджикских властей над рядом территорий создают дополнительные возможности для роста нестабильности и распространения угроз из Афганистана на эти государства и в сторону России. В последнее время обеспокоенность ситуацией на афганском направлении начал проявлять Ашхабад. В ряде пограничных районов ИРА активизировались группировки афганских туркмен проталибской ориентации, в программы которых входят в том числе лозунги об отторжении некоторых южных земель Туркмении.

Россия и ее центральноазиатские партнеры по Организации Договора о коллективной безопасности принимают дополнительные меры по укреплению южных границ и создают планы

совместных действий на случай чрезвычайных обстоятельств. На этом направлении не следует ослаблять внимания и действовать нужно в интересах всемерного закрепления многостороннего характера Организации и отхода от преимущественно двусторонних военно-политических и военно-технических отношений России с другими странами – участницами ОДКБ. Серьезной проблемой остается приостановка Узбекистаном членства в ОДКБ, для заполнения образовавшегося вакуума требуется активизация военного сотрудничества с ним отдельных стран-членов.

Одной из особенностей внешней политики постсоветских государств Центральной Азии является стремление извлекать дивиденды при минимальных компромиссах. Взаимная настороженность, имеющая исторические корни, и национальный эгоизм, а также различные интересы на афганском направлении мешают выработке общих подходов в отношении ИРА. Негативно сказывается и гипертрофированное представление в странах региона о роли великих держав в решении местных проблем. Такое восприятие ведет к соблазну перекладывать ответственность за положение дел на внешние силы. Нежелание проводить самостоятельную политику безопасности, а также поглощенность решением внутренних проблем будут снижать стратегическую значимость этого региона для ИРА (в отличие от таких соседей, как Китай, Пакистан и Иран).

Очередным серьезным препятствием на пути скоординированной политики как в рамках ОДКБ, так и непосредственно на афганском направлении является осложнение отношений Москвы с Западом, которое, скорее всего, будет долговременным. Линия России вызвала неоднозначную реакцию у центральноазиатских партнеров, наиболее открыто проявившуюся в Астане и Ташкенте. Опасения из-за роста «имперских амбиций» Москвы способны подвигнуть их к большему тактическому взаимодействию с США, которое Вашингтон использует в том числе и в Афганистане. Такое маневрирование партнеров неизбежно насторожит Россию, что понизит эффективность взаимодействия в афганских делах.

В последнее время растущую обеспокоенность развитием ситуации в Афганистане после 2014 г. и ее возможным деструктивным влиянием на северо-западные районы Китая проявляет Пекин. Обоснованность опасений подтверждается участвовавшими антиправительственными выступлениями в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР и развитием там центробежных тенденций, прежде всего за счет уйгурского сепаратизма и деятельности

«Исламского движения Восточного Туркестана». С экономической точки зрения ИРА интересна для Китая прежде всего как поставщик сырья. Пекин предпринял энергичные усилия по закреплению в нефтеносных районах на севере Афганистана и по освоению одного из крупнейших в мире меднорудных месторождений. Однако реализация тормозилась общей нестабильностью в ИРА и ее переносом в приграничные с Китаем районы. Это способствовало росту турбулентности в мусульманских анклавах КНР, в том числе за счет деятельности «Исламского движения Восточного Туркестана», а также нелегального проникновения в КНР наркотиков афганского производства. Всё это предопределяет повышенное внимание Пекина к политическим аспектам афганской проблемы и, соответственно, росту его ангажированности в ИРА, что позитивно воспринимается на Западе.

Ключевым аспектом октябрьских встреч Гани в Китае были, естественно, вопросы безопасности, включая наращивание совместной борьбы против терроризма и наркотрафика. Китайская сторона получила заверения о готовности укреплять взаимодействие в борьбе против уйгурского сепаратизма и экстремизма. Со своей стороны, Кабулу, учитывая высокий уровень отношений между Китаем и Пакистаном, важно содействие в диалоге с Исламабадом. КНР всемерно поддержала намерение афганских властей активизировать переговорный процесс с вооруженной оппозицией. Занимая осторожную позицию в отношении талибов, Пекин всегда считал их «реальной политической силой, которая могла бы иметь долговременное присутствие на афганской политической арене». На министерском заседании Стамбульского процесса (был запущен в 2011 г., его задача – вовлечение Афганистана в экономическую и политическую жизнь региона как равноправного и ответственного партнера. – *Ред.*) 31 октября 2014 г. китайская сторона планировала инициировать создание в рамках СП комитета содействия властям ИРА в налаживании переговоров с вооруженной оппозицией. Однако, встретив сдержанное отношение некоторых участников форума, Пекин снял предложение.

Россия и разные форматы

Основная задача на ближайшую перспективу – обеспечение мира в Афганистане, предотвращение распространения с его территории нестабильности, терроризма, наркотиков, оказание ИРА содействия в экономическом развитии (недавняя конференция

доноров в Лондоне показала маловероятность значительных внешних финансовых вливаний в ИРА). В этом интересы России принципиально совпадают с задачами Китая и стран Центральной Азии, что предоставляет широкие возможности для их активного взаимодействия. Стремление Вашингтона после 2014 г. использовать присутствие в Афганистане и, соответственно, в Центральной Азии для обеспечения геополитических интересов в «мягком подбрюшье» России и Китая также стимулирует координацию их политики в регионе, в том числе и для противодействия непропорциональному присутствию в нем Соединенных Штатов.

Одновременно Вашингтон может взять курс на укрепление взаимодействия с государствами Центральной Азии, а также с Китаем, в том числе за счет интересов России. Во всяком случае, на Западе всячески поощряют сотрудничество в треугольнике США–Китай–Афганистан. Вместе с тем генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг приветствовал выраженную президентом Владимиром Путиным готовность и далее участвовать в стабилизации Афганистана. При определенных обстоятельствах этому могло бы способствовать и сотрудничество на четырехсторонней основе.

В силу того, что все центральноазиатские страны (за исключением Туркмении) входят в Шанхайскую организацию сотрудничества, вызовы с Юга неизбежно предопределяют и повышение активности ШОС, необходимость пристального внимания к выработке государствами-членами согласованной политической линии в афганских делах. Это доказал последний саммит организации в Душанбе в середине сентября, где афганская проблематика была одной из основных. ШОС не располагает институциональными военными возможностями для обеспечения региональной стабильности и безопасности. В этой связи целесообразно всемерно активизировать политическую составляющую работы ШОС на афганском направлении. Впоследствии, когда в ее рамках будут решаться вопросы совместной хозяйственной деятельности, могла бы добавиться и экономическая составляющая. Нынешнее председательство России в ШОС способствует не только дальнейшему закреплению тенденций к расширению «шестерки» (за счет Пакистана и Индии) и укреплению регионального и общемирового статуса организации, но и тому, чтобы уделить повышенное внимание афганской проблематике на очередном витке ее эволюции.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., № 4, с. 116–124.*

К. Азимов,
востоковед
(Институт востоковедения, Узбекистан)
«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»
НА НОВОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
КОМУ ОНИ ВЫГОДНЫ?

В июне 2006 г. американский журнал «Armed Forces Journal» опубликовал карту Нового Ближнего Востока. Автором статьи, названной «Кровавые границы», был помощник заместителя начальника штаба по разведке Министерства обороны США Ральфа Петерс. Речь шла о том, что необходимо пересмотреть границы стран региона, ибо эти границы «не соответствуют чаяниям народов». Кстати на этой карте прежнего Ирака уже не было. Он был разделен на суннитскую, курдскую и шиитскую часть. Любой политолог увидит в таком перекрое стремление ослабить некогда большое государство, ибо новые небольшие образования обычно экономически слабы и нуждаются в патронаже.

По мнению Р. Петерса, территорию некоторых государств необходимо разделить на национальные анклавы, т.е. зоны проживания того или иного народа. Речь в статье шла о создании крошечных государств, экономическая слабость которых очевидна, но она логично облегчает доступ к природным богатствам, прежде всего к углеводородам – нефти и газу. С момента опубликования статьи Р. Петерса прошло почти десять лет. Сегодня мы можем констатировать, что начав с Ирака, американцы уже форсируют процессы «демократизации» в этом регионе, в том числе в Сирии и Йемене. Для этого они используют антидиктаторскую риторику для мобилизации сторонников своей идеи, организуют различные НПО, которые якобы учат местное население институтам «демократии», и параллельно – активизируют местные латентные конфликты. (В этой связи на память приходит высказывание сербского режиссера Эмира Кустурицы о действиях Запада на Балканах: «крестовый поход демократии».)

Энциклопедические словари, объясняя термин Ближний Восток (БВ), обычно включали в это понятие страны Ближнего Востока: Египет, Судан, Сирия, Израиль, Иорданию, Ливан, Ирак, Турцию, Саудовскую Аравию, Йемен, Кувейт, Катар, Оман, Палестину, а также Кипр и Бахрейн. До Первой мировой войны в понятие БВ обычно включали всю территорию Османской империи, в том числе и страны Балканского полуострова. Позднее сюда же

включили и Израиль. Действительно, «глядя из Лондона» в конце XIX в., эти страны казались «ближними», о чем свидетельствовал интерес Великобритании, которая проявляла заинтересованность в этих территориях.

В 2006 г., с легкой руки Вашингтона, появился новый термин «Большой Ближний Восток» (англ. Greater Middle East), который помимо арабских стран региона, включает в себя так же Иран, Афганистан, Пакистан, Туркменистан, Кавказ и еще ряд мусульманских стран Центрально-Азиатского региона, а также мусульманские страны Северной Африки, последние обычно относят к так называемому «Арабскому Западу» – Магрибу. Забегая вперед, отметим, что, судя по всему, речь идет о странах, которые интересуют США в стратегических целях. Одной из геостратегических целей США сегодня является установление своего полного мирового господства. Однако им мешает Россия, которая после распада СССР отнюдь не собирается становиться рядовым государством, которое согласится с мировой гегемонией США. Поэтому Белый дом рассматривает страны Большого Ближнего Востока как плацдарм для постепенного окружения России и стран СНГ, которые в настоящее время переживают сложный период становления собственной государственности, сложившийся после прекращения существования СССР.

Впервые термин Большой Ближний Восток (ББВ) прозвучал в речах Кондолизы Райс, которая в ранге госсекретаря США летом 2006 г. посетила Израиль. Очевидно, этот термин возник в американских коридорах власти. Исходя из «теории управляемого хаоса», автором которой является Стивен Манн (бывший советник американского посольства в Москве), эти государства стали предметом пристального внимания Вашингтона, который ныне реализует проект по созданию дуги нестабильности, хаоса и насилия, которая должна захватить эти территории. Более того, вопрос о реформировании Ближнего Востока обсуждался в июне 2004 г. на саммите Большой восьмерки, где европейцы одобрили планы реформирования Ближнего Востока. Программа реформирования окончательно оформилась в документе, названном «Партнерство ради прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки». В документе особо обращалось внимание на отсутствие свободы, безграмотность и права женщин. Эти факторы, по мнению составителей документа, угрожают интересам стран Большой восьмерки, приводя к росту

экстремизма, терроризма, международной преступности и незаконной иммиграции¹.

Еще при президенте Буше была разработана доктрина «демократизации Большого Ближнего Востока», которая должна была стать частью «глобальной демократической революции», целью которой является распространение демократических ценностей (в американском понимании). При этом Вашингтон взял на себя осуществление целой программы преобразований, которые должны были воплотить американский план в жизнь. Как отмечает Ж.С. Сыздыкова, Вашингтону «нужно создать такое сообщество, которые бы полностью отвечало национальным интересам США»².

Начавшаяся реализация этого плана объясняет дальнейшие события, происшедшие сначала на Балканах, затем в виде «цветных революций» в ряде стран постсоветского пространства. При этом значительные финансовые ресурсы на организацию подготовки и осуществления «цветных революций»: «революция роз» в Грузии (2003), «оранжевая» революция на Украине (2004), «революция тюльпанов» в Киргизии (2005) – поступали через американский фонд «Поддержки демократии в Восточной Европе» (Support for East European Democracy), а также фонд Дж. Сороса (Freedom House). «Цветные революции» меняли существующий строй: шло усиление президентской вертикали власти. Менялась и властная элита, среди представителей которых уже были люди, получившие образование в США. Все это свидетельствовало в пользу выбора западной модели развития. На сколько эти революции были успешными покажет время. Но сегодня на ум приходит высказывание Анатоля Франса: «Когда дорога вся в цветах, уже не спрашивают, куда она ведет...» Однако уже сегодня очевидно, что речь идет о косметической демократизации...

На Ближнем Востоке события развивались иначе. Сначала было вторжение коалиционных сил в Ирак, точнее военная операция США и стран-союзников против Ирака, предпринятая в 2003 г. с целью свержения Саддама Хусейна, вызвала затяжную гражданскую войну сначала в Ираке, затем в Сирии и Йемене, противостояние шиитов и суннитов и т.д.

В свое время американский историк и политолог Уолтер Лакер в свое время говорил, что Ближний Восток похож на огромный моток пряжи, который получился после того как бабушка распус-

¹ Международная жизнь, 28.02.2011. <http://interaffairs.ru/read.php?item=664>

² Армия и общество. № 5 (37), 2013.

тила свою кофту. Из этого мотка торчат концы, связанных между собой ниток. И если потянуть за любой конец, то возникает проблема, в результате которой нарушается единство этого мотка. В Ираке американцам это успешно удалось. Было не только разрушено иракское государство, но и обнажились противоречия между суннитами и шиитами Ирака, а вслед за этой проблемой стала очевидной глубина конфликта между Ираном и арабскими государствами, где есть шиитские общины, а также обострилась курдская проблема, которая затрагивает интересы не только Ирака, но и Турции, Ирана и Сирии. Стало очевидно, что Ирак может распасться на три зоны – суннитскую, шиитскую и курдскую, причем подобный расклад напрямую сталкивает интересы соседних с Ираком государств.

В конце 2010 г. по арабским странам прокатилась волна выступлений, которые пресса охарактеризовала как «арабскую весну». Произошли перевороты в Тунисе, в Египте, в Йемене, гражданская война в Ливии, что привело к свержению М. Каддафи, восстание в Сирии, на Бахрейне; в ряде стран – в Алжире в Иордании, Марокко и в Омане – прошли массовые протесты, волнения наблюдались в Кувейте, Мавритании и даже в Саудовской Аравии.

Несмотря на то что в большинстве стран правительства пытались отключить Интернет и мобильную связь, так как именно через коммуникации участники акции протеста согласовывали свои действия, масштаб происшедшего потряс весь регион. Даже в Омане, который считается «политически стабильной и даже вялой страной», прошел «мирный зеленый марш» под лозунгом перемен. В ряде стран, начиная с Туниса, произошли самосожжения, которые вызвали колоссальный резонанс в связи с тем, что в исламе суицид считается грехом¹. Характерно, что госсекретарь США

¹ Сура «ан-Ниса», аят 29 Корана гласит: «Не убивайте самих себя! Воистину, Аллах Милостив к вам (запрещая вам это)». В одном из хадисов о жизни основателя ислама Пророка Мухаммада сказано: «Пусть не желает кто-либо из вас себе смерти! И пусть не молит Аллаха о смерти до ее прихода! Ведь, воистину, если вы умираете, то дела и поступки ваши на этом завершаются, а жизнь [несмотря на ее легкость или сложность] несет верующему лишь благо [ведь даже самая страшная беда при правильном и верном отношении к ней и преодолении ее обернется для носителя основ веры благом и неопишуемой благодатью в вечности, да и в этой жизни]». Дело в том, что в исламе жизнь рассматривается как экзамен, который должен пройти каждый человек, прежде чем человек перейдет на следующий уровень бытия. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), самый низкий уровень суицида зафиксирован в исламских странах.

Дж. Керри охарактеризовал массовые выступления на Ближнем Востоке как «одно из самых знаменательных событий нашего времени... Свержение авторитарных режимов в Тунисе и Египте открыло путь к созданию более прозрачного и ответственного правительства, и США играют решающую роль в обеспечении этих демократических преобразований»¹.

Заявление К. Райс о «Новом Ближнем Востоке» на самом деле было объявлением нового подхода США к региону. То, что администрация Буша предприняла усилия для того, чтобы разрушить status quo на Ближнем Востоке (так же как в свое время и на Балканах), с тем чтобы затем организовать «перезагрузку» или «перестройку», а вернее «перекройку» региона, с тем, чтобы он больше соответствовал интересам США. Более подробно и откровенно об этом написал З. Бжезинский в своей книге «Большая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы». По его мнению, современный Ближний Восток является ключом от территории, которую он обозначает как «Евразийские Балканы». В это понятие входят государства Кавказа (Грузия, Азербайджан и Армения) а также Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Афганистан), а также Иран и Турция. Кстати, аналогия с Балканами, история которых свидетельствует о большом количестве этноконфессиональных конфликтов, свидетельствует о том, что Вашингтон интересуется именно этот аспект – возможность активизировать латентные конфликты, часть которых большими усилиями была урегулирована.

Как мы уже отмечали, в этой связи наибольший интерес вызывают территории, которые имеют общие с Россией границы. Из этого можно сделать вывод, что перекройка Ближнего Востока затевается для того, чтобы подобраться ближе к России с тем, чтобы подорвать ее мощь. Примером этой перезагрузки являются реалии американо-украинской политики. Ни для кого не является секретом, что в планах Вашингтона было создание военной базы на Крымском полуострове, когда это не получилось, США решили втянуть Россию в войну с Украиной, с тем чтобы продемонстрировать всему миру угрозу, якобы исходящую от Москвы, и которая требует усиленного американского военного присутствия в Европе для защиты границ стран Запада от России.

¹ Теория и практика общественного развития. – М., 2013. – № 8. – С. 264.

В этой связи отметим также, что США заинтересованы в том, чтобы заставить страны Европейского союза отказаться от сотрудничества с Россией. Дело в том, что США в настоящее время переживают экономический кризис. Долг США достиг заоблачных вершин – 19,6 трлн долл. Это мировой рекорд в абсолютном выражении. В настоящее время самые большие долговые обязательства США имеет перед Японией (ныне она стала крупнейшим держателем американских гособлигаций). По состоянию на I квартал 2015 г. официальные учреждения и частные инвесторы Японии являются держателями гособязательств США на сумму 1,2244 трлн долл. Китай за тот же период обладал бондами на сумму 1,2237 трлн долл.¹ Американские экономисты видят выход из положения в переориентации европейских экономик на сотрудничество с США. Долг также можно сократить, если заставить Европу (да и не только Европу, о чем будет сказано ниже) покупать американское оружие в больших количествах. А для этого нужно создать угрозу, вернее – видимость угрозы, исходящую из России. Конфликт, вернее перспективы его расширения на Юго-Востоке Украины, должен подтвердить «агрессивность Москвы». Отсюда возникает необходимость присутствия американских баз в Европе, а также расширение продаж американского оружия государствам региона. Замысел Вашингтона поняли в странах Балтии, для которых угроза с Востока дает долговременную возможность получать преимущества от Запада в качестве страны, которая соседствует с «агрессивной Россией»

Но вернемся к Ближнему Востоку. Действительно, в этом районе много проблем. Но причиной их длительного существования является не этническая нетерпимость, а тотальная бедность, сохранение ряда межгосударственных противоречий в латентном состоянии, что создает возможность их активизировать в нужный для Вашингтона момент. Подобная ситуация возможна при наличии авторитарных режимов, подкармливаемых извне.

Есть еще одна проблема, которая восходит к колониальному периоду. Дело в том, что когда европейские колониальные державы определяли границы стран Ближнего, Среднего Востока и Африки, а точнее – делили сферы влияния, они исходили из своих собственных интересов. Тогда границы проводили «по линейке», а не на основе реального размещения племен и народов. В этих

¹ Газета.py. См.: <http://www.gazeta.ru/business/2015/04/16/6641945.shtml>

условиях произошло разделение родственных племен, кланов, лишение их традиционных источников существования и т.д.

Со временем народы сумели приспособиться, были осуществлены массовые переселения (добровольные или насильственные), реализованы попытки создать разного рода автономные сообщества, но одновременно росло политическое самосознание, базирующееся на стремлении жить в мире с соседями и внутри своего государства.

И вот теперь, исходя из «гуманистических соображений», Вашингтон задумал «воплотить чаяния угнетенных народов» и переделать существующую систему разграничения территорий государств. И это происходит в то время, когда после Хельсинкских соглашений 1975 г. было объявлено, что границы в Европе не делимы. Впрочем, когда 26 декабря 1991 г. было объявлено о добровольном прекращении СССР, никто ни в Европе, ни в США, даже не попытался подумать о судьбе Хельсинкских соглашений, хотя их легитимность была нарушена. Дальше – больше: Исчезло одно из германских государств, на два государства разделилась Чехословакия, а СФРЮ, не желавшую распадаться, заставили это сделать насильно. И опять появление новых государств не заставило европейскую общественность пересмотреть Хельсинкские соглашения. Почему? Да надеялись, что соглашения еще пригодятся. И теперь, когда Россия вернула себе исконно русский Крым, они стали актуальны.

На Ближнем Востоке, где Хельсинкские соглашения не могут быть учтены (в силу их региональных ограничений), перекройка границ началась в 1948 г., когда было создано государство Израиль. В тот период США беспокоились по поводу своих позиций в нефтяном секторе региона, а также опасались распространения левых идей, а точнее переориентации стран региона на опыт развития СССР.

Есть несколько причин постановки новых задач американской политики. Об одной – окружении России с целью ее распада, мы уже упоминали. Но глобальная задача – подчинить себе весь мир. Реализация этой задачи, отводит потребностям в углеводородах для США второстепенное место. Интересно мнение французского журналиста Т. Мейсана. В 2012 г. в своем интервью российскому журналисту М. Леонтьеву он сказал: «Сегодня США отказываются от прежней логики на Ближнем Востоке. Раньше регион рассматривался ими как резервуар нефтепродуктов. Такова была доктрина Картера, в соответствии с которой было создано

Центральное командование США и переброшены в огромном количестве войска. На тот момент Америка хотела быть уверенной в том, что будет иметь свободный доступ к нефтепродуктам региона. Теперь же американцы убеждены, что достигли энергетической независимости¹ и, следовательно, нет больше нужды содержать на Ближнем Востоке так много военных; напротив, пора совершить плавный разворот и передислоцировать войска из Европы и Ближнего Востока на Восток Дальний, чтобы подготовиться к конфронтации с Китаем»².

Однако заявление президента Б. Обамы, сделанное в 2012 г. о том, что США обладают запасами сланцевого газа в 72 трлн м³ и обеспечены газом на 100 лет, были сделаны на основе устаревшей методики расчетов. Два года спустя, в 2014 г., были сделаны более точные подсчеты. Оказалось, что запасы сланцевого газа в США составляют всего 12 трлн куб.м³. Это означает, что Ближний Восток с его колоссальными запасами углеводородов по-прежнему привлекателен для США. Более того, здесь также можно и нужно реализовывать лозунг «разделяй и властвуй». Конфликтный потенциал региона позволяет срабатывать между собой государства, народы и религиозные конфессии. Израилю постоянно внушается мысль о том, что опасность для него исходит из Ирана, тем более что Тегеран серьезно занимается атомной энергетикой. Саудовской Аравии, которая претендует на лидерстве в арабском мире, а также на всем мусульманском пространстве, предлагают все новые вооружения, которые должны спасти королевский режим, как от Ирана, так и от ветра демократизации. По данным британской компании «HIS Jane's», которая занимается мониторингом закупок вооружений, в 2014 г. Эр-Рияд истратил 6,5 млрд долл, а ОАЭ (2,6 млрд долл)⁴, заняв таким образом первое и четвертое места среди покупателей вооружений. Королевство Саудовская Аравия и ОАЭ совместно потратили в 2014 г. больше

¹ Вызывает сомнение то, что сланцевый газ, якобы добываемый в США в больших объемах, решает энергетические потребности страны. Есть мнение, что сегодня США в значительной степени используют углеводороды, добываемые на территориях, подконтрольных ИГИЛ.

² «Однако», № 28 (137) от 8.10.2012 и № 02 (151) от 28.01.2013. <http://www.odnako.org/magazine/material/terri-meysan-samoe-interesnoe-chto-u-rossii-est-soyuzniki-vnutri-amerikanskoy-sistemi/>

³ <http://pronedra.ru/gas/2014/12/12/dobycha-slantsevogo-gaza-v-ssha/>

⁴ <http://www.kommersant.ru/doc/2683581>

средств на импорт вооружений, чем вся Западная Европа¹. Естественно, что вооружения закупаются в США, что облегчает долговое бремя Вашингтона и одновременно усиливает зависимость этих государств от Белого дома.

Сначала был план раздробления Балкан, теперь очередь пришла созданию Нового Ближнего Востока... Практически везде США используют метод «цветных революций», которые должны активизировать внутренние пружины – недовольство бедностью, уровнем образования, безработицей и т.д. И всё это происходит при поддержке американских эмиссаров, которые ждут своего часа, чтобы создать новую геополитическую реальность, соответствующую интересам Вашингтона.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»
10 <http://www.kommersant.ru/doc/2683581>*

С. Костелянец,
(Институт Африки РАН)
**КОНФЛИКТ В СУДАНСКОМ РЕГИОНЕ ДАРФУР:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Начало вооруженного конфликта в суданском регионе Дарфур датируется 2003 г., хотя борьба между скотоводами и земледельцами за доступ к природным ресурсам, постепенно обострявшаяся в результате засух и наступления Сахары, и рост недовольства дарфурцев своим маргинальным экономическим и политическим положением западных районов Судана значительно раньше превратили эти территории в зону постоянной нестабильности. Важным фактором эскалации конфликта явилась также специфика взаимоотношений между Суданом и его соседями – Чадом и Центральноафриканской Республикой (ЦАР); при этом Дарфур оказался жертвой политических амбиций лидеров этих стран.

Ливия и ЦАР сыграли важную, хотя и косвенную, роль в дарфурском конфликте. Сразу после прихода в 1969 г. к власти М. Каддафи начал распространять арабское влияние на страны

¹ В ходе наиболее активной (2003–2010) фазы конфликта погибли от 200 до 400 тыс. человек, несколько миллионов дарфурцев в результате военных действий стали беженцами или перемещенными лицами (ПЛ).

зоны Сахеля. После введения в 1992 г. санкций ООН против Ливии влияние официального Триполи в регионе заметно ослабло. Однако большую роль стали играть неформальные каналы поставок оружия и других товаров, а также переброски боевиков в соседние страны. Впрочем, ливийская Джамахирия не могла оставаться в стороне от событий в Дарфуре и использовала кризис в этом районе и в Чаде для усиления своей роли регионального лидера.

Политика ЦАР оказала немаловажное влияние на развитие конфликтов в Чаде и Дарфуре, так как в течение многих лет, особенно после свержения в результате военных переворотов двух первых президентов Чада Франсуа Томбалбая (1960–1975) и Феликса Маллума (1975–1978), республика была убежищем для вооруженной оппозиции чадским правительствам, действовавшей на территории всех стран региона. В свою очередь, засуха и небезопасность передвижений чадских и суданских скотоводов в условиях вооруженных столкновений также предопределили изменение путей кочевых миграций, которые стали частично проходить по территории ЦАР. Захвативший в 2003 г. власть в этой стране генерал Франсуа Бозизе, которого поддерживали правительства Чада и Франции, заметно повлиял на ситуацию в Дарфуре, так как вынудил чадских оппозиционеров и связанных с ними дарфурских повстанцев удалиться на территорию Судана, а сражавшиеся с ними боевики арабского ополчения джанджавид, несшие ответственность за массовые убийства не только в Дарфуре, но и в ЦАР, получили признание их заслуг от нового центральноафриканского лидера. Кроме того, по оценкам ООН, в лагерях на территории ЦАР нашли убежище около 57 тыс. дарфурских беженцев [Chad and Sudan... р. 2].

Что касается Чада, то, чтобы понять причины тесной взаимосвязи событий в этой стране и на западе Судана, нужно рассмотреть ситуацию в зоне Сахеля в целом.

Сахель – узкая полоса земли, протянувшаяся поперек Африки от Сенегала до Судана. До начала больших засух 1960–1980-х годов здесь наблюдалось 8–11 сухих месяцев в году, росли баобабы и акации, а почва во многих местах была покрыта травой. В последние полвека территория подверглась опустыниванию в результате стихийных изменений климата и истощения пастбищных и пахотных земель из-за их чрезмерного использования. В итоге государства зоны Сахеля оказались охвачены сильными

засухами и голодом, особенно в 1970-е и в 1980–1984-е годы [United Nations Environment... p. 48, 59].

В 2007 г. группа экспертов Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) опубликовала всесторонний анализ экологической ситуации в разных частях Сахеля. Исследование в основном касалось Судана, прежде всего Дарфура, но оно отражало и положение в сахельских частях Чада. В Дарфуре треть лесного массива была утрачена в 1972–2006 гг. С 1917 г. стал регистрироваться объем осадков. В Эль-Фашире (Северный Дарфур) он снизился с 300 мм в год примерно до 200. Эксперты ЮНЕП указали, что такой уровень сокращения осадков достаточен для того, чтобы изменить экологическую ситуацию независимо от влияния человека. Результатом было смещение пустынного климата к югу примерно на 100 км за 40 лет [ibid, p. 62]. Снижение осадков превратило миллионы гектаров полупустынных пастбищных земель в пустыню, началось вымирание деревьев. Превращение северной части зоны Сахеля в пустыню вынудило кочевые общины двинуться на юг в поисках пастбищ [ibid, p. 60].

«Великая сахельская засуха XX в.» достигла наивысшего уровня в Вадаи (Чад) и Северном Дарфуре в середине 1960-х годов. Еще два десятилетия выпадение осадков не возвращалось к нормальному уровню [Burr, Collins, 2006, p. 5, 65, 92–93]. К 1973 г. 70% поголовья скота в Чаде было зарезано или погибло. Воинственные кочевники – скотоводы (баггара) Вадаи, Дарфура и Кордофана переживали период обнищания и соответственно озлобления. Оставшись без продовольствия и средств к существованию, десятки тысяч чадцев передвигались в центральные и южные районы Дарфура и дальше на восток в поисках пастбищ или работы. Наиболее выносливые горан и загава обратились к обычному для тяжелых времен занятию – бандитизму. В периоды засух такое понятие, как «безопасность», в зоне Сахеля вообще не существовало.

Роль Чада в Дарфурском конфликте

Хотя Чад был французской колонией, его история в значительной степени была схожа с историей Судана. Как и британцы в Судане, французы в Чаде создали привилегированную группу своих «подопечных», а поскольку северная часть Чада считалась бесполезной с экономической точки зрения, франкофонная политическая элита страны была представлена выходцами с Юга.

Первым президентом Чада после обретения в 1960 г. независимости стал офицер-южанин, христианин Франсуа Томбалбай. Северяне-мусульмане были изгнаны из армии и гражданской службы и отстранены от участия в политике. Самыми обездоленными из мусульман, «нижайшими из нижайших», как и в Судане, были арабские кочевники-бедуины. Антиправительственные выступления 1963 г. положили начало гражданской войне, длившейся несколько десятилетий.

Оппозиция Томбалбаю была сосредоточена на севере, где появился ее первый известный лидер Ибрагим Абатша, ставший одним из первых чадских диссидентов, получивших материальную поддержку из Хартума и доступ к местам сосредоточения чадских беженцев в Дарфуре. Немногочисленная оппозиция была представлена в основном чадскими арабами и примкнувшими к ним дарфурцами, проживавшими на границе между двумя странами. Неудивительно, что чадский Национальный фронт освобождения, известный как ФРОЛИНАТ, был основан 22 июня 1966 г. в Ньяле (Южный Дарфур). В 1967 г. повстанцы осуществили, по крайней мере, 30 нападений на подразделения чадской регулярной армии, но ни одно не произошло дальше чем в 100 км от чадско-суданской границы.

С самого начала Фронт переживал внутренние разногласия, приведшие к его расколу на группы, лидеры которых имели различные интересы и задачи. Постепенно обострились противоречия между южанами, с одной стороны, и широкой коалицией северных племен, костяк которой составляли тубу (лидеры – Гукуни Уэддэй, Хиссен Хабре), загава (Хассан Джаму, Аббас Коти) и арабы (Абба Сиддик, Ахмед Акт Ашейк Ибн Омар), – с другой. Бесконечные споры, сопровождавшиеся насилием временные альянсы, в которые вступали местные и национальные лидеры, способствовали эскалации и экспансии чадского конфликта на территорию Судана. В результате две повстанческие фракции: одна во главе с Г. Уэддэем и другая – под руководством Х. Хабре боролись с правительством, друг с другом, с иными фракциями повстанцев, а Хабре еще и с Ливией, которая помогала Уэддэю, заручившись его поддержкой в деле аннексии Джамахирией полосы Аузу – чадской территории, богатой ураном и нефтью.

Ливийская революция 1969 г., в результате которой М. Каддафи пришел к власти, стала поворотным пунктом в истории всего региона. Геополитическая концепция Каддафи охватывала три круга – арабский, исламский и африканский. М. Каддафи стремился

к объединению – сначала с Египтом, потом с Суданом, затем – с Тунисом, но ни один из этих проектов не был реализован. Интерес Каддафи к Чаду проявился через несколько месяцев после его прихода к власти. Сначала он предложил ФРОЛИНАТ создать постоянную штаб-квартиру в Триполи, затем поддержал северо-чадских повстанцев, предоставив им оружие. Дарфур вскоре стал базой для подготовки ливийцами чадских боевиков.

Однако попытки М. Каддафи сформировать региональную политику обернулись против него. 13 апреля 1975 г. правительство Томбалбая было свергнуто в результате военного переворота и Высший военный совет Чада возглавил Ф. Маллум. Было сформировано новое чадское коалиционное правительство, обязавшееся выступить против ФРОЛИНАТ и его ливийского спонсора.

Первый этап чадской гражданской войны должен был закончиться в ноябре 1979 г., когда в результате переговоров, проведенных в Нигерии под эгидой Организации африканского единства (ОАЕ), было создано переходное Правительство национального единства Чада во главе с Г. Уэддэем; Х. Хабре стал министром обороны. При этом вооруженные формирования не распускались и оставались под командованием их лидеров. 21 марта 1980 г. верные Хабре подразделения предприняли попытку отстранения от власти Г. Уэддэя, и война возобновилась с новой силой. Чтобы поддержать Уэддэя, ливийские войска вступили в Чад, и вскоре отряды Хабре были вытеснены к суданской границе.

Приход в 1981 г. к власти в США Рональда Рейгана способствовал превращению Чада в важный участок «холодной войны». Американские интересы в этой стране сконцентрировались вокруг оазиса Аузу, оккупированного Ливией в 1973 г. По результатам проведенной к тому времени геологоразведки, район мог располагать большими запасами урановой руды. 20 января 1981 г., через две недели после объявления М. Каддафи о союзе между Чадом, возглавлявшимся тогда Г. Уэддэем, и Ливией, Соединенные Штаты разорвали дипломатические отношения с Джамахирией и объявили ливийского лидера главным спонсором и участником международного терроризма. Рейган заявил о поддержке усилий Х. Хабре, сконцентрировавшего свои силы в Дарфуре, начать войну за свержение чадского правительства.

Чтобы изолировать Каддафи в рамках ОАЕ, ООН и в мусульманском мире, США инициировали трехсторонний альянс с Египтом и Суданом. Самым важным вкладом тогдашнего суданского лидера Джафара Нимейри в этот альянс была поддержка

Х. Хабре в Дарфуре, которая включала предоставление его отрядам учебных полигонов и оружия. Поскольку Хабре продемонстрировал способность превратить свою группировку Чадские национальные вооруженные силы (ФАНТ) в дисциплинированную армию, США увеличили объемы поставок ей оружия, чтобы противостоять войскам Г. Уэддэя, которому помогала Ливия. В конце 1981 г. Хабре начал наступление с территории Дарфура, а 7 июня 1982 г. захватил чадскую столицу и провозгласил себя президентом страны. Дарфур послужил плацдармом для этой операции.

В контексте «холодной войны» значение Х. Хабре выросло, и США продолжали снабжать его оружием, а Франция – воздушным прикрытием, что обеспечивало его армию огневой мощью и спасало от ливийских воздушных ударов. Это в течение почти десятилетия приводило к важным военным успехам Хабре. Соединенные Штаты использовали базу в Чаде для переподготовки пленных ливийских солдат и превращения их в силу, направлявшуюся против Каддафи.

Ливийским ответом на растущее американское присутствие в регионе стало усиление так называемого Исламского легиона, сформированного на территории Дарфура из остатков чадских оппозиционных групп, и Арабского собрания, которое, несмотря на название, включало всех ливийских союзников в Судане и Чаде – арабов и неарабов, в том числе неарабских кочевников загава, тубу, мейдоб и туарегов [War in Darfur... 2007, p. 121–125].

В 1980-е годы Х. Хабре сражался с ливийской армией на севере Чада, а на юге – с остатками сил, возглавлявшихся Г. Уэддэем и Ашейком Ибн Омаром, а также чадскими повстанцами, которым ЦАР предоставляла помощь и убежище. Между тем чадское руководство было по-прежнему расколото на фракции. 1 апреля 1989 г. Идрис Деби (тогдашний советник президента по безопасности и обороне, загава из клана бидеят), Ибрагим Махамат Итно (министр внутренних дел с июля 1986 г., сводный брат И. Деби) и Хассан Джаму (главнокомандующий чадской армией с 1985 г., загава из клана кобе) попытались свергнуть Х. Хабре. Из руководителей мятежа только Деби остался в живых и перебрался через Ливию в Дарфур, чтобы реорганизовать там своих сторонников [Daly, 2007, p. 217–218].

С начала 1980-х годов Ливия оказывала поддержку чадским беженцам в Дарфуре. Чадские арабские племена получали значительную помощь в виде денежных средств, продуктов питания и, главное, оружия, наличие которого способствовало милитариза-

ции земельных споров и общественных противоречий в этом суданском регионе. Когда чадские загава ослабили поддержку Хабре, обнаружив, что представители его этнической группы (тубу) и клана (анаказа) монополизировали все ключевые правительственные посты, Деби использовал это как повод для организации на территории Дарфура новой оппозиционной фракции – Патриотического движения (ПД), формирование которого оказалось возможным благодаря поддержке будущего чадского президента его соплеменниками, осевшими в Ливии и Дарфуре. Поддерживавшийся Суданом и Ливией, 4 декабря 1990 г. И. Деби, после победы над войсками Хабре, захватил власть в Чаде. С этого момента усилились влияние народа загава в регионе борьба за власть как между загава и другими племенами, так и между отдельными кланами загава.

Миграции населения как фактор обострения чадского и дарфурского конфликтов

Репрессии, осуществлявшиеся правительствами Х. Хабре и И. Деби, создавали устойчивое недовольство среди населения, которое бежало в Ливию и Судан в поисках безопасности. Произошел поворот в направлении движения на чадско-суданской границе. Жившие по разные ее стороны, граждане обоих государств веками пересекали ее по множеству причин, начиная с экологической. Но прежде это был в основном переход из Дарфура в восточный Чад: из-за большого объема осадков на чадской стороне верблюдоводы (аббала) двигались туда в поисках пастбищ и водных источников. В 1970–1990-е годы чадцы начали уходить в Дарфур. В 1973 г. в результате чадской гражданской войны и засухи Западный Дарфур принял более 200 тыс. чадцев. К середине 1990-х годов около 100 тыс. человек, в основном загава и тубу, оказались в суданских лагерях беженцев. Население региона выросло с 1,3 млн в 1956 г. до 6,5 млн в 2004 [UnitedNations. Dimensions., 2006, p. 14]. Это намного превышает любую возможную скорость естественного прироста, т.е. иммиграция из Чада стала, возможно, основным фактором роста населения в Дарфуре.

К концу 1990-х годов около 10% населения Чада проживало в Дарфуре [Burr, Collins 2006, p. 192]. Чадцы мигрировали в одиночку, семьями и группами. Мигранты редко сохраняли свою чадскую идентичность. То, что они приходили из пограничных районов и имели родственников по обе стороны границы, облегчало

их адаптацию, они становились лояльными суданским традиционным вождям. Зачастую они присоединялись к местным племенным ополчениям или официальным полувоенным формированиям – Силам обороны мурахилин (СОМ) и Народным силам обороны (НСО), участие в которых способствовало получению суданского гражданства. Обратной стороной этого процесса было то, что правительство рассматривало чадскую молодежь, нуждавшуюся в средствах к существованию, как источник военной мобилизации во время кризисов.

Сахельская засуха усилилась в 1968–1973 гг., и поток мигрантов из Чада и других западноафриканских стран хлынул в Западный Дарфур. Хотя оседлые фуры (основная этническая группа региона) обычно отличали «наших арабов», двигавшихся с севера на юг, от чадских, это разделение не всегда было легким, так как большинство кочевников в Чаде и Дарфуре принадлежали к одним и тем же племенам и даже кланам. В конце 1990-х годов, в результате очередной засухи, примерно 100 тыс. беженцев двинулись из Северного Дарфура в Западный и Южный, а число мигрантов из Чада в Западный Дарфур в это время превысило 500 тыс. [Ibrahim Abd al-Rahman Abubaker, 1977, p. 336].

Обычно дарфурский конфликт ассоциируется с борьбой фу-ров против арабских, преимущественно кочевых, племен, претендующих на плодородные исконные земли неарабов и сформировавших ополчение джанджавид, терроризирующее местное население. Однако едва ли не главную роль в конфликте (наряду с фурами) сыграла сильная и многочисленная этническая группа загава, представляющая собой разделенную границами государств конфедерацию множества самостоятельных кланов, имеющих отдельные поселения, но связанных религией и языком и оказывающих заметное влияние на политику Судана, Ливии, Чада и ЦАР [Tubiana, Tubiana, 1977, p. 11].

Роль чадских кочевых племен в конфликте

Кочевники загава мигрируют как внутри, так и между странами региона, и в этом имеют сходство с другими неарабскими и арабскими чадскими и суданскими племенами: масалит, тама, саламат и махамид. Районы миграций загава расширяются по мере усиливающихся засух, опустынивания и охвата значительных территорий вооруженными конфликтами [De Waal, 1989, p. 27].

Загава находятся в лучших экономических и политических условиях, чем другие этнические группы, населяющие восточную часть бассейна оз. Чад. В частности, в силу обширных родственных связей они имеют представителей в армии и местных администрациях Южной Ливии. В Чаде президент И. Деби и его родственники и соплеменники монополизировали власть и создали костяк военного руководства. В Дарфуре загавы стали ключевыми фигурами в повстанческих группировках (лидер Движения за справедливость и равенство (ДСР) Халиль Ибрагим Мохамед, руководители Суданского освободительного движения / армии (СОД/А) Минни Минави, Нурен Минави Бэртчем. Джибрил Абделькарим «Тек» и др.). В ЦАР генерал Бозизе осуществил в марте 2003 г. успешный переворот также при поддержке загавы, в том числе клана Деби – бидеят.

В силу обширных миграций загавы по территории четырех стран они либо непреднамеренно оказывались участниками конфликтов на этих территориях, либо становились инициаторами споров из-за земли, участия в органах местной власти, а беглые мятежники присоединялись к суданским повстанцам, либо, напротив, вступали в столкновения с ними [Daldoum, 2000, p. 66].

Воюющие фракции всегда искали убежища среди соплеменников за границей. Победенные группы двигались на восток с оружием – для восстановления сил в защищенных районах Дарфура. Многие чадские беженцы оказались хорошо подготовленными в военном отношении.

Массив Джебел Марра был труднопроходимым для чадской регулярной армии, но мог создать естественную защиту для чадских оппозиционных групп. Столкнувшись с масштабным притоком чадцев, фуры начали в массовом порядке сжигать пастбища, чтобы заставить беженцев уйти в другие районы, перекрывали им доступ к источникам воды, нередко в качестве мести за то, что беженцы крали их скот. Изгнанные из Чада и обнаружившие, что доступ в Джебел Марра блокирован фурами, чадцы начали оказывать сопротивление. За помощью они обратились к арабским кочевникам Дарфура и Кордофана [ibid, p. 81; Harir, 1994, p. 166].

Чадские арабские группы стояли у истоков создания в Дарфуре нового движения, сформированного для объединения арабских и неарабских кочевых племен в целях защиты общих интересов, – Арабского собрания, которое получало оружие от ливийцев. Название впервые появилось в манифесте арабского ополчения «Квариш», основатель которого Ахмед Акил считался «отцом

арабского национализма» в Чаде [Haggag, 2007, p. 121–123]. Манифест указывал на изолированность арабов в регионе и призывал к расширению арабского пояса в Африке [Harir, 1994, p. 164–165; Burr, Collins, 2006, p. 286].

С ливийской помощью образовался союз между чадскими и суданскими ополчениями кочевников. Со временем чадские арабские ополчения начали напрямую участвовать во внутренних дарфурских конфликтах, сражаясь вместе с арабскими дарфурскими племенами в «войнах за землю». Чадские оппозиционные группы делились с дарфурскими ополчениями оружием [Haggag, 2007, p. 124–126]. В конце 1988 г. впервые появилось обозначение «джанджавид» в применении к арабским ополчениям.

Вооружение кочевых племен настораживало их оседлых соседей, которые также искали пути укрепления самообороны, тем более что с 1960-х годов из-за чадских войн в Дарфуре не было недостатка в оружии. Ополчения фурув в целом назывались Федеральной армией Дарфура и вначале представляли собой тайные отряды боевиков – джакаб («борьба») [ibid, p. 217]. К маю 1988 г. фуры располагали шестью тысячами бойцов в учебных центрах в Юго-Западном Дарфуре и западном Бахр-эль-Газале на границе с ЦАР [Theobald, 1965, p. 15].

Политика И. Деби и дарфурский конфликт

Как и Хабре, И. Деби пришел к власти в 1990 г. вооруженным путем, также начав свой поход к власти с баз в Дарфуре. Правда, Деби договорился с правительством в Хартуме о том, что Судан и Чад будут воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга. В течение ряда лет на границе сохранялся относительный мир, и когда в 2003 г. начались наиболее активные выступления дарфурских повстанцев, Деби отстранился от этой проблемы. Однако в 2003–2004 гг. он выступил посредником при подписании соглашений по прекращению огня в Абеше и Нджамене. Позже, под давлением соплеменников-загава, пригрозивших ему смещением, он поменял курс и начал поддерживать дарфурское повстанческое Движение за справедливость и равенство, в котором доминировали загавы [De Waal, 2008].

Победа Деби 1990 г. стала поворотным пунктом для появления новых тенденций в политике загавы, ожидавших от него благодарности. Некоторые суданцы-загава действительно стали офицерами чадской армии. Однако, когда по указанию Парижа Деби

должен был сократить вооруженные силы, из них были изгнаны прежде всего арабоязычающие зааааа, многие из которых вернулись в Дарфур, где смогли в полной мере использовать свои военные навыки. Ситуация там в 1990-е годы изменилась к худшему из-за обострения соперничества за землю между различными племенами.

После победы над Хабре Деби столкнулся с вооруженной оппозицией со всех сторон: как среди давних врагов, связанных с прежним режимом, так и среди союзников зааааа, борьба за власть которых создавала напряжение, временами переходившее в открытую конфронтацию. Это вылилось, например, в столкновения с отрядами ополчений хаджараи в 1991 г. и в волнения зааааа в Нджамене в апреле 1992 г., несмотря на обещания Хартума и Триполи урегулировать ситуацию. Хотя серьезные разногласия наблюдались и в самом лагере И. Деби, основные его проблемы были связаны с подъемом на юге Чада повстанческих движений Национального комитета спасении ради мира и демократии (НКСМД) и Вооруженных сил за федеральную республику (ВСФР), действовавших в районе нефтяных месторождений «Логон» при поддержке тогдашнего президента ЦАР Анж-Феликса Патассе [Burg, Collins, 2006, p. 256].

Природа чадского режима и безнаказанность действий ополчений зааааа, республиканской гвардии, элитных корпусов и рядовых солдат создавали условия для роста преступности: грабежей, убийств и захвата земель и скота в разных частях страны. Режим столкнулся с необходимостью уничтожения вооруженной оппозиции и установления контроля над политикой в центре. Ситуация усугублялась хрупким здоровьем президента и его неспособностью расширить свою поддержку за пределами непосредственного окружения.

Представители многих племен, преимущественно арабских, бежали из Чада, пересекая границу, и присоединялись к тем, кто уже раньше обосновался в Дарфуре, создавая, таким образом, предпосылки для дестабилизации обстановки во всем регионе. Оппозиционная чадскому правительству Национальная армия сопротивления (НАС), сформированная в 1994 г. Махаматом Гарфой, бывшим начальником штаба Деби, опиралась в основном на племя тама и действовала вдоль границ Чада с ЦАР и Суданом. В середине 2004 г. боевики НАС, базировавшиеся в Дарфуре, были реорганизованы при поддержке суданской службы безопасности,

которая намеревалась с их помощью добраться до дарфурских повстанческих формирований СОД/А и ДСР [ibid, p. 260].

В середине 2000-х годов политическая ситуация в Чаде резко обострилась. Все силовые структуры страны контролировались узкой группой соплеменников президента (загава), большинство высокопоставленных чиновников и военачальников принадлежали к клану Деби – бидеят. Наиболее крупные предприятия промышленности, транспорта и сферы обслуживания находились под контролем загава. Безднаказанность представителей высшего руководства страны стала правилом, наказание – исключением. В этот период начальником штаба армии был Махамат Салех Кайя, кузен Деби; Абакар Юсус Махамат Итно (племянник Деби) командовал республиканской гвардией; Махамат Салех Ибрагим (другой племянник президента) отвечал за гвардию кочевников; Аббас Махамат Толли (еще один племянник Деби) был министром финансов, и, наконец, сводный брат Деби – Даусса Деби, бывший посол в Ливии, – советником президента по безопасности и разведке. Впрочем, этот список не свидетельствовал о высоком уровне солидарности представителей одного племени. Конечно, между кланами загава существует много общего, но разногласия постоянно возникают в результате соперничества за доступ к государственным ресурсам и привилегиям [ibid, p. 261–265].

Несмотря на внутреннюю нестабильность, Деби успешно разыгрывал региональные и международные карты. Так, в ноябре 1990 г. он получил поддержку Франции, озабоченной его сближением с США, которые создали на территории Чада лагеря по подготовке ливийских оппозиционеров. Еще по двум направлениям Деби преуспел в получении поддержки извне. Первое – формирование «нефтяной экономики» и делегирование международным наблюдателям права на контроль над распределением доходов от нефти. Второе – участие в борьбе с терроризмом и радикальными исламистскими группировками в Сахаре.

Деби тщательно контролировал свои отношения с Ливией. В 1990-х годах Каддафи переживал трудные времена и поэтому ослабил свою политику дестабилизации Чада, понимая, что противостояние Нджамене предоставит его западным оппонентам больше возможностей для критики его режима.

Напряжение в отношениях с ЦАР, с территории которой повстанческие группировки действовали против его режима, Деби снизил путем подписания в 1998 г. мирного соглашения. Обнаружив, что этого недостаточно, в 2003 г. чадский лидер предоставил

военную помощь оппозиционным силам ЦАР, осуществившим под руководством генерала Ф. Бозизе государственный переворот и свержение А.-Ф. Патассе [ibid, p. 268].

Чад – Судан

Что касается отношений между Чадом и Суданом, то они имели сложную историю. Так, контакты Нджамены с Хартумом в 1990-х годах носили мирный характер. Существовал, однако, ряд факторов, влиявших на политику Судана в отношении чадского режима. Относительная их важность постоянно менялась и в значительной степени зависела от ситуации в Дарфуре на разных этапах развития и урегулирования конфликта.

Прежде всего это решение проблемы безопасности на границе между двумя странами и особенности политики суданских исламистов, нацеленной на усиление их влияния в Северной и Западной Африке путем расширения деловых контактов с государствами этих регионов. В свою очередь, Деби имел причины для сохранения дружественных контактов с суданским режимом, ведь Дарфур по традиции оставался убежищем для чадских антиправительственных сил, и контроль над этим регионом способствовал бы сохранению относительной стабильности в Чаде [Marchal, 2006, p. 108–109].

Хронологически сложилось так, что вскоре после прихода Деби к власти Хартуму пришлось иметь дело с мятежом, возникшим в связи с вступлением в Дарфур отрядов южно-суданского Суданского народно-освободительного движения / армии СНОД/А) во главе с Даудом Боладом. Хотя наступление было подавлено, оно продемонстрировало необходимость принятия мер по предотвращению экспансии войны за пределы Южного Судана¹. Налаживание контактов с Деби предоставило бы гарантии того, что Чад не будет поддерживать дарфурских и южносуданских повстанцев. Одновременно Деби проследил бы за тем, чтобы СНОД/А не осуществляло через территорию Чада военных поставок каким-либо движениям.

В свою очередь, Судан оказывал поддержку чадским правительствам, производя аресты повстанцев, находивших убежище в Дарфуре (в основном в 1992, 1994, 1998 и 2003 гг.).

¹ Республика Южный Судан отделилась от Судана в июле 2011 г.

Деби получал выгоду от союза с суданским правительством, не только укрепляя безопасность режима, но и вовлекаясь в выгодные экономические проекты, прежде всего связанные с добычей нефти и строительством чадско-камерунского трубопровода. Так, в ноябре 1999 г., после выхода французской «Эльф-Акитэн» из нефтяного консорциума, осуществлявшего добычу нефти в Чаде, ее место заняла малайзийская фирма «Петронас», ставшая к тому времени основной нефтедобывающей компанией в Судане и успешным проектировщиком трубопровода, протянувшегося из южных районов страны (нынешняя территория Республики Южный Судан) в Порт-Судан. В результате участники «чадского консорциума» «Эксон», «Шеврон» и «Петронас» получили 40, 25 и 35% акций соответственно [Костелянец, 2009].

Для Хартума существование дружественного режима в Чаде означало возможность подрыва американской политики санкций в отношении Судана. Если другие соседи – Эритрея, Эфиопия, Уганда и Египет (каждый по собственным причинам) – в разное время поддерживали политику США в отношении санкций против режима Омара аль-Башира (президент Судана с 1989 г.), то Чад никогда этого не делал. Кроме того, альянс с Деби означал облегченное передвижение через территорию страны товаров и рабочих-мигрантов.

Дарфурский кризис разрушил выстроенную схему отношений между странами региона. Учитывая существовавшие тесные контакты между Чадом и Суданом в равных сферах, когда в начале нынешнего века дарфурский конфликт стал необратимым. Хартум начал рассматривать Нджамену в качестве одной из сил, которую можно было бы использовать для его разрешения. По мнению суданских властей, Деби должен был установить контроль если не над всеми загава в регионе, многие из которых сражались в рядах дарфурских повстанцев, то хотя бы над своим собственным кланом. При этом Хартум был возмущен тем, что Деби не мог «навести порядок в собственном доме». Чем дольше длился дарфурский конфликт, тем меньшим доверием пользовался Деби у аль-Башира, и все больше разногласий возникало между ними.

Деби не был безразличным к разгоравшемуся конфликту в Дарфуре и участвовал в его урегулировании, но делал это не ради своих суданских друзей. Он имел и собственные причины противостоять лидеру дарфурского повстанческого Движения за справедливость и равенство (ДСР) Халилю Ибрагиму, которого пытался арестовать еще в 2002 г., когда был в дружеских отношениях

с аль-Баширом. Как глава государства, Деби полагал, что одновременно находится на вершине социально-политической иерархии в государстве и в этнической группе загава; Халиль же не признавал этого по разным причинам. Прежде всего, что бы ни говорилось (безусловно, не без основания) о маргинализации дарфурцев, суданские загава всегда обладали большими возможностями для получения образования или предпринимательской деятельности, чем чадские. Кроме того, кобе (клан Халиля Ибрагима) исторически были чадским королевским кланом, когда-то занимавшим главенствующее положение среди загава, и потому лидер ДСР сверху вниз смотрел на Деби из бидеят, которые были по больше» части бедняками, пока Деби не захватил власть. К тому же Деби пытался узаконить свою власть не только путем формирования политической системы, в рамках которой он стал законным президентом, но и посредством перестройки традиционной общественной иерархии загава и создания султаната Бидеят, во главе которого поставил своего сводного брата Тимана Деби. Это решение приветствовалось отдельными кланами загава, но и не поддерживалось многими [Burr, Collins, 2006, p. 275].

Деби попытался расколоть или уничтожить ДСР Халиля. Создание осенью 2004 г. малочисленного дарфурско-чадского оппозиционного Национального движения за реформы и демократию (НДРД) оказалось приятным сюрпризом и для Деби, и для Омара аль-Башира, так как в НДРД из ДСР перешли загава из клана кабка, и в организации Халиля произошел раскол. Ключевые фигуры НДРД поддерживались Деби как «правильные» представители ДСР. Это прежде всего были Нурен Минави Бэртчем, ранее член Патриотического движения, возглавлявшегося Деби, и автор биографии президента, опубликованной на арабском языке, и полковник Джибрил Абделькарим «Тек», до этого воевавший в Дарфуре на стороне различных фракций, а затем служивший в чадской президентской гвардии.

С 2003 г. – начало эскалации дарфурского кризиса – в суданских силовых структурах были уверены, что чадский президент ведет двойную игру. Их сомнения в его надежности как союзника усилились, когда они заметили, насколько делегации дарфурских повстанцев были близки с чадскими представителями во время мирных переговоров в Абеше и Нджамене. Заподозрив, что Деби не прекращал поддерживать дарфурских повстанцев, по крайней мере их отдельные группы, в течение всего периода «дружествен-

ных отношений» между странами, Хартум ответил поддержкой его противников.

В середине 2005 г. чадские оппозиционные группировки, использовавшиеся суданским правительством для борьбы с дарфурскими повстанцами, получили разрешение на создание собственных лагерей на территории Дарфура и начали получать оружие от администрации аль-Башира. В декабре 2005 г. они осуществили плохо спланированный набег на чадскую территорию, который провалился благодаря французской разведке. Но к концу декабря при поддержке суданского правительства была создана новая группировка – Объединенный фронт за демократические перемены (ОФДП), ставшая зонтичной организацией для чадской вооруженной оппозиции на территории Дарфура.

Реакцией Деби стала попытка объединения всех загава в дарфурском повстанческом движении для защиты собственного режима. В январе 2006 г. в Нджамене было подписано соглашение о создании Альянса революционных сил Западного Судана с участием ДСР, СОД/А и других группировок, которых к тому времени на территории Дарфура насчитывались десятки. Лидером нового объединения был объявлен Халиль Ибрагим, и его клан кобе стал еще более влиятельным [War in Darfur... 2007, p. 193].

В апреле 2006 г. дарфурские повстанцы сражались рука об руку с войсками Деби против чадских политических беженцев в Дарфуре, причем Халиль Ибрагим и некоторые другие руководители ДСР обладали амбициями чадского значения и в будущем могли бы получить высокие должности в чадском правительстве (или, напротив, отстранить от власти Деби).

В середине 2000-х годов внутри суданского истеблишмента существовали сильные расхождения по вопросу о политической ситуации в Чаде. Армия и президентское окружение после многих лет дружественных отношений с режимом Деби превратились в его главных противников, в то время как некоторые руководители правящей Партии национального конгресса и члены правительства призывали к восстановлению хороших отношений с соседом, чтобы замкнуть дарфурское повстанчество во вражеском кольце.

В 2006–2009 гг. отношения между Хартумом и Нджаменой преимущественно оставались недружескими при периодических сближениях и расхождениях. В декабре 2008 г. аль-Башир проигнорировал данное ему Деби обещание отвести чадских повстанцев в глубь суданской территории. В 2009 г., сразу после подписания между Хартумом и Нджаменой «договора о доброй воле», между

двумя сторонами (по инициативе Судана) были развязаны боевые действия, отчасти явившиеся отражением острых противоречий в правительстве аль-Башира. В значительной степени это обуславливалось сложными личными отношениями между главами режимов. Однако 9 февраля 2010 г. Л. Деби прибыл с визитом в Судан для встречи с аль-Баширом. В ходе встречи было принято решение о недопущении поставок оружия повстанцам через границу между двумя странами. Деби призвал дарфурских мятежников, прежде всего лидеров ДСР, сложить оружие и начать мирный диалог с Хартумом [Шишкин, 2010].

Между тем неожиданные «союзники» находились в неравных условиях. Если аль-Башир контролировал чадских оппозиционеров на территории Дарфура через национальные спецслужбы и при этом был свободен в выборе методов и средств для борьбы с повстанцами, то у Деби возможностей для маневра было меньше как в силу общей племенной принадлежности с лидерами ДСР, так и из-за обладания более слабыми, нежели у повстанцев, вооруженными силами [там же]. В течение всего дарфурского кризиса сохранялась вероятность свержения его режима в результате наступления с соседней территории.

* * *

Нестабильность в треугольнике Чад – ЦАР – Дарфур приобрела региональный характер прежде всего благодаря проживанию на территориях этих стран многочисленных групп населения, связанных общей историей, традициями и интересами. Кроме того, учитывая фрагментацию групп вооруженной оппозиции и ополченцев, трансграничные набеги и проживание более чем трети населения Дарфура в лагерях, в том числе и на территориях Чада и ЦАР, можно говорить о постоянной возможности экспансии насилия через границы.

Литература

1. Костелянец С.В. США, Китай и нефть в Судане и Чаде. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/12-08-09.htm>
2. Шишкин Д.К. Визит президента Чада И. Деби в Судан. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/11-02-10.r/>
3. Burr J.M., Collins R.O. Darfur: The Long Road to Disaster. Princeton, 2006.
4. Chad and Sudan Situation Working Environment // UNHCR (United Nations High Commissioner for Refuge. Global Appeal 2008–2009, Geneva).

5. Daldoum Hassan Musa. Dynamics of Ethnic Group Relations in Darfur: A Case of the Fur-Arab Relation – Western Darfur. Khartoum, 2000.
6. Daly M.W. Darfur's Sorrow: A History of Destruction and Genocide. – N.Y., 2007.
7. De Waal A. Famine That Kills: Darfur, Sudan, 1984–1985. Oxford, 1989.
8. De Waal A. Making Sense of Chad // Pambuzuka News (Nairobi), 2008, № 342.
9. Haggar A. The Origins and Organization of the Janjawiid in Darfur // War in Darfur and the Search for Peace. – Cambridge (MA), 2007.
10. Harir S. «Arab Belt» versus «African Belt»: Ethno-Political Conflict in Darfur and the Regional Political Factors // Short-Cut to Decay: The Case of the Sudan. – Uppsala, 1994.
11. Harir S. Re-cycling the Past in the Sudan: An Overview of Political Decay // Short-Cut to Decay: The Case of the Sudan. – Uppsala, 1994.
12. Ibrahim Abd al-Rahman Abubaker. Development and Administration in Southern Darfur. – Khartoum, 1977.
13. Marchal R. Le Soudan d'un conflit à l'autre // Les Etudes du CER1. – P., 2004.
14. Theobald A.B. AH Dinar: Last Sultan of Darfur, 1898–1916. – L., 1965.
15. Tubiana M.-J., Tubiana J. The Zaghawa from an Ecological Perspective. – Rotterdam, 1977.
16. United Nations. Dimensions of Challenge for Darfur. – N.Y., 2006.
17. United Nations Environment Programme, Sudan: Post-Conflict Environmental Assessment. – N.Y., 2006.
18. War in Darfur and the Search for Peace. – Harvard, 2007.

«Восток», М., 2015 г., № 1, с. 76–86.

В. Погадаев,

кандидат исторических наук

(Университет Малайя, Куала-Лумпур)

МАЛАЙЗИЯ: АНВАР ИБРАГИМ – ФЕНИКС, ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА

Бывший вице-премьер Малайзии Анвар Ибрагим, возвысившийся благодаря премьер-министру Махатхиру Мохамату до немыслимых высот в начале 1980-х годов, был затем низвергнут тем же Махатхиром в пучину страданий и унижений и отсидел за решеткой пять с лишним лет. Многие политические обозреватели поспешили вычеркнуть его из политики.

Тем не менее Анвар Ибрагим восстал как феникс из пепла, сумел объединить оппозицию и привести ее близко к победе, нанеся сокрушительный удар по правящему блоку. А ведь в начале ничего не предвещало таких бурных событий.

Напористость и экстремизм

Анвар Ибрагим, один из девяти детей в семье Ибрагима Абдул Рахмана, родился 10 августа 1947 г. в небольшом городке Букит-Мертаджам, штат Пинанг. Его прадедушка, выходец из Индии, приехал в Малайю на зарботки и женился на малайке. Родители Анвара отнюдь не были настроены оппозиционно к правящей Союзной партии (позднее превратившейся в Национальный фронт). Наоборот, и отец и мать были членами Объединенной малайской национальной организации (ОМНО) – главного компонента Союзной партии*. Отец был даже членом парламента от ОМНО в 1959–1969 гг., а в 1964–1969 гг. – парламентским секретарем Министерства здравоохранения.

Несмотря на это, Анвар не проявлял особого интереса к политике. В Малайском колледже в Куала-Кангсаре¹, куда он поступил в 1960 г., был примерным учеником, интересовался историей и языками, гордился, что учится именно в том заведении, которое было создано в 1905 г. для детей элиты и в котором первоначально учились, в основном, отпрыски монарших семей² (их в Малайзии – девять, из них раз в пять лет избирается верховный правитель – король).

Наблюдатели отмечают в этот период интерес Анвара к исламу, особенно к его демократическому направлению. Но открыто Анвар свои взгляды тогда не высказывал: можно было лишиться возможности учиться в элитном колледже.

Весь скрытый дотоле политический талант и харизма Анвара Ибрагима как личности в полной мере проявились, когда, окончив колледж, он в 1967 г. стал студентом Университета Малайя, единственного тогда в стране, созданного на базе знаменитого Университета Малайя в Сингапуре (ныне Сингапурский национальный университет).

Обстановка в университете в те времена была либеральной. Студенты устраивали демонстрации и митинги. У входа в библиотеку расположился «уголок оратора» – он никогда не пустовал. Один за другим поднимались на трибуну студенты, произнося страстные речи, и не последним среди них был Анвар Ибрагим³.

* В Союзную партию (окончательно сформировалась в 1958 г.), кроме ОМНО, входили Китайская ассоциация Малайзии и Индийский конгресс Малайзии. Национальный фронт был создан на базе Союзной партии в 1970 г. В настоящее время он объединяет 13 партий.

К 1968 г. он уже возглавлял Национальный союз малайзийских студентов-мусульман и Общество малайского языка Университета Малайя, которые были весьма боевыми в отстаивании интересов малайцев.

Автор данной статьи познакомился с Анваром Ибрагимом, завершавшим свое университетское образование, в 1970 г. Тогда в составе группы советских студентов я приехал в Университет Малайя на стажировку по малайскому языку. Интерес к советским студентам был огромен, и Общество малайского языка решило устроить форум «Советский Союз сегодня». Зал, вмещавший 300 человек, был переполнен. Среди присутствовавших находились известные писатели Усман Аванг и Крис Мас (позднее получившие почетные звания Национальных писателей), не менее известный поэт Абдул Латиф Мохиддин.

Не только они почтили своим присутствием форум, но и, как мы узнали позже в ходе форума, Анвар Ибрагим. Мы рассказывали о жизни в нашей стране, а на мою долю выпал, в общем-то, непростой вопрос об исламе. Подготовились мы неплохо: принесли из посольства огромный фотоальбом, где были снимки индонезийского президента Сукарно во время молитвы в московской мечети, роскошно изданный в Ташкенте Коран, другие материалы.

Мы как чувствовали: именно по этому вопросу и завязалась бурная дискуссия, и нашим главным оппонентом, как нетрудно догадаться, стал Анвар Ибрагим, горячо говоривший, ссылаясь на международные исламские организации, что мусульман в СССР преследуют, не дают свободно отправлять свою веру.

Казалось, мы исчерпали все аргументы, и тут на «амбразуру» идеологической дискуссии бросилась моя коллега Таня Дорофеева. Она забралась на стол и закричала: «Ну, какую клятву я должна дать, чтобы вы нам поверили?»

Мне показалось, что симпатии большинства студентов были на нашей стороне: не всем нравились напористость и экстремизм Анвара Ибрагима. Об этом же свидетельствовала и статья размером на целую полосу, написанная другим студентом Университета Малайя – Сулейманом Масри и опубликованная в центральной газете «Утусан Малайсия».

Статья называлась «Русский студент: Мусульман угнетают? Неправда!»⁴.

Заголовок говорил сам за себя...

По ступеням карьеры

Еще во время учебы в университете Анвар обратил на себя внимание лидера правящей партии, премьер-министра Абдула Разака (1970–1976). Он упомянул о нем как о потенциальном политическом лидере и даже предложил его отцу послать Анвара учиться за границу на юриста, имея в виду, что по возвращении он свяжет свою дальнейшую политическую карьеру с ОМНО⁵.

Однако у молодого политика были свои планы. Окончив университет в 1971 г., Анвар возглавил отдел по связи с общественностью новой молодежной организации «Поколение мусульманской молодежи Малайзии» (АБИМ), созданной при его участии на базе группы членов Национального союза малайзийских студентов-мусульман (первоначально всего 153 человека).

АБИМ по своим позициям была ближе к правой оппозиционной Исламской партии, нежели к умеренной ОМНО. В 1972–1973 гг. Анвар был ее генеральным секретарем, в 1974–1982 гг. – президентом⁶. Одновременно с этим в 1972–1978 гг. он возглавил Малайзийский молодежный совет – орган, координировавший деятельность всех молодежных организаций в стране.

Пришло к Анвару и международное признание. В 1973 г. он был избран членом комитета Всемирной ассамблеи мусульманской молодежи и исполнительным директором Международной федерации исламских студенческих организаций.

При Анваре численность членов АБИМ возросла до 35 тыс. человек, организация смогла подчинить своему влиянию студенческое движение, в том числе в Университете Малайя⁷. И когда в 1974 г. студенты выступили против нищеты и голода, протестовали против сноса домов скваттеров и в защиту крестьян, терявших свои доходы из-за падения цен на сельскохозяйственную продукцию, власти усмотрели в этом руку Анвара Ибрагима и арестовали его на основании Закона о внутренней безопасности, когда он пришел в полицию, чтобы заплатить залог за арестованных студентов (1500 человек!)⁸.

Этот закон, принятый в 1960 г. против восставшей компартии, позволял задерживать и содержать в тюрьме до двух лет без суда и следствия любого гражданина Малайзии, действия которого угрожали (или могли угрожать) безопасности страны. Это была первая «отсидка» Анвара, и длилась она 22 месяца.

И вот новый поворот в политической карьере Анвара Ибрагима. Махатхир Мохамад, ставший премьер-министром в 1981 г.,

предложил ему уже в 1982 г. вступить в ОМНО. В своих мемуарах «Домашний доктор» он, однако, утверждает, что Анвар сам захотел вступить в ОМНО и в течение нескольких месяцев добивался с ним встречи⁹. Эта версия выглядит странной, ибо Анвар, как отмечалось ранее, отверг подобное предложение Абдула Разака.

На выборах того же года Анвар был избран членом парламента и уже в 1983 г. назначен министром культуры, по делам молодежи и спорта, в 1984 г. — министром сельского хозяйства, в 1986–1990 гг. был министром образования. Это один из важнейших постов в правительстве, своего рода «трамплин» к должности заместителя премьер-министра, которая, в свою очередь, открывает в перспективе возможность стать и премьер-министром.

Все, казалось, шло по давно отработанному сценарию. В 1990 г. Анвар стал министром финансов, а в 1993 г. одновременно и заместителем премьер-министра.

Впоследствии, в своих уже упомянутых выше мемуарах, премьер-министр Махатхир признается: с его стороны было ошибкой, что он вовремя не раскусил истинную сущность Анвара, его амбициозность и стремление к власти¹⁰. Ну а тогда, в 1982 г., Махатхиру было важно нейтрализовать харизматического и набравшего политический вес соперника за пределами правящей коалиции и, как говорят китайцы, «задушить его в своих объятиях». «Я думал, — пишет он, — что его присутствие будет полезно ОМНО, ибо он больше не сможет действовать в политике за пределами партии»¹¹. Особенно было бы опасным, признается Махатхир, позволить Анвару присоединиться к влиятельной оппозиционной Панмалайзийской исламской партии.

Анвар начал очень быстро завоевывать позиции в партии ОМНО (в 1984 г. возглавил ее молодежное крыло, а в 1986 г. стал вице-президентом партии) и правительстве. Не говоря уж о популярности, которой ему и до этого было не занимать. Все спешили выразить почтение новому фавориту.

Я в это время работал в Куала-Лумпуре вторым секретарем посольства СССР и помню, каким мощным потоком люди шли поздравлять его в День открытых дверей на праздник мусульманского разговения, в его новую, еще полностью не отстроенную резиденцию. Дипломаты тут не были исключением. Пришлось долго стоять в очереди, прежде чем удалось пожать ему руку и поздравить с праздником.

В то время только-только вышел Русско-малайзийский словарь¹², в составлении которого я принимал участие, и я принес его Анвару в подарок.

Анвар принял словарь. Брови его удивленно приподнялись: «О, уже готов», – сказал он, словно был в курсе планов нашего издательства «Русский язык».

Потом я видел его на открытии книжной ярмарки, где он говорил о необходимости каждой семье иметь домашнюю библиотечку – хотя бы из двух-трех книг для начала, а также на концерте «Звезды телевидения» в телестудии Куала-Лумпура, где в перерыве в буфете моя семилетняя дочка Анна резвилась вместе с его дочерью Нурул – сейчас та превратилась в активного политика и возможного преемника отца.

Одним из важнейших начинаний Анвара на поприще министра образования было введение стандартного произношения малайского языка (близкого к индонезийскому). Переучивались учителя, издавались новые учебники и кассеты с записями, дикторы телевидения учились говорить по-новому¹³.

Позднее, однако, это полезное начинание было отброшено, когда в карьере Анвара произошли неожиданные и драматические изменения. Они наступили внезапно в 1998 г., как и финансово-экономический кризис, который в соседней Индонезии стоил кресла президенту Сухарто, а в Малайзии привел к низвержению Анвара Ибрагима с политического Олимпа.

«Не по-малайски»

Премьер-министр Махатхир с тревогой следил за тем, как Анвар рьяно рвался к власти, и за ростом его популярности в стране и за рубежом. 6 октября 1997 г. журнал «Тайм» поместил большую статью «Анвар и будущее Азии» с фотографией Анвара Ибрагима на обложке. «Человек № 2 в Малайзии – звезда нового поколения лидеров, но предоставит ли Махатхир ему шанс?» – вопрошал журнал¹⁴. В 1998 г. журнал «Ньюсуик» назвал Анвара Ибрагима «азиатом года»¹⁵.

Все это изменило отношение Махатхира к Анвару: «Тем временем попытки Анвара заставить меня уйти стали всё более очевидными. И хотя меня это не слишком сильно беспокоило, отношения наши стали напряженными, и я начал сомневаться, что он будет хорошим лидером и моим достойным преемником»¹⁶.

При этом Махатхир прямо указывает на поддержку Анвара из-за рубежа. «Без сомнения, американцы считали, что он будет лучшим премьер-министром, чем я», – пишет он в своих мемуарах¹⁷.

А тут еще и разногласия по поводу мер урегулирования финансового кризиса. Анвар, бывший в то время одновременно и министром финансов, взял курс на следование программе Международного валютного фонда (МВФ), одним из пунктов которой было прекращение государственной поддержки крупных проектов, бывших краеугольным камнем стратегии развития Махатхира. В случае осуществления этих рекомендаций серьезно пострадали бы компании и банки близких Махатхиру людей. Премьер отказался от рекомендаций МВФ и активно использовал для спасения частного бизнеса финансовые возможности государства. Ему это, в отличие от Сухарто в Индонезии, удалось.

Серьезные разногласия со своим заместителем предоставили Махатхиру благоприятный повод для его устранения. В середине 1998 г. Анвар Ибрагим был снят со всех своих постов и 20 сентября 1998 г. арестован по обвинению в коррупции. На основании этих обвинений он предстал перед судом. Но мало того, добавились еще обвинения в мужеложестве серьезном и уголовно наказуемом преступлении в мусульманской стране.

В распространявшейся в то время брошюре «50 причин, почему Анвар Ибрагим не может стать премьер-министром»¹⁸ на него повесили все мыслимые и немыслимые грехи. Анвару пришлось отсидеть за решеткой за коррупцию пять с лишним лет (с апреля 1999 г. по сентябрь 2004 г.). Обвинения в мужеложестве позднее, в 2004 г., с него были сняты за недостаточностью улик.

Арест и заключение Анвара Ибрагима вызвали большое недовольство среди интеллигенции и последователей начатого им движения реформ, проповедником которых стала Партия народной справедливости, созданная его супругой Ван Азизой в апреле 1998 г.¹⁹ В сентябре 1998 г. в Куала-Лумпуре на демонстрации в защиту Анвара выходили от 30 до 100 тыс. человек. Полиция для разгона демонстрантов вынуждена была применить силу – были раненые и арестованные. Многих при этом возмущал не столько сам факт заключения Анвара Ибрагима, сколько то, как грязно это было сделано и как жестоко обращались с ним в тюрьме – его избивали (29 сентября на первое слушание в суде он появился со следами избивания и синяками на лице), не давали встречаться с родными и т.п.

Как-то в феврале 2002 г., будучи гостем в Пинанге у Мухаммада Хаджи Саллеха, известного поэта с титулом «Национальный писатель», я заметил на столе в его кабинете книгу «Малайская поэтика»²⁰, надписанную в подарок Махатхиру, но так ему и не врученную. На мой вопрос именитый поэт ответил, что он отказался от идеи подарить книгу премьер-министру из-за того, как грубо он обошелся с Анваром Ибрагимом, не «по-малайски». Малайская культура нацеливает на «полюбовное» решение конфликтов, без громких скандалов и истерики.

Моя знакомая, профессор Национального университета Малайзии, с гордостью рассказывала мне, как она помогала мужу, приверженцу Партии народной справедливости (ПНС), вести предвыборную агитацию в пользу партии. Кстати, ПНС – новичок на политической арене – сразу же на всеобщих выборах 1999 г. завоевала пять мест в парламенте. На последующих выборах в 2004 г., когда страсти вокруг Анвара улеглись, партия имела более скромные результаты: лишь одно место в парламенте, которое завоевал ее лидер – супруга опального политика. Кстати, муж моей знакомой профессорши тоже охладел к движению реформ и больше в деятельности этой партии не участвовал.

В сентябре 2004 г. Анвар Ибрагим был освобожден из тюрьмы и смог вплотную заняться партийным строительством и выработкой тактики партии, хотя официально занял в ней лишь пост советника. Ему удалось договориться с двумя другими главными оппозиционными партиями страны (Партией демократического действия и Панмалайзийской исламской партией) выступить на очередных всеобщих выборах 2008 г. единым фронтом в рамках так называемого Народного блока. И хотя сам Анвар по существующему законодательству как бывший заключенный еще не мог избираться, он активно участвовал в предвыборной кампании.

«Политическое цунами»

Результаты выборов вызвали шок в правящей верхушке. Обозреватели назвали их «политическим цунами»: впервые в истории страны после 1969 г. оппозиция выступила так успешно – 82 места из 222 в федеральном парламенте (на предыдущих выборах 2004 г. у оппозиции было всего 21 место) и контроль над пятью штатами²¹.

Через пять месяцев, когда Анвар уже мог баллотироваться, его супруга сняла с себя полномочия члена парламента от округа

Перматанг-Паух, и на дополнительных выборах в этом округе 26 августа 2008 г. Анвар победил соперника от правящего блока и стал членом парламента, где возглавил фракцию от оппозиции.

Премьер-министр Абдулла Бадави, возглавивший правительство после ухода Махатхира в 2003 г., вынужден был взять на себя ответственность за слабое выступление правительственной коалиции и подать в отставку, не без давления со стороны бывшего премьера.

Удачное выступление оппозиции на выборах стало возможным из-за разочарования электората деятельностью правительства Национального фронта, который правит в стране со времени получения независимости в 1957 г., привлекательности программы оппозиции и, несомненно, харизмы лидера оппозиции Анвара Ибрагима.

Махатхир, сохранивший позиции в стране и действовавший как прямо, так и закулисно, поддержал занявшего пост премьера Наджиба Разака – сына Абдула Разака, бывшего премьер-министра Малайзии, благодаря которому в свое время опальный Махатхир вернулся в политику. Для этого Махатхир даже восстановил свое членство в ОМНО, которую покинул в период правления Абдуллы Бадави в знак несогласия с его политикой, и одобрительно отнесся к провозглашенной Наджибом политике «Одна Малайзия», призванной объединить все национальные общины вокруг правящего блока и нейтрализовать влияние оппозиции²².

Период до следующих выборов не был легким и для Анвара Ибрагима. Неожиданно 29 июня 2008 г. последовало новое обвинение его в мужеложестве. На этот раз обвинителем выступил его собственный помощник – 23-летний Сайфул Мухаммад Азлан.

Обстоятельства дела весьма противоречивы. Утверждают, что прежде чем подать в суд на своего бывшего босса (на третий день после якобы имевшего место инцидента), помощник встречался с представителями правительства и лично Наджибом Разаком, который тогда был еще заместителем премьер-министра²³. Это сразу же придало делу характер «политического заговора», ставившего целью дискредитировать и устранить Анвара с политической арены.

Только в 2012 г. обвинения были сняты. 8 марта 2013 г. отец Сайфула подтвердил, что «Анвар не виновен и стал жертвой политического заговора».

Таким образом, Анвар смог беспрепятственно принять участие в новых всеобщих выборах 2013 г.

Предвыборная кампания была весьма бурной, и опросы общественного мнения давали надежду на победу оппозиции²⁴. Поговаривали даже о феномене «малайзийская весна». Молодежь развернула движение «Настало время перемен». Почти социалистические лозунги оппозиции импонировали многим.

Однако сенсации не произошло. Правящий Национальный фронт, довольно потрепанный и потерявший несколько мест в парламенте, смог, тем не менее, сохранить в нем простое большинство и сформировал правительство. Сыграли свою роль огромный финансовый и административный ресурс и, как утверждают, многочисленные подтасовки²⁵.

Несомненно, результаты выборов, хотя и подтвердили тенденцию к усилению оппозиции, не могли не вызвать разочарования у Анвара Ибрагима. Он заявил о непризнании результатов выборов, организовал несколько митингов протеста в разных уголках страны и даже сгоряча заявил, что уйдет из политической жизни и займется преподавательской деятельностью.

Конечно, никуда он не ушел. Более того, решил воспользоваться создавшейся ситуацией в г. Каджанге, где один из членов парламента снял свои полномочия, и решил баллотироваться там. В случае успеха Анвар мог рассчитывать на получение должности главного министра штата Селангор, на территории которого находится Каджанг.

Но и этим расчетам не суждено было сбыться. Как гром среди ясного неба 8 марта 2014 г. прозвучало решение Апелляционного суда, куда обратился с протестом его конкурент, недовольный оправдательным приговором Анвару по обвинению в мужеложестве. Апелляционный суд, аннулировав решение предыдущего суда о невиновности Анвара, приговорил его к пяти годам тюремного заключения.

Анвар немедленно подал свою апелляцию и добился освобождения от заключения под залог в 10 000 ринггитов* до нового решения Апелляционного суда. Как приговоренный к лишению свободы, он, естественно, не мог больше участвовать в выборах в Каджанге, и его место заняла супруга Ван Азиза, выигравшая выборы и ставшая членом парламента.

Надо отдать должное этой мужественной женщине: она постоянно, в любых ситуациях, безоговорочно оказывает поддержку своему мужу, стоит за его спиной.

* 1 долл. равняется 3,68 ринггита (март 2015 г. – *Прим. ред.*)

И если верна расхожая поговорка, что за любым успехом мужчины стоит любовь женщины, то это как раз о ней.

Однако попытки Анвара сделать ее главным министром штата Селангор (это была бы первая женщина в стране на этом посту) не увенчались успехом из-за отсутствия единства по этому вопросу среди партнеров по Народному блоку и позиции главы Селангора, у которого была своя кандидатура на этот пост (хотя и из партии Анвара).

Постоянные выпады правящих кругов против Анвара в момент, когда он пытается укрепить свои позиции, конечно, наводят на определенные размышления.

На круги своя

Отказ Апелляционного суда подтвердить невиновность Анвара на завершившемся процессе в октябре-ноябре 2014 г. означает, что ему придется отсидеть в тюрьме новые пять лет, а это ставит под вопрос будущее его политической карьеры. Сможет ли этот малайзийский феникс снова восстать из пепла, покажет время. Символично, однако, что, видимо, предвидя негативное решение Апелляционного суда, Анвар накануне процесса выступил перед студентами Университета Малайя (несмотря на возражения администрации) под лозунгом «40 лет. Из Университета Малайя в тюрьму»²⁶. Он на время вернулся в свою альма-матер – туда, откуда начал свою блестящую карьеру политика.

Как отмечают аналитики, затянувшаяся пауза с решением Апелляционного суда (первоначально суд собирался обнародовать свое решение еще в конце ноября 2014 г., а сделал это только 10 февраля 2015 г.) свидетельствует о растерянности правящих кругов, которые не в состоянии определить, что опаснее для них – осуждение Анвара или его оправдание.

По мнению политического обозревателя интернет-журнала «Малайзия сегодня» Ку Нана, «второй процесс относительно мужеложества станет для Анвара Ибрагима его победой при Ватерлоо. Заключение всеми правдами и неправдами в тюрьму, бывший вице-премьер будет более опасным для правительства, чем оставаясь на свободе»²⁷.

Примечания

- ¹ Малайский колледж в Куала-Кангаре – первый колледж в колониальной Малайе для детей малайской аристократии. Создан в 1905 г. по инициативе британского колониального администратора и ученого малаиста Р.Дж. Уилкинсона (1867–1941). Первый набор состоял из 40 человек, главным образом детей правителей и их родственников. После 1947 г. доступ в колледж был открыт и для представителей других слоев. Среди именитых выпускников – создатель первых учебников малайского языка (1895–1973), основатель ОМНО Джафар Онн (1895–1962), султан штата Перак Азлан-шах (1928–2014), премьер-министр Абдул Разак (1922–1976), султан Брунея Омар Али Сайфуддин (1914–1986), нынешний министр обороны Хишамуддин Хуссейн. Среди преподавателей известность получили первый директор У. Харгривз (1884–1945), а также выпускник Зааба и писатель Энтони Берджесс (1917–1993).
- ² Anwar Ibrahim. *The Asian Renaissance*. Singapore: Times Book International. 1996, p. 15.
- ³ Funston John. *Political Careers of Mahathir Mohamad and Anwar Ibrahim: Parallels, Intersecting and Conflicting Lives* // IKMAS Working Papers. Institute of Malaysian and International Studies. Universiti Kebangsaan Malaysia. № 15 (July 1998), p. 17.
- ⁴ Sulaiman Masri. *Mahasiswa Rusia: Islam tertinas? – Tidak benar* // Utusan Malaysia. 25.10.1970.
- ⁵ Morais John Victor. *Anwar Ibrahim. Resolute in Leadership*. – Kuala Lumpur: Arenabuku Sdn. Bhd., 1983, p. 3.
- ⁶ Funston John. *Op. cit.*, p. 19.
- ⁷ Charles Allers. *Anwar Ibrahim. Evolution of a Muslim Demokrat*. Singapore: Monsoon Books Pte Ltd. 2013, p. 53.
- ⁸ Syed Husin Ali. *The Two Faces: Detention Without Trial*. – Kuala Lumpur: Insan. 1996, p. 156.
- ⁹ *Doctor in the House: The Memoirs of Tun Dr. Mahathir Mohamad*. Petaling Jaya: MPH Group Pub. 2010, p. 404.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Погадаев В.А., Ротт Н.В. Русско-малайзийский словарь. Ок. 30 000 слов / Под редакцией В.А. Погадаева. – М., Русский язык, 1986. (Pogadaev V.A., Rott N.V. *Russko-malayziyskiy slovar*. M.) (in Russian).
- ¹³ Советом по языку и литературе Малайзии были подготовлены и опубликованы: Руководство по стандартному произношению малайского языка (Pedoman Sebutan Bahasa Melayu, DBP, 1988); Общий список слов с указанием стандартного произношения (Daftar Umum Sebutan Bahasa Melayu, DBP, 1991); Модульное пособие по стандартному произношению малайского языка (Modul Panduan Sebutan Baku Bahasa Melayu, Kementerian Pendidikan Malaysia, DBP, 1989). В циркулярном письме Министерства образования от 30 сентября 1993 г. указывалось, что начиная с нового 1994 уч./г. все школы должны перейти на стандартное произношение, оно же должно использоваться при проведении устных экзаменов. См.: Ketua Pengarah Pendidikan

Malaysia. Surat Pekeliling Ikhtisas, bil. 2/1993 (Директор главного управления Министерства образования Малайзии. Информационное циркулярное письмо, № 2/1993.)

14 Anwar and the Future of Asia // Time. October 6, 1997.

15 Newsweek International. December 28, 1998/January 4, 1999.

16 Doctor in the House..., p. 414.

17 Ibidem.

18 Khalid Jafr. 50 Dalil Mengapa Anwar Tidak Boleh Jadi PM. Kuala Lumpur: Media Pulau Lagenda, 1998. Анвар Ибрагим подал в суд на автора книги «за клевету» и в 2005 г. выиграл иск, получив в качестве компенсации за моральный ущерб 4,5 млн ринггитов. Любопытно, что Махатхир, говоря о гомосексуальных наклонностях своего бывшего зама, ссылается на ту же пресловутую книгу. См.: Doctor in the House..., p. 684.

19 Первоначально партия называлась Национальная партия справедливости. Нынешнее название – с 3 августа 2003 г. после слияния с Народной партией Малайзии.

20 Muhammad Haji Salleh. Puitika Sastera Melayu (Малайская поэтика). – Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka. 2000.

21 Погадаев В.А. Малайзия в ожидании перемен // Азия и Африка сегодня. 2008, № 8, с. 20, 23. (Pogadaev V. 2008. Malayziya v ozhidanii peremen // Aziya i Afrika segodnya. № 8) (in Russian).

22 Погадаев В.А. «Одна Малайзия» премьера Наджиба Разака // Азия и Африка сегодня, 2009, № 12, с. 41, 44. (Pogadaev V.A. 2009. «Odna Malayziya» premjera Nadzhiba Razaka // Aziya i Afrika segodnya. № 12) (in Russian).

23 Наджиб признал, что встречался с Сайфулом и обсуждал с ним вопрос о содомии до того, как тот подал заявление в полицию. См.: Tuduhan liwat ke atas Anwar satu konspirasi (Обвинение Анвара в мужеложестве – заговор) // Harian Sinar. 28.10.2014.

24 UMcedel Survey // Malaysian Insider. 25.04.2013.

25 Погадаев В.А. Всеобщие выборы в Малайзии: новый мандат Национального фронта // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 7. – С. 26.

26 (Pogadaev V.A. 2013. Vseobshchiye vybory v Malayzii: novyi mandate Natsionalnogo fronta // Aziya i Afrika segodnya. № 7) (in Russian).

27 Anwar to speak at UM before sodomy appeal // Malaysia Kini. 20.10.2014. Ко времени, назначенному для выступления Анвара Ибрагима, ворота в университет были закрыты, но толпа сорвала их. Два лидера студентов, пригласившие Анвара, позднее были наказаны двумя годами исключения из университета, несмотря на кампанию сбора подписей среди преподавательского состава об их помиловании. См.: Malay Mail / 10.12.2014. – <http://www.malay-siakini.com/letters/124059>

*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2015 г., № 5, с. 45–50.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. Мухаметзарипов,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

(Центр исламоведческих исследований АН РТ)

РЕЛИГИЯ И СВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ: ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ С ЭЛЕМЕНТОМ РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ (На примере ислама)

Религиозные нормы продолжают играть роль одного из регуляторов общественных отношений. Вероисповедание не только определяет личное отношение человека к «потустороннему» миру, к сверхъестественному, но и оказывает существенное влияние на поступки людей, их отношения в среде единоверцев и с другими людьми. Поведение верующих во многих конфессиях (к примеру, в христианстве, исламе, иудаизме, индуизме и др.) регламентировано определенным сводом религиозных прав и обязанностей, отклонение от которого порицается и расценивается как грех. Правила, диктуемые религией, непременно сталкиваются с принципами и нормами современного светского законодательства, поэтому возникает два вопроса: возможно ли использование современных правовых институтов как подспорья для разрешения споров между верующими, и каковы пределы возможного вторжения религиозных норм в сферу, традиционно считающуюся владением светского законодательства? В настоящей статье в качестве возможного правового института для разрешения споров между верующими мы рассмотрим медиацию и попробуем определить границы ее использования в рамках религиозных общин.

На сегодняшний день законодательство большинства развитых стран построено на основе принципа отделения религии от государства. Наша страна не является исключением. Согласно

ст. 14 Конституции 1993 г., Российская Федерация является светским государством, в котором: 1) никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; 2) религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [11].

Вышеуказанный конституционный принцип конкретизируется в ст. 4 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (далее – Закон о свободе совести). Государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления, а также не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит федеральному законодательству [13].

Закон о свободе совести закрепляет понятие «внутренние установления религиозных организаций». Согласно Закону, религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству Российской Федерации (ч. 1 ст. 15). Религиозные организации вправе устанавливать в соответствии со своими внутренними установлениями условия деятельности священнослужителей и религиозного персонала, а также требования к ним, в том числе в части религиозного образования (ч. 5 ст. 24). В свою очередь государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат действующему законодательству (ч. 2 ст. 15).

Одновременно государство гарантирует свободу вероисповедания. Статья 28 Конституции РФ позволяет каждому человеку не только исповедовать, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения, но и действовать в соответствии с ними. Кроме того, в Российской Федерации признаются принципы свободы договора и свободы завещания (ст. 421 и 1119 Гражданского кодекса РФ) [2; 3], институт брачного договора (ст. 40–44 Семейного кодекса РФ) [18], позволяющие религиозным нормам быть закрепленными в соответствующих договорах или завещаниях.

Немаловажным является упоминание в ст. 5 ГК РФ обычая, которым признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе [1].

Под определение «обычая» могут подпадать сложившиеся и широко применяемые правила поведения, основанные на религиозных нормах – например, по договорам предпринимателей-мусульман. Так, если в ряде договоров будет упоминаться словосочетание «жертвую в вакуф для использования по нормам шариата», то в случае периодического следования нормам шариата о вакуфах (например, запрет на размещение в пожертвованном здании алкогольной продукции) содержание указанной нормы договора может быть рассмотрено судом как «обычай».

Таким образом, действующим законодательством сфера применения религиозных норм при регулировании общественных отношений крайне ограничена и включает: 1) личное поведение человека или межличностные отношения двух и более физических лиц, не нарушающие права и свободы других людей, интересы общества и государства; 2) имущественные отношения между физическими и (или) юридическими лицами на основе сделок; 3) трудовые и образовательные отношения между религиозными организациями и их работниками, учащимися.

Процедура медиации для урегулирования споров с элементом религиозных норм может быть применена лишь в двух последних случаях, так как Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений (ч. 2 ст. 1).

Термин «правоотношения» означает общественные отношения, урегулированные нормами права. Каким же образом религиозные нормы могут играть роль в указанных правоотношениях, если религия отделена от государства и законодательство носит светский характер? Через общие принципы гражданского права о свободе договора и свободе завещания, внутренние установления религиозных организаций. Приведем пример. Мусульманин заключает брачный договор с мусульманкой, по которому муж принимает на себя обязательство выплатить жене в случае развода по инициативе мужа определенное вознаграждение, а также периодически перечислять бывшей супруге денежные суммы в течение 4 месяцев и 10 дней в случае, если она не была беременна

к моменту расторжения брака. Приведенное условие договора обусловлено нормой шариата о разводе в форме «талака» и сроке «идда», не противоречит российскому законодательству и может быть включено в содержание брачного договора. Если муж откажется исполнять данный договор, то спор становится «спором, возникающим из семейных правоотношений», и может быть разрешен с применением процедуры медиации.

Статья 2 Закона о медиации предусматривает, что:

1) процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения;

2) медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [12].

Следовательно, задача медиатора не в том, чтобы вынести решение по спору сторон, а в том, чтобы содействовать сторонам в разрешении спора. При медиации не медиатор, а сами стороны принимают решение по спору и определяют содержание медиативного соглашения.

Необходимо также принимать во внимание ч. 6 ст. 15 Закона о медиации, согласно которой медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь. Мнения российских юристов по поводу приведенной нормы разделились. Так, часть исследователей полагает, что речь идет лишь о недопустимости для медиатора оказывать юридическую, консультативную или иную помощь только одной из сторон, без согласия другой стороны [10]. Другие же считают, что данная норма запрещает медиатору оказывать помощь обеим сторонам [4; 16].

Г. Енютина отмечает, что положение ч. 6 ст. 15 Закона о медиации имеет большое практическое значение, поскольку стороны, особенно если медиатор является практикующим юристом, зачастую обращаются к нему с запросом о правовой стороне своего положения, экспертизе документов и т. п. Она пишет: «Принцип независимости медиатора предполагает, что, даже видя изъяны в правовых позициях сторон, он не вправе давать им юридические рекомендации. Вероятно, именно к этой стороне правового статуса медиатора россиянам тяжелее всего привыкнуть. Стороны не всегда понимают, что медиатор – это не авторитетный юрист, готовый высказать свое профессиональное мнение по существу спора и убедить в нем участников конфликта, а нейтральный посредник»

[5]. По мнению Дж. Марсила и Н.Д. Торнтона, «в медиации первой задачей медиатора является побуждение спорящих сторон к диалогу друг с другом касательно спора» [24, с. 861].

Такой же вывод о природе медиации на примере мирового соглашения делался ранее. Например, В.М. Шерстюк и М.К. Юков писали: «Судья, проводящий урегулирование спора, не может давать сторонам конкретных консультаций и рекомендаций по содержанию мирового соглашения, которое они могли бы принять по результатам достигнутого ими урегулирования спора, и оказывать помощь в составлении текста мирового соглашения, который в связи с этим подготавливается сторонами» [9, с. 394].

В некоторых исследованиях природа медиации определяется несколько иначе. Так, М. Голтсман, Й. Хернер, Г. Павлов и Ф. Сквитани полагают, что при медиации, в отличие от арбитража, нейтральная третья сторона призвана предложить соглашение после заслушивания аргументов каждой из сторон. Она не имеет права навязывать данное соглашение, а всего лишь предлагает выход, который устраивает обе стороны [21, с. 1398]. Однако нас в первую очередь интересует то определение медиации, которое содержится в нашем законодательстве. И в российском Законе о медиации медиатор не имеет права предлагать сторонам какой-либо выход, тем самым занимая позицию юриста-консультанта. Закон позволяет медиатору вносить предложения об урегулировании спора только в случае, если стороны об этом договорились (ч. 5 ст. 11 Закона о медиации). При этом указанное право также ограничено. В случае, когда медиатору право вносить предложения об урегулировании спора предоставлено, он не должен настаивать на принятии сторонами предложенного им варианта урегулирования, ему нужно только выяснить отношение сторон к данному варианту [10].

Возникает вопрос: можно ли отнести священнослужителей, исполняющих обязанности религиозных судей, а также специалистов по «религиозному праву», к медиаторам? Приведем пример. Процедура разрешения спора по шариату (своду мусульманских религиозных норм) в мусульманских религиозных организациях на территории Российской Федерации происходит в большинстве случаев следующим образом: сначала стороны, не обладающие специальными знаниями о нормах шариата, обращаются к лицу,

разбирающемуся в мусульманском праве (казыю¹ или другому эксперту). Последний заслушивает доводы сторон, изучает доказательства, соотносит полученную информацию с нормами шариата и предоставляет сторонам свое заключение. Подобная же практика разрешения спора существует и в других конфессиях.

На наш взгляд, в большинстве случаев при разрешении спора между верующими с участием третьей стороны (религиозного судьи, священнослужителя) речь идет скорее о третейском разбирательстве (по аналогии с третейским судом), а не о процедуре медиации. Священнослужитель или религиозный судья в принципе не может не соотносить поведение сторон с требованиями того или иного вероисповедания. Наоборот, при обнаружении противоречащего религиозным требованиям поведения сторон он неизбежно выступит в роли не примирителя участников спора, а судьи, арбитра, либо в лучшем случае консультанта, что противоречит сущности медиации и требованиям законодательства.

Ряд зарубежных авторов считает, что медиация, в отличие от судебного разбирательства, способна признать столкновение «правовых норм» с «личностно ориентированными нормами». Суды и юристы придают последним лишь второстепенное значение, а сам суд рационален и подчинен праву. Медиация же больше уделяет внимания личным нормам и ценностям [19, с. 87; 25, с. 238]. Личное мнение верующего о религиозных канонах отходит на второй план, так как в религиозной общине существуют принятые правила поведения, изменить которые отдельный человек по своему усмотрению не может. И в этом отношении вопрос о возможности религиозной медиации может быть поставлен под сомнение.

Кроме того, возникает вопрос: каким образом стороны, желающие разрешить спор по нормам своего вероисповедания, могут сами составить медиативное соглашение, соответствующее религиозным нормам, не обладая глубокими познаниями в так называемом «религиозном праве»? Полагаем, что с учетом требований российского законодательства можно действовать следующим образом: стороны могут обратиться к медиатору с просьбой о привлечении эксперта по «религиозному праву», экспертное заключение которого при соответствии нормам российского законодательства ляжет в основу медиативного соглашения.

¹ Казый (казий, кадий, кади) – мусульманский судья, знаток шариата, дающий разъяснения и принимающий решения по спорам на основе норм ислама.

Однако становится очевидным, что процедура медиации при этом фактически превращается в завуалированный религиозный суд, когда содержание медиативного соглашения между сторонами спора фактически определяется сторонним экспертом. Роль медиатора сводится к роли своего рода «прикрытия», вынужденной уступке требованиям российского законодательства. Полагаем, что тем самым истинные принципы медиации (нейтральность медиатора и его помощь сторонам в урегулировании спора без навязывания собственного или иного стороннего мнения) не могут быть реализованы в полной мере.

Интересно, что с проблемой превращения медиации в некое подобие третейского суда (арбитража) сталкиваются и в странах с многолетней историей существования института медиации. Например, по свидетельству Ж. Нолан-Хэли, «американская практика медиации на практике неуклонно движется в зону арбитража... По мере того, как юристы все более открыто начинают представлять стороны в медиации, границы между медиацией и арбитражем стираются. Хотя медиация однажды и предложила спорящим сторонам избавление от судов, теперь она предлагает им суррогат арбитражного разбирательства. По мере того как медиация движется в сторону арбитражной модели, арбитражи, по мнению некоторых ученых, становятся «новыми судами» [26, с. 62, 63].

В подтверждение того, что представители религиозных общин (священнослужители и религиозные судьи) будут несколько иначе подходить к разрешению спора, чем предполагает медиация, можно привести данные американского исследования, согласно которому медиаторы из бывших судей более склонны к оценочной позиции при урегулировании спора, тогда как медиаторы из психологов чаще стремятся к оказанию содействия сторонам в разрешении спора [23, с. 708]. Из этого можно сделать вывод, что религиозные судьи и священнослужители также будут занимать по отношению к сторонам оценочную позицию.

При рассмотрении вопроса о применении медиации при разрешении споров в религиозных общинах иногда ссылаются на общую эффективность медиации как таковой.

Однако подобные заявления вызывают сомнения. Во-первых, процент так называемых «урегулированных споров» в процессе медиации говорит лишь о количестве дел, по которому стороны пришли к медиативному соглашению. Данный процент не

отражает реальное исполнение этого соглашения, реальное и окончательное разрешение конкретного спора.

Во-вторых, споры бывают разные. В тех спорах, которые касаются имущественного интереса сторон, медиация не способна стать действительно эффективным средством.

До тех пор, пока у сторон остается возможность прибегнуть к судебному разбирательству (при условии относительной доступности суда для истца в плане финансовых расходов), медиация не будет широко востребована, так как решение суда, имеющее окончательный характер, всегда более предпочтительно. Следует признать, что медиация – всего лишь один из инструментов разрешения споров, со своими достоинствами и недостатками. И поэтому будущее медиации в разрешении гражданских и семейных споров между верующими также не безоблачно.

Среди недостатков медиации иногда также выделяют [19, с. 88–93]:

1) отсутствие публичности и открытости процедуры медиации, в отличие от судебного разбирательства. Этот недостаток является оборотной стороной конфиденциальности процедуры медиации и может привести к существенным нарушениям прав и свобод одной из сторон в случаях, связанных с патриархальными отношениями в семье, домашним насилием по отношению к женщинам и детям;

2) возможная несправедливость в процессе медиации, связанная с тем, что медиативное соглашение может оказаться уступкой чьему-либо давлению (другой стороны, семьи, социальной группы, общества), тогда как решение суда независимо. По этому поводу О. Фисс замечает, что «соглашение является капитуляцией условиям массового общества, и к нему нельзя побуждать и нельзя его восхвалять» [20, с. 1073];

3) вероятность нарушения конфиденциальности информации, полученной сторонами, медиатором и иными участниками медиации. Здесь следует отметить, что конфиденциальность информации не позволяет дать объективную оценку всему процессу медиации в определенной сфере;

4) медиативное соглашение может привести к ущемлению прав и свобод одной из сторон, затронуть интересы третьих лиц (например, членов семьи) и противоречить требованиям закона. Некоторые авторы (например, Г.Р. Кларк и И.Т. Дэйвис) считают, что данная проблема не является существенной, так как при возникновении такой ситуации «этичный и надлежащим образом под-

готовленный медиатор должен прекратить медиацию» [19, р. 92]. Действительно, в отношении светского медиатора такое поведение более чем возможно. Однако медиатор-священнослужитель не может быть полностью нейтральным к сторонам медиации. Наоборот, он является одним из лидеров общины, и от его участия, от принятого им решения зависит его собственный авторитет.

В определенный момент у него может возникнуть дилемма: привести стороны к медиативному соглашению любой ценой, даже с нарушением некоторых норм действующего законодательства, либо прекратить процедуру медиации и оставить спор нерешенным, рискуя утратить авторитет в общине;

5) неравенство сторон медиации, когда одна сторона имеет определенное преимущество (психологические особенности, имущественное положение и др.). Данная проблема часто возникает при урегулировании споров между членами патриархальных, религиозных семей. При этом различие в религиозных правах и обязанностях между мужчиной и женщиной может стать препятствием для надлежащей медиации.

Канадские исследователи отмечают, что в сфере семейных споров критика медиации сводится, в частности, к следующему: 1) косвенное принуждение сторон к процедуре медиации, что ведет к нарушению принципа добровольности участия в медиации; 2) неумения медиаторов эффективно выявлять женщин, которые подвергаются домашнему насилию, и урегулировать конфликты, в которых стороны находятся в неравном положении [22, с. 2]. Все вышеуказанные замечания можно отнести и к медиации в рамках религиозных организаций.

Статья 3 Закона о медиации гласит, что процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. При проведении процедуры медиации медиатор не вправе ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из сторон (ч. 7 ст. 11 Закона о медиации).

Особое значение в нашем случае имеют принципы добровольности и равноправия сторон. При медиации религиозных споров следует в первую очередь исключить: 1) возможность принуждения одной из сторон к заключению медиативного соглашения (особенно женщин); 2) любые формы дискриминации по половому признаку или по признаку вероисповедания и отношения к рели-

гии (например, при привлечении к процедуре медиации экспертов, специалистов, других лиц). По мнению исследователей, медиатор, действуя беспристрастно и независимо, должен относиться к сторонам одинаково, не отдавая предпочтения какой-либо из них. Также медиатор должен соблюдать нейтралитет и уделять равное внимание каждой из сторон [10]. Смогут ли соблюсти данные требования религиозные медиаторы?

Кроме вышеизложенных проблем, для применения религиозной медиации существует несколько серьезных препятствий. Во-первых, ч. 5 ст. 1 Закона о медиации предусматривает, что процедура медиации не применяется: 1) к коллективным трудовым спорам; 2) к спорам, возникающим из гражданских, трудовых и семейных правоотношений, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы. Таким образом, возникает проблема соотнесения религиозных норм с нормами светского законодательства.

Также важно решить вопрос об осуществлении процедуры медиации работниками религиозных организаций. Согласно ст. 2 Закона о медиации, организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – это юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является организация проведения процедуры медиации, а также осуществление иных предусмотренных указанным федеральным законом действий.

По мнению Министерства экономического развития РФ, деятельность медиатора и организации, обеспечивающей проведение процедуры медиации, соответствует в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности ОК 029-2001 коду 74.14 «Консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления» в подклассе 74.1 «Деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита; консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием». Сюда включается предоставление услуг по рассмотрению трудовых споров и примирению: содействие в досудебном разрешении трудовых споров или посредничество с целью примирения для урегулирования спорных вопросов между работниками и руководителями, между юридическими лицами или между физическими лицами [17].

В настоящее же время религиозные организации при государственной регистрации основным видом деятельности указывают

код 91.31 «Деятельность религиозных организаций» в подклассе 91.3 «Деятельность прочих общественных объединений» [14]. Из этого следует, что религиозная организация не может осуществлять процедуру медиации в рамках своей деятельности, пока деятельность по организации проведения процедуры медиации не закреплена в качестве одного из основных видов деятельности. В противном случае необходимо создание отдельной организации, специализирующейся на религиозной медиации.

Встает вопрос о принятии правил медиации религиозных споров, в которых бы закреплялись права и обязанности сторон медиации, права и обязанности медиатора, процедура медиации. К сожалению, в России отсутствует подзаконный акт, который бы более детально регламентировал положения Закона о медиации. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 11 Закона о медиации порядок проведения процедуры медиации устанавливается либо соглашением о проведении процедуры медиации, либо правилами проведения процедуры медиации, утвержденными соответствующей организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, на которые стороны делают ссылку в соглашении о проведении процедуры медиации.

На наш взгляд, при разработке правил проведения религиозной медиации было бы полезно использовать опыт не только российских организаций, оказывающих услуги медиации, но и нормативные документы соседних стран. Например, в Белоруссии в дополнение к Закону от 12 июля 2013 г. № 58-3 «О медиации» Постановлением Совета министров от 28 декабря 2013 г. № 1150 утверждены Правила проведения медиации [15], которые включают: общие положения о медиации (определение понятия, основные задачи и принципы, сроки); права и обязанности сторон медиации; права и обязанности медиатора; порядок подготовки к проведению медиации и регламент проведения медиации (открытие медиации, представление сторон, исследование обстоятельств спора и интересов сторон; дискуссия сторон по выработке повестки дня и вопросов для обсуждения; порядок индивидуальной беседы с каждой из сторон; выработки предложений по урегулированию спора; подготовки медиативного соглашения; завершения медиации и исполнения медиативного соглашения). Естественно, опыт иностранных законодателей следует использовать с учетом норм российского законодательства. Полагаем, что подробная регламентация процедуры религиозной медиации могла бы снизить риск

злоупотреблений и стать гарантом реального исполнения медиативных соглашений сторон.

Особо подчеркнем положение п. 15 вышеупомянутых белорусских Правил о медиации: «Медиатор не вправе: ...вносить сторонам свои предложения об урегулировании спора, а также, если стороны не договорились об ином, выступать третейским судьей по спору, который являлся или является предметом медиации; давать заключение о перспективе разрешения конкретного спора в судебном порядке; высказывать по своей инициативе сторонам конкретные предложения по выходу из сложившейся спорной ситуации». Очевидно, белорусский законодатель, как и российский, также склоняется к тому, что медиатор не играет роли судьи или правового консультанта. Медиатор всего лишь содействует сторонам в достижении компромисса, а не определяет позицию сторон, в отличие от религиозного судьи. И данный факт необходимо учитывать при попытках внедрения института медиации в рамках религиозных организаций.

Дополнительно в правилах проведения религиозной медиации следует уточнить сферу ее применения и ее особенности, в частности, в семейных отношениях, так как с рассмотрением последних наиболее часто будут сталкиваться медиаторы. И здесь законодательство некоторых стран СНГ имеет преимущество в плане проработанности перед российским Законом о медиации. Так, ст. 25 Закона Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» устанавливает особенности медиации в сфере семейных отношений. Согласно Закону, посредством медиации могут разрешаться разногласия между супругами относительно продолжения брака, осуществления родительских прав, установления места жительства детей, вклада родителей в содержание детей, а также любые другие разногласия, возникающие в семейных отношениях (ч. 1 ст. 25). При проведении медиации медиатор должен учитывать законные интересы ребенка (ч. 2 ст. 25). Если в ходе медиации устанавливаются факты, которые подвергают или могут подвергнуть опасности нормальный рост и развитие ребенка или наносят серьезный ущерб его законным интересам, медиатор обязан обратиться в орган, осуществляющий полномочия по защите прав ребенка (ч. 3 ст. 25) [6]. Полагаем, что в правилах проведения религиозной медиации, которые будут приниматься российскими религиозными организациями, также возможно предусмотреть аналогичные нормы.

Отметим, что Закон Республики Казахстан «О медиации» в ч. 1 ст. 15 предусматривает, что наряду с медиаторами, осуществляющими свою деятельность на непрофессиональной основе, медиацию могут проводить избираемые собранием (сходом) местного сообщества для этих целей члены местного сообщества, имеющие большой жизненный опыт, авторитет и безупречную репутацию. Считаем, что можно было бы рассмотреть вопрос о включении аналогичной нормы в Закон о медиации Российской Федерации, что могло бы способствовать развитию медиации, например, в регионах Северного Кавказа (на основе советов старейшин). Однако и здесь существует вероятность фактического превращения медиации в религиозные третейские суды, что следует принимать во внимание законодателю.

При разработке правил религиозной медиации следует руководствоваться также кодексами этики медиаторов, разрабатываемыми саморегулируемыми организациями медиаторов [7; 8]. Особое значение в разработке правил имеет раскрытие таких принципов медиации, как честность, объективность, беспристрастность и нейтральность, компетентность и должная тщательность, конфиденциальность, профессионализм, противодействие недобросовестным приемам в переговорах и сделках и др.

Поскольку религиозную медиацию предполагается использовать при разрешении споров, возникающих в первую очередь из семейных правоотношений, обратимся к вопросу исполнения медиативных соглашений. По правилу ч. 4 ст. 12 Закона о медиации, медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. К такой сделке могут применяться правила гражданского законодательства об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда. Защита прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения такого медиативного соглашения, осуществляется способами, предусмотренными гражданским законодательством.

В приведенной выше норме ч. 4 ст. 12 Закона о медиации говорится о споре, возникшем из «гражданских правоотношений». Между тем в ч. 2 ст. 1 Закона о медиации упоминается, что Закон регулирует отношения, связанные с применением процедуры

медиации к спорам, возникающим из гражданских, трудовых и семейных правоотношений. Если толковать положения ч. 4 ст. 12 и ч. 2 ст. 1 Закона о медиации буквально, то получается, что защита прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения медиативного соглашения по спору, возникшему из семейных правоотношений, не предусмотрена законодателем.

Следовательно, исполнение медиативного соглашения, заключенного сторонами по спору, возникшему из семейных правоотношений, возможно лишь в порядке ч. 2 ст. 12 Закона о медиации на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Принудить сторону к исполнению медиативного соглашения посредством обращения в суд невозможно. Эту особенность законодательства следует принять во внимание при внедрении религиозной медиации на территории Российской Федерации.

Как видим, религиозная медиация в Российской Федерации теоретически возможна, однако для ее применения в соответствии с нормами Закона о медиации необходимо решить в первую очередь следующие задачи: 1) определить статус религиозного медиатора, чтобы его роль в процессе медиации отвечала требованиям законодательства; 2) исключить любую возможность принуждения или дискриминации сторон; 3) определить круг споров, которые могут быть разрешены при помощи религиозной медиации; 4) решить вопрос об осуществлении медиации в рамках самой религиозной организации либо в рамках специализированной организации, оказывающей услуги по религиозной медиации; 5) разработать правила медиации религиозных споров. Только в случае успешного выполнения вышеуказанных задач можно говорить о перспективах религиозной медиации в России.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Российская газета. – 2014. – № 101.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2013 г. № 345-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2013. – № 49 (ч. I). – Ст. 6346.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г. № 446-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 7011.

4. Добролюбова Е.А. Медиатор vs. Третейский суд: Правовой аспект // Право и экономика. – 2012. – № 4. – С. 29–34 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_PBI_178822/ (Дата обращения: 23.03.2014.)
5. Енютина Г. Медиация в трудовых спорах: третий не лишний // Кадровик.ру. – 2011. – № 5 // Гарант. Информационно-правовой портал – URL: <http://base.garant.ru/59696606/> (Дата обращения: 23.03.2014.)
6. Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401–IV «О медиации» // Информационная система «Параграф» – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 (Дата обращения: 23.03.2014.)
7. Кодекс этики профессиональных посредников и медиаторов саморегулируемой организации медиаторов Некоммерческое партнерство «Сибирский центр конфликтологии» от 15 апреля 2011 г. // Сайт Консалтинговой компании «Restate Недвижимость и Консалтинг» – URL: <http://www.restat.ru/catalog/file/1308032020.pdf> (Дата обращения: 23.03.2014.)
8. Кодекс профессиональной этики медиаторов Некоммерческого партнерства «Альянс профессиональных медиаторов» от 3 мая 2012 г. // Ресурсный Центр медиации – URL: http://mediators.ru/rus/regional_mediation/moscow/docs6/text3 (Дата обращения: 23.03.2014.)
9. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова. – М.: ООО «Городец-издат.», 2003. – 848 с.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / Отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа, 2011 // Гарант. Информационно-правовой портал – URL: <http://base.garant.ru/58108825/> (Дата обращения: 23.03.2014.)
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – № 237; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 12. – Ст. 1201.
12. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г. № 233-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162; 2013. – № 30 (ч. I). – Ст. 4066.
13. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465; 2013. – № 27. – Ст. 3477.
14. Постановление Госстандарта России от 6 ноября 2001 г. № 454-ст (ред. от 14.12.2011) «О принятии и введении в действие ОКБЭД» (вместе с «ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности») // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128326/ (Дата обращения: 23.03.2014.)
15. Правила проведения медиации (утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21301150&p1=1&p5=0> (Дата обращения: 23.03.2014.)

16. Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сборник ст. / Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=17157> (Дата обращения: 23.03.2014.)
17. Разъяснения Минэкономразвития РФ от 27 мая 2011 г. «Позиция Минэкономразвития России по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г. № 126-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16; Российская газета. – 2014. – № 101.
19. Clarke G.R., Davies I.T. ADR – Argument For and Against Use of the Mediation Process Particularly in Family and Neighbourhood Disputes // Queensland University of Technology Law Journal. – December, 1991. – P. 81–95.
20. Fiss O.M. Against Settlement // Yale Law Journal. – 1984. – Vol. 93, № 1073. – P. 1073–1090.
21. Goltsman M., Hörner J., Pavlov G., Squintani F. Mediation, Arbitration and Negotiation // Journal of Economic Theory. – 2009. – Vol. 144, № 4. – P. 1397–1420.
22. Goundry S.A., Peters Y., Currie R. Family Mediation in Canada: Implications for Women's Equality. A Review of the Literature and Analysis of Data from Four Publicly Funded Canadian Mediation Programs. – Ottawa, 1998. – 215 p.
23. Harges B.M. Mediator Qualifications: The Trend Toward Professionalization // Brigham Young University Law Review. – 1997. – Vol. 687. – P. 687–714.
24. Marcil J.G., Thornton N.D. Avoiding Pitfalls: Common Reasons for Mediation. Failure and Solutions for Success // North Dakota Law Review. – 2008. – Vol. 84, № 3. – P. 861–876.
25. Neilson L. Solicitors Contemplate Mediation – Lawyers Perceptions of the Role and Education of Mediators // International Journal of Law and the Family. – 1990. – № 4. – P. 235–269.
26. Nolan-Haley J. Mediation: The «New Arbitration» // Harvard Negotiation Law Review. – Spring, 2012. – Vol. 17, № 1. – P. 61–95.

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2014 г., № 4, с. 18–28.*

Н. Мухелишвили,

доктор психологических наук, профессор
Центра изучения религий (РГГУ)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СЕЛЕЗНЁВ Н.Н.

«PAX CHRISTIANA ET PAX ISLAMICA:

**ИЗ ИСТОРИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
СВЯЗЕЙ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ БЛИЖНЕМ
ВОСТОКЕ»***

В рецензируемой монографии¹ представлен анализ ценных письменных памятников, являющихся источниками для истории взаимодействия этноконфессиональных сообществ (прежде всего, христиан разных деноминаций). На основании анализа оригинальных данных о творческом сотрудничестве на Ближнем Востоке в эпоху расцвета арабской культуры, автор описывает историческое становление объединительной парадигмы межконфессионального взаимодействия. По справедливому утверждению Н.Н. Селезнёва, «арабская мысль побуждала заново и по-новому осмыслить как непосредственно доисламское, так и классическое наследие», способствовала формированию исследовательских подходов. В обозначенную эпоху в творческих союзах объединялись мусульмане и представители других религий, в том числе и представители различных христианских исповеданий.

Во время арабского владычества, охватившего множество стран от Туркестана на Востоке и до Испании на Западе, идейные столкновения в христианском мире продолжали происходить, и порожденные ими разделения сохранялись. Для мусульманского средневекового ученого христианство было собранием разных исповеданий, воплощенных в разных культурах.

Основными выделявшимися конфессиями в этом многообразии было восточно-сирийское христианство в Персии, православие «ромеев» – то есть греко-римского мира, и группа общин, заявивших о своем противостоянии Халкидонскому собору, позже поле-

* Селезнёв Н.Н. *Pax Christiana et Pax Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке* / Российский государственный гуманитарный университет; Институт восточных культур и античности. – М.: РГГУ, 2014. – (Серия: «Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ», Вып. XLV). – 264 с.

¹ Селезнёв Н.Н. *Pax Christiana et Pax Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке*. – М.: РГГУ, 2014. – С. 33.

мически названная «монофизитским» сообществом. Мусульманские книжники, однако, не только свидетельствовали о разделениях среди христиан, но и указывали на принципиальную общность разных христианских исповеданий. При обращении же к истории объединительного движения в христианстве, прежде всего, привлекает внимание межконфессиональное сближение в эпоху расцвета арабского халифата. Автор рассматриваемой монографии отмечает здесь влияние мусульманской книжности. Восточно-христианские сообщества тогда пошли на тесное взаимодействие, и христианские мыслители того времени отчетливо высказывали идеи общехристианского единства.

Концептуальное осмысление опыта межконфессионального взаимодействия и его теоретических рефлексий в оригинальных арабских сочинениях позволяет Н.Н. Селезнёву выстраивать историю конструктивного социального взаимодействия религиозных групп. Новый характер этноконфессиональных связей, сформировавшийся в истории межконфессионального взаимодействия в русле арабской средневековой культуры, основанном, по мнению автора, на анализе источников, отличался признанием равноценности интеллектуальных достижений разных религиозных сообществ вопреки их взаимному противостоянию в истории.

Методология автора складывается из использования историко-филологического метода в качестве основы при анализе идейно-концептуального содержания источников (в случаях необходимости применяется критический текстологический анализ) и выявления универсальных и потому сохраняющих актуальность (что важно как в научном, так и в социальном планах) элементов системы взаимодействия.

Не остались неотмеченными автором книги и те трансформации сознания, которые происходили под влиянием изменений социально-политической обстановки. Тесное взаимодействие, которым отмечается история восточнохристианских сообществ этого времени, и идеи общехристианского единства, высказывавшиеся тогда христианскими интеллектуалами, указывают на значительный, по сравнению с доисламской эпохой конфессионального расхождения, парадигматический сдвиг во взаимоотношениях христианских сообществ. Можно подумать, что стимулом к такому сближению было давление внешней силы – мусульманского господства. Этот фактор нельзя снимать со счетов. Но был и другой мощный стимул. Обширное государство арабов обнаружило

стремление к созиданию новой культуры, и христиане разных исповеданий были активно вовлечены в этот творческий процесс.

Создавались университеты – как на Востоке, так и в Южной Европе, где шла интенсивная работа по переводу интеллектуального и духовного наследия доисламских цивилизаций на арабский язык, ставший новым *lingua franca*.

Культурный подъем, обусловленный успехами арабских завоевателей, стал, таким образом, средой соединения и объединения разошедшихся христианских традиций.

Книга Н.Н. Селезнёва – ценная научная работа, представляющая интерес для исследователей целого ряда областей, и в то же время, несомненно, интересная для широкого читателя.

*«Религиоведение»,
Благовещенск, 2014 г., № 3, с. 196–197.*

РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 9 (279)

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 31/VIII-2015 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 250 экз. Заказ № 81

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9